

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Новосибирский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

ЗИНОВЬЕВА Людмила Васильевна

**СТРУКТУРА РОЛЕВЫХ ДИСПОЗИЦИЙ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К
ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ**

Специальность 19.00.05 – социальная психология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
кандидат психологических наук,
доцент Перевозкина Юлия Михайловна

Новосибирск
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ.....	17
1.1. Исследование девиантного поведения в отечественной и зарубежной психологии.....	17
1.2. Факторы, обуславливающие девиантное поведение подростков.....	22
1.3. Признаки склонности к девиантному поведению в подростковом возрасте.....	28
Выводы по первой главе.....	36
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СТРУКТУРЫ РОЛЕВЫХ ДИСПОЗИЦИЙ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ.....	38
2.1. Подходы в отечественной и зарубежной психологии к проблеме ролевого поведения.....	38
2.2. Ролевые диспозиции как фактор склонности к девиантному поведению.....	44
2.3. Моделирование структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению	52
Выводы по второй главе.....	90
ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОГРАММЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ С УЧЕТОМ РОЛЕВЫХ ДИСПОЗИЦИЙ ПОДРОСТКОВ.....	94
3.1. Сущность профилактики девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения.....	94
3.2. Результаты апробации программы профилактики девиантного поведения подростков.....	102

3.2.1. Трансформационная ролевая игра как форма профилактики девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательной школы.....	104
3.2.2. Оценка эффектов программы психологической профилактики девиантного поведения подростков	117
3.3. Интерпретация по эмпирическим основаниям структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению.....	124
Выводы по третьей главе.....	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	134
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	143
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	161
Приложение 1. Результаты исследования структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению	161
Приложение 2. Форма для наблюдения и фиксации показателей.....	167
Приложение 3. Патент на изобретение способа оценки психосоциального профиля личности.....	168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Социальная нестабильность и трансформация современного общества, пронизывающая все сферы жизнедеятельности, выступает фактором, обуславливающим девиантное поведение подрастающего поколения. В этой связи забота о психологическом благополучии детей и подростков приобретает особое значение. Несмотря на обширный характер теоретических и эмпирических исследований девиантного поведения подростков, отмечается сосредоточенность исследовательского интереса на изучении отдельных его аспектов (факторов, видов, механизмов, методов профилактики), которые зачастую не имеют единой методологической основы. В контексте практического содержания необходимо указать на отсутствие системы критериев, позволяющих эффективно распознавать ролевые диспозиции подростков к реализации девиантного поведения в условиях общеобразовательного учреждения. В то же время период подросткового возраста характеризуется значительными биологическими и психическими преобразованиями в онтогенетическом развитии человека, что обуславливает особую чувствительность к социальным изменениям. Информационная перенасыщенность и фрагментарный образ самосознания современной молодежи обуславливают инкогерентный характер межличностных отношений и внутрличностные конфликты, провоцирующие усвоение дезадаптивной социальной роли. В этой связи исследование структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, является актуальным.

Степень научной разработанности темы исследования.

Значительный вклад в становление предметного поля исследования девиантного поведения внесли (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон, Т. Парсонс, Ю.А. Клейберг, А.А. Реан, Ц.П. Короленко, В.Д. Менделевич, Е.В. Змановская). Полоролевые детерминанты девиантного поведения подростков представлены в

работах отечественных и зарубежных исследователей (Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, К.В. Сыроквашина, D. Anderson, M. Hamilton, A. Hardy, D. Howitt, D. Monk, L.A. Ricciardelli, D.J. Parrott). Проблематика диспозиционных механизмов регуляции социального поведения рассматривается в трудах отечественных исследователей (Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов, А.Г. Асмолов, Ю.А. Клейберг). В зарубежной психологии наиболее близкий феномен представлен понятием «аттитюд» (Г. Олпорт, Р. Лапьер, У. Томас, Ф. Знанецкий и др.). Представления о ролевом поведении личности в контексте социального взаимодействия отражены в отечественных и зарубежных исследованиях (Дж. Мид, Р. Линтон, Р.К. Мертон, М. Кун, Я.Л. Морено, И.С. Кон, Г.М. Андреева, Р. Bricheno, M. Thornton, S.K. Johnson, M.H. Buckingham, S.L. Morris, S. Suzuki). Изучение диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, освещается в работах (Ю.А. Клейберг, Е.В. Змановская, Н.В. Разживина, Н. Malin, T.S. Reilly, J.M. Light, J.C. Rusby). Проблемам психологического сопровождения и профилактики девиантного поведения подростков в условиях образовательного учреждения посвящены исследования (С.Н. Дубинин, А.В. Печерский, Н.В. Разживина, С.Г. Литке, Т.Ю. Райфшнайдер, Ф.К. Зиннуров, И.С. Осипова, Т.Н. Курочкина, М.В. Такмакова, Н. Malin, T.S. Reilly, B. Quinn, S. Moran, M.W. Ford, B.M. Greer, J.G. Rosselt, S.D. Stauffer, J.M. Swank, T.R. Paone, J. Packman).

Таким образом, изучение диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, является актуальной темой исследования. Особенно важным представляется выявление структурной организации ролевых диспозиций подростков, обуславливающих готовность к реализации поведенческих девиаций. Знание и учет структуры ролевых диспозиций является значимым условием формирования просоциального поведения подростков.

Актуальность проблематики позволила определить **цель** исследования: выявление специфики структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению.

В соответствии с целью исследования сформулированы следующие **задачи**:

1. Осуществить критериальный и феноменологический анализ склонности к девиантному поведению подростков.
2. Рассмотреть компоненты склонности к девиантному поведению подростков.
3. Определить ролевые диспозиции подростков как предикторы склонности к девиантному поведению в условиях общеобразовательного учреждения.
4. Осуществить эмпирический анализ взаимосвязей ролевых диспозиций подростков с различным уровнем склонности к девиантному поведению.
5. Провести анализ структурной организации ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению.
6. Разработать и реализовать программу профилактики девиантного поведения с учетом структурной организации ролевых диспозиций подростков.
7. Выполнить эмпирический анализ влияния интеграции ролевой диспозиционной структуры на показатели склонности к девиантному поведению.

Объект исследования: девиантное поведение подростков.

Предмет исследования: специфика структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению.

Общая гипотеза исследования. Структура ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, имеет специфический характер.

Общая гипотеза конкретизируется в ряде **частных гипотез**:

1. Наряду с многообразием диспозиционных образований, детерминирующих девиантное поведение, компоненты ролевого взаимодействия выступают значимыми диспозициями склонности к девиантному поведению подростков.
2. Специфический характер структурной организации ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, проявляется преобладанием рассогласованности и дифференцирующих механизмов.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили общенаучные принципы: принцип развития, позволяющий рассматривать личность как развивающуюся систему под влиянием внешне и внутренне обусловленных

факторов (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.И. Фельдштейн, В.С. Мухина и др.); принцип детерминации и взаимодействия, раскрывающий объективную закономерную взаимосвязь и причинную обусловленность всех фактов и явлений (А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов, А.В. Карпов).

Важным теоретико-методологическим ориентиром в исследовании выступила диспозиционная концепция регуляции социального поведения личности (Р. Лапьер, В.А. Ядов, А.Г. Асмолов).

Теоретические положения о специфике ролевого поведения личности в контексте индивидуального социального опыта (Дж. Мид, Р. Линтон, И. Гофман, Р.К. Мертон, М. Кун, Я.Л. Морено, И.С. Кон, Г.М. Андреева); положения о психологии подростка и новообразованиях в подростковом возрасте (В.С. Мухина, Д.И. Фельдштейн, В.Д. Менделевич).

Концепции и теории девиантного поведения (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон, Т. Парсонс, Ю.А. Клейберг, А.А. Реан, В.Д. Менделевич, Е.В. Змановская). Идеи о формировании и функционировании диспозиций (В.А. Ядов, Ю.А. Клейберг). Работы в области психологического сопровождения и профилактики девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения (Н.В. Разживина, А.В. Печерский, С.Г. Литке, Т.Ю. Райфшнайдер, А.Л. Цветкова).

Методы исследования.

На разных этапах работы применялись методы, которые группировались в следующие категории.

1. Общенаучные методы – анализ литературы по проблеме исследования, синтез, обобщение, прогнозирование, сравнение, интерпретация и систематизация результатов исследования.

2. Диагностические методы: Исследование склонности к девиантному поведению: методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (Вологодский центр гуманитарных исследований и консультирования «Развитие», 1992 г.); методика диагностики социально-психологической адаптированности

(шкала СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда; методика диагностики интерактивной направленности личности (Н.Е. Щуркова в модификации Н.П. Фетискина). Исследование ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению: методика «Измерение локуса ролевого конфликта» (П.П. Горностай), методика «Подростки о родителях» (Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына), оценка психосоциального профиля личности (Ю.М. Перевозкина, Л.В. Панышина, О.О. Андронникова, Н.В. Дмитриева).

3. *Методы математико-статистической обработки* – эксплораторный факторный анализ (метод основных компонентов с вращением Varimax-нормализованное), пошаговый множественный регрессионный анализ, параметрический критерий t-Стьюдента для независимых и зависимых групп, критерий d-Колмогорова-Смирнова, кластерный анализ методом полной связи, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), метод корреляционного анализа по критерию r-Спирмена, метод оценки степени организованности корреляционных плеяд и характера их конфигурации (А.В. Карпов). Полученные результаты были обработаны с использованием программы STATISTICA Advanced + QC 10 for Windows Ru.

Основные этапы исследования.

Исследование проводилось с 2014 по 2018 годы и состояло из трех этапов:

Первый этап (2014 – 2015 г. г.) – теоретический анализ научной литературы, постановка и обоснование проблемы, формулирование цели, гипотез и задач исследования, выбор диагностических методик, формирование эмпирической выборки, проведение исследования склонности к девиантному поведению и компонентов ролевого взаимодействия подростков.

Второй этап (2015 – 2016 г. г.) – разработка и реализация программы психолого-педагогической профилактики девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения.

Третий этап (2017 – 2018 г. г.) – обработка, обобщение, и интерпретация полученных результатов, формулирование выводов исследования и оформление диссертации.

Эмпирическая база исследования.

Исследование проводилось на базе Муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 189» г. Новосибирска, Муниципального бюджетного образовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа им. героя России И. Шелохвостова № 105» г. Новосибирска. Выборку исследования составили учащиеся девярых классов в возрасте 14-15 лет, в количестве 231 человек (117 девушек и 114 юношей).

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивались всесторонним анализом результатов отечественных и зарубежных исследований по проблеме при определении исходных теоретико-методологических принципов; использованием методов, адекватных предмету исследования и применением математико-статистических процедур обработки данных в соответствии с целью и задачами исследования; репрезентативностью выборки; сочетанием количественного и качественного анализа результатов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Специфика структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, обусловлена преобладанием дифференцирующих тенденций, дезинтегрированностью и рассогласованностью структурной организации. Подростки, склонные к девиантному поведению, характеризуются низким социометрическим статусом, доминированием деструктивных установок в родительской модели поведения, интернальным типом локуса ролевого конфликта, преобладанием инкогерентных ролей с ориентацией на эгоистические интересы. Обнаруженная закономерность о дезинтегрированности структуры ролевых диспозиций подростков свидетельствует о неспособности следовать социально установленным нормам и принимать их как лично значимые. При этом

рассогласованность компонентов ролевого взаимодействия может отражать типичную для подросткового возраста закономерность – более раннее половое созревание и относительную социальную незрелость. Что обуславливает неудовлетворенность подростков ролью опекаемого, наряду с незрелостью для ответственных ролей взрослого, и провоцирует манифестации поведенческих девиаций, выступающих как специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации своего отношения к ним, с использованием инкогерентных ролевых способов самовыражения. Это определяет фрагментарный и поверхностный характер ролевой идентичности подростков.

2. Структура ролевых диспозиций подростков с низко, умеренно и высоко выраженной склонностью к девиантному поведению отличается качественной гетерогенностью. Наибольшая структурированность и организованность ролевых диспозиций имеет место при низких значениях склонности к девиантному поведению подростков. При переходе от низких значений склонности к девиантному поведению к умеренным и высоким в структуре ролевых диспозиций подростков начинают преобладать дифференцирующие (дивергентные) тенденции над интегрирующими (конвергентными). Это свидетельствует о том, что в основе уровневых характеристик лежат детерминанты структурного плана, которые обуславливают специфику организованности и потенциал трансформации ролевой диспозиционной системы.

3. Ролевые диспозиции подростков, склонных к девиантному поведению, *в плане взаимоотношений с социальной средой*, представлены низким социометрическим статусом с преобладанием числа отвержений в группе сверстников и доминированием деструктивных установок в родительской модели поведения, выражающих непоследовательность, директивность и враждебность. *В плане ориентации в выборе стратегий социального поведения*, ролевыми диспозициями подростков выступают интернальный тип локуса ролевого конфликта, преобладание инкогерентных ролей и направленность на эгоистические интересы.

Ролевые диспозиции подростков, склонных к девиантному поведению, *в плане характера структуры*, представлены доминированием дифференцирующих тенденций, дезинтегрированностью структурной организации, рассогласованностью, возрастно- и полоролевой инкогерентностью. Выявленные индикаторы раскрывают специфику компонентов ролевого взаимодействия подростков и объясняют индивидуальную меру их представленности в контексте последовательного расширения границ общения и включения в различные ситуации социального взаимодействия. При этом социальная среда выступает носителем ролевых диспозиций и детерминирует индивидуальное образование и преобразование диспозиционной структуры, опосредованно через ролевую модель взаимодействия. Диспозиции закрепляются в стереотипной форме, что приводит к сужению диапазона ролевых интеракций, обеспечивая ригидность ролевой структуры и ограниченность регуляции социального поведения.

4. Особенности взаимодействия ролевых диспозиций и склонности подростков к девиантному поведению носят характер взаимодетерминации. Уровень интегрированности структуры ролевых диспозиций влияет на склонность к девиантному поведению, вместе с тем склонность к девиантному поведению является детерминантой структурной организованности ролевых диспозиций. Следовательно, дезинтегрированная, рассогласованная структура ролевых диспозиций подростков приводит к фрагментарной ролевой идентичности, которая характеризует неспособность усвоения социально значимых норм, что обуславливает девиантное поведение. В свою очередь неспособность следовать требованиям социальной среды препятствует усвоению социальной роли как лично значимой компоненты. В то же время, фрагментарная ролевая идентичность может обуславливать девиантное поведение и свидетельствовать о том, что социальная роль не стала для подростка лично значимой. Соответственно, склонность к девиантному поведению подростков является следствием и результатом структурных интегративных эффектов.

Научная новизна результатов, полученных лично соискателем, их отличие от данных других исследований состоит в следующем:

В работе впервые представлен структурно-психологический анализ к описанию специфики ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению. Компонентное содержание склонности к девиантному поведению подростков включает совокупность трех интегральных факторов, отражающих компоненты дезадаптивности, интерактивной приспособленности и интерактивной направленности подростков.

Ролевые диспозиции подростков, *в плане взаимоотношений* с социальной средой, представлены, с одной стороны, доминированием деструктивных установок в родительской модели поведения, выражающих непоследовательность, директивность и враждебность, с другой стороны, низким социометрическим статусом с преобладанием числа отвержений в группе сверстников.

Ролевыми диспозициями подростков, *в плане ориентации* в выборе стратегий социального поведения, выступают интернальный тип локуса ролевого конфликта с ориентацией на внутренние интересы и пренебрежение ожиданиями окружающих, наряду с преобладанием инкогерентных ролей и направленностью на эгоистические интересы.

Выявлена специфика интерактивной приспособленности у подростков с возрастнo- и полоролевой инкогерентностью. Для подростков с рассогласованностью ролевых позиций по полу преимущественно характерны эмоциональная неуравновешенность, неудовлетворенность собой и низкий самоконтроль. Для подростков с рассогласованностью ролевых позиций по возрасту наиболее характерны импульсивность, негативная установка в отношении социальных требований и ориентация на эгоистические интересы.

Впервые установлено различие структур ролевых диспозиций подростков при низко, умеренно и высоко выраженной склонности к девиантному поведению. Обнаружено наличие качественной гетерогенности структур ролевых диспозиций в

трех исследуемых группах. Это свидетельствует о том, что в основе уровневых характеристик лежат детерминанты структурного плана, которые обуславливают специфику организованности и потенциал трансформации ролевой диспозиционной системы.

Ролевые диспозиции склонности подростков к девиантному поведению на структурном уровне характеризуются доминированием дифференцирующих тенденций, дезинтегрированностью и рассогласованностью структурной организации.

Разработаны и доказаны положения, согласно которым выраженность склонности к девиантному поведению подростков имеет структурную обусловленность. Наибольшая структурированность и организованность ролевых диспозиций имеет место при низких значениях склонности к девиантному поведению подростков. Наибольшая степень дезорганизации структуры ролевых диспозиций обнаруживается при высоком уровне склонности к девиантному поведению.

Обнаружены эффекты структурной организации ролевых диспозиций в выраженности склонности к девиантному поведению подростков, согласно которым склонность к девиантному поведению является следствием и результатом структурных интегративных эффектов.

Раскрыты особенности взаимодействия ролевых диспозиций и склонности к девиантному поведению, которые носят характер взаимодетерминации. При этом уровень интегрированности структуры ролевых диспозиций влияет на склонность к девиантному поведению, вместе с тем склонность к девиантному поведению является детерминантой структурной организованности ролевых диспозиций.

Теоретическая значимость исследования.

Внесен определенный вклад в разработку теоретических проблем выявления особенностей диспозиционной структуры и организации психолого-педагогической профилактики девиантного поведения подростков в общеобразовательном

учреждении. Изучена специфика структурной организации внутренних взаимосвязей компонентов ролевого взаимодействия, представленных ролевой когерентностью, типом локуса ролевого конфликта, установками в модели поведения родителей и социометрическим статусом подростков, склонных к девиантному поведению.

Определены качественные трансформации структурной организации внутренних взаимосвязей ролевых диспозиций подростков с низко, умеренно и высоко выраженной склонностью к девиантному поведению.

Расширены представления о диспозиционных образованиях, детерминирующих девиантное поведение. Эмпирически доказано, что компоненты ролевого взаимодействия выступают предикторами склонности к девиантному поведению подростков в плане взаимоотношений с социальной средой, ориентации в выборе стратегий социального поведения и характера ролевого взаимодействия.

Результаты исследования вносят вклад в развитие диспозиционного подхода. Установлено, что уровень интегрированности структуры ролевых диспозиций влияет на склонность к девиантному поведению, вместе с тем склонность к девиантному поведению является детерминантой структурной организованности ролевых диспозиций. Соответственно, склонность к девиантному поведению подростков выступает следствием и результатом структурных интегративных эффектов.

Результаты исследования свидетельствуют о связи выраженности склонности к девиантному поведению с характером структурной организованности ролевых диспозиций подростков, что расширяет представления об организации психологической профилактики девиантного поведения в условиях общеобразовательной школы.

Практическая значимость исследования.

Выявлена специфика структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, знание и учет которой позволит своевременно диагностировать риски и обеспечить оптимальные условия в образовательном

учреждении для укрепления диспозиционных механизмов регуляции просоциального поведения.

На основе изучения теоретико-методических положений и результатов эмпирического исследования представлена программа профилактики девиантного поведения подростков, направленная на увеличение интеграции структурной организации внутренних взаимосвязей ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению.

Содержащиеся в диссертации положения и выводы могут применяться в деятельности педагога-психолога с целью профилактики девиантного поведения подростков, обусловленного дезинтегрированностью и рассогласованностью структурной организации ролевых диспозиций, а также использоваться в лекционно-практической части системы профессиональной подготовки психологов и дополнить содержание дисциплин по социальной психологии, психологии личности и возрастной психологии.

Апробация и внедрение результатов исследования.

Результаты исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры практической и специальной психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». Основные идеи диссертации были представлены в качестве докладов или выступлений на научно-практических конференциях: всероссийских («Использование учебного и научного потенциала в области противодействия терроризму», Новосибирск, 2015, «Актуальные проблемы психологии и педагогики: диагностика, превенция, коррекция», Новосибирск, 2016, «Социокультурные проблемы современного человека», Новосибирск, 2018), международных («Прикладная психология: интеграция и междисциплинарные исследования», Казахстан, 2016), региональных конгрессах общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, Новосибирск, 2016-2017. Автором подготовлено по теме диссертации 13 статей, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, включенных в базу данных Scopus, индексируемых

РИНЦ, общим объемом 12,5 п.л. Получен патент на изобретение способа оценки психосоциального профиля личности (№ 2625284).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Положения, отраженные в работе, соответствуют формуле специальности 19.00.05 – «Социальная психология»: п. 2 «Закономерности общения и взаимодействия людей» в части интерактивной стороны общения, п. 4 «Социальная психология личности» в части рассмотрения социальной и личностной идентичности, социальных установок личности; проблемы соотношения аттитюдов и поведения, п. 5 «Практические приложения социальной психологии» в части рассмотрения основных направлений прикладных исследований и практической работы социальной психологии в сфере образования.

Структуру и объем диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, приложений. Текст диссертации изложен на 168 страницах, иллюстрирован 18 рисунками, 22 таблицами и включает три приложения. Библиографический список содержит 166 наименований, из них 28 на иностранном (английском) языке.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

1.1. Исследование девиантного поведения в отечественной и зарубежной психологии

Анализ проблемы девиантного поведения опирается на позиции различных концептуальных подходов зарубежной и отечественной психологии. Одни из первых теоретических положений, объясняющих феномен девиантного поведения, основываются на биологических предпосылках, влияющих на поведение личности. Так, в XIX веке Ч. Ломброзо, итальянский врач-психиатр и криминалист, разработав биосоциологическую теорию, рассматривает преступное поведение человека во взаимосвязи с его анатомическим строением [66]. К. Лоренц, основываясь на предложенных Ч. Дарвином законах естественного отбора и наследственности, объясняет феномен агрессивного поведения как врожденный инстинкт сохранения жизни и вида [67]. Вместе с тем, допускается, что определенные индивидуально-типологические свойства могут увеличивать вероятность формирования девиантного поведения [21, 65, 164]. С развитием психогенетики предпринимались попытки установления связи между девиантным поведением и наследственными особенностями человека. Несмотря на отсутствие однозначных данных в отношении наличия конкретного гена, отвечающего за определенный вид поведения, многими исследователями признается корреляция между наследственностью и поведением [114, 127]. Таким образом, внутренние биологические процессы могут определять характер реакций человека на воздействия окружающей среды.

Э. Дюркгейм, Р. Мертон с точки зрения социологической теории рассматривали девиантное поведение в контексте утвержденных внутри конкретного общества норм. Согласно известным представителям социологической теории, девиантное поведение рассматривается как результат несогласованности между

установленными культурой устремлениями и социальной структурой, определяющей средства их удовлетворения. Вместе с тем, Э. Дюркгейм полагал наличие девиаций признаком здорового общества, что определяет возможность нормальной эволюции морали и права [28, 72].

Исследование сущности девиантного поведения с позиции психологического подхода конкретизируется на известной психоаналитической концепции, концепции индивидуальной психологии, теории социального научения и гуманистической теории. С позиции психоаналитической концепции основным источником отклонений выступает постоянный конфликт между бессознательными влечениями, образующими структуру «Ид», и ограничениями, исходящими от «Эго» и «Супер-Эго». Нормальное развитие личности предполагает появление оптимальных защитных механизмов, определяющих баланс сферы сознания и бессознательного.

З. Фрейд полагал, что либидо ищет выход в любой творческой деятельности, то есть человек стремится к свободе и самоутверждению. Однако культурные запреты ограничивают свободу и ведут к подавлению и вытеснению либидо, что предполагает сублимацию сексуальной энергии и возможность изменения поведения вплоть до садизма и преступлений [126, 128]. Согласно данной теории, личность с относительно слабым «Супер-Эго» подвержена особому риску частых и серьезных форм преступности, поскольку игнорирует правила, общественные нормы и чувства других. С другой стороны, личность с относительно сильным «Супер-Эго», но слабым «Эго» может погрузиться в общее чувство вины, которое отражается в бессознательном желании быть наказанным, и, следовательно, будет вовлекаться в преступную деятельность для достижения этой цели. Такая личность является незрелой и чрезмерно зависимой от других, склонна нарушать законы общества, вследствие недостаточного понимания норм поведения, или легко поддавшись влиянию девиантных сверстников, наркотиков и алкоголя [143]. Последователи З. Фрейда природу девиантности рассматривают наряду с другими формами отклоняющегося поведения – неврозами, сексуальными расстройствами,

различными формами социальной дезадаптации личности, которую отличают чувство повышенной тревожности, агрессивность, ригидность, комплекс неполноценности [1, 127, 129]. Исследователи сосредотачиваются на природе агрессивности, считая, что в основе агрессии лежат некоторые нереализованные врожденные неосознаваемые влечения, такие как стремление к власти, самоутверждению, превосходству над другими (А. Адлер); мазохистские влечения к страданию, смерти (Э. Фромм); стремление к безопасности, потребность в удовольствии (К. Хорни); потребность в поддержке и одобрении со стороны ближайшего окружения (В. Шутц). Однако дальнейшие исследования показали, что сущность девиации невозможно объяснить лишь на основе анализа психологических факторов [23, 40]. Теория личности предполагает, что корень преступности и девиаций лежит не в сознательной или бессознательной мотивации индивида, но составляет содержание структуры личности [128, 143]. Личность представляется состоящей из мыслей и эмоций, которые проявляются в характере моделей поведения. Согласно данной концепции, лица, вовлеченные в преступность и девиации, имеют свои особенности. Sheldon & Eleanor Glueck утверждали, что преступники и другие асоциальные лица характеризуется особым набором черт, в том числе, самоутверждением, импульсивностью, враждебностью, садизмом, подозрительностью, обидчивостью, нарциссизмом и вызывающим поведением [146].

Представители поведенческой теории Б. Скиннер, Е. Торндайк, Д. Уотсон полагают, что поведение человека определяет окружающая среда [123, 152]. Через научение человек овладевает опытом, а особенности последствий поведения определяют вероятность его повторения. Следуя данной концепции, внешние подкрепления модифицируют поведение и лидера, и девианта. Вместе с тем, с точки зрения теории социального научения, ребенок моделирует формы поведения, в том числе девиантного, посредством наблюдения за другими. А. Бандура предположил, что в период детства ребенок учится вести себя агрессивно и жестоко, непосредственно наблюдая такое поведение у взрослых. Происходит познание не

только агрессивной реакции, но и в каком контексте данная реакция является наиболее подходящей. Основными потенциальными источниками, моделирующими поведение, являются члены семьи, в частности, агрессивные родители, выступающие в качестве шаблонов межличностного взаимодействия [143]. Другими потенциальными источниками являются воздействие окружающей среды и продукты средств массовой информации, телевизионные программы или видеоигры, переполненные изображениями насилия. Наличие данных факторов в сочетании с условиями поощрения и одобрения за проявление агрессии, прекращение, в связи с этим, стресса или напряжения может привести к закреплению и обуславливать наибольшую вероятность проявления девиантного поведения [164].

С точки зрения гуманистического подхода, отклонения в поведении рассматриваются как следствие потери ребенком согласия с собственными чувствами и невозможностью найти смысл и путь к самореализации в сложившихся условиях воспитания. В данном контексте жестокое отношение к ребенку будет обуславливать искаженный процесс социализации и, как следствие, формировать агрессивное поведение [110, 128]. А. Маслоу рассматривает одной из причин отклоняющегося поведения препятствие процессу самоактуализации. Самовыражение через социально-неодобряемые действия обусловлено невозможностью нормальной самоактуализации через любовь, творчество и духовность [70].

Устоявшимся в психологической и медицинской литературе являются понятия «акцентуации характера», «психопатии», «социопатии», которые обозначают поступки и реакции личности непатологической природы. В условиях негативного воспитательного воздействия, когда родителями или лицами, их замещающими, создаются ситуации, в которых обозначаются и закрепляются негативные, отрицательные черты характера. Специфические сочетания черт характера указывают на преобладающий характерологический тип, который может определять те или иные отклонения в поведении [55, 65, 71]. В работах отечественных

исследователей (Е.А. Личко, А.А. Реан и др.) отмечаются наиболее часто представленные акцентуации характера, свойственные подросткам с девиантным поведением, которые выражены такими типами, как: гипертимный, характеризующийся неудержимостью, повышенной активностью, склонностью к риску; эпилептоидный, характеризующийся возбудимостью, напряженностью, авторитарностью, склонностью к агрессии; неустойчивый, стремящийся к праздному образу жизни, определяет тенденции к алкогольной и наркотической зависимости.

Несмотря на широкое использование понятий «девиация» и «девиантное поведение» в различных областях науки (социология, психология, медицина, криминология), существуют противоречия в понимании подходов к выявлению девиации, обусловленные спецификой определения границ нормы [71, 35]. Е.В. Змановская [34] отмечает, что оценка и регуляция поведения человека осуществляется через призму социально-нормативных критериев, соответствующих требованиям конкретного общества в данное время. Трансформация общества определяет изменение действующих в нем социальных норм. Поведение субъекта, противоречащее общественным установкам и ценностям, рассматривается как отклоняющееся. Согласно Е.В. Змановской, девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией [34]. В то же время, автор в своем исследовании дифференцирует отклоняющееся поведение личности от других расстройств, выделяя существенные признаки (рис. 1).

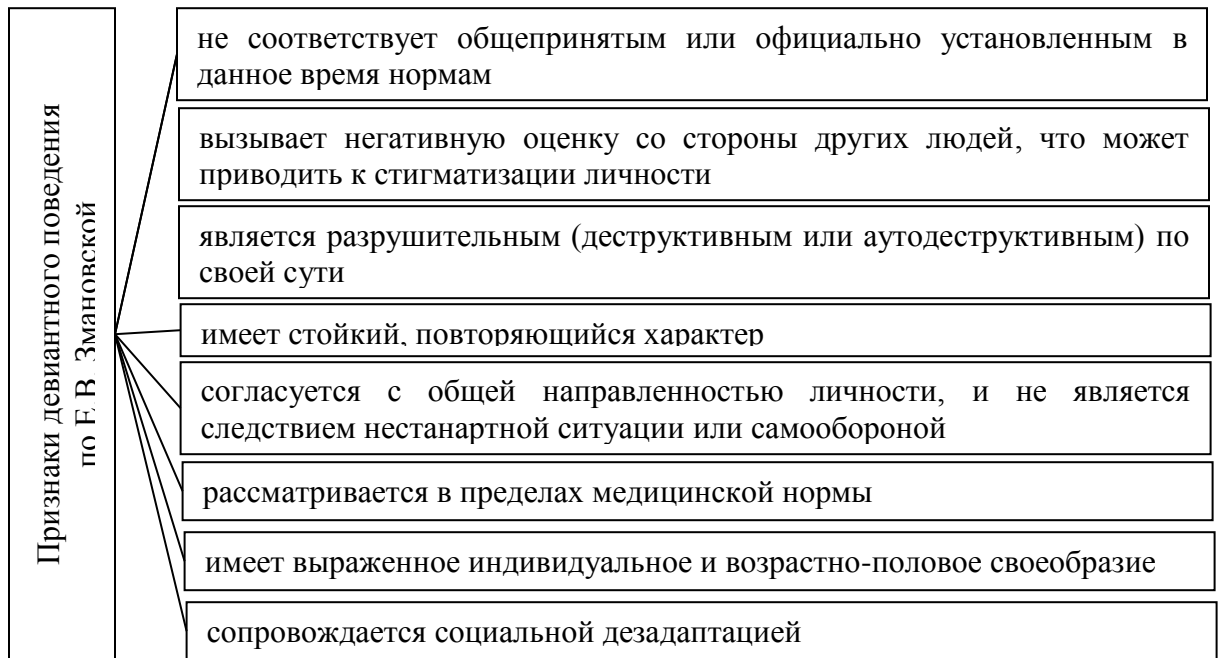

Рисунок 1. Признаки девиантного поведения по Е.В. Змановской

Исходя из теоретического анализа подходов к исследованию девиантного поведения в отечественных и зарубежных научных трудах, можно сделать вывод, что девиантное поведение представляет сложную систему взаимоотношений между субъектом и обществом. Исследователями признается, что социальные условия могут определять характер девиаций, вместе с тем подчеркивается роль индивидуальности конкретного человека в процессе социализации. Таким образом, девиантное поведение отражает существование субъекта в социуме и имеет выраженное индивидуальное и возрастно-половое своеобразие. Одни и те же виды девиантного поведения могут своеобразно проявляться у различных людей в разном возрасте.

1.2. Факторы, обуславливающие девиантное поведение подростков

Раскрывая факторы, обуславливающие девиантное поведение, исследователи опираются на такие основания, что данный феномен представляет собой сложную

форму социального поведения, детерминированного системой взаимосвязанных биологических, психологических и социальных условий. С позиции указанных оснований, Е.Н. Пашкова, В.П. Михайлова и др. [90, 102] дифференцируют факторы девиантного поведения на три группы:

- биологические – отражают неблагоприятные анатомо-физиологические особенности организма (отклонения умственного развития, сенсорные нарушения, повреждения нервной системы, и др.);

- психологические – акцентуации характера или психопатологии, выраженные нервно-психическими заболеваниями, психопатией, неврастенией, пограничными состояниями, повышающими возбудимость нервной системы;

- социально-психологические – представленные недостатками семейного и/или школьного воспитания, в основе которых – игнорирование половозрастных и индивидуальных особенностей ребенка, приводящее к нарушениям процесса социализации.

Вместе с тем, в работах отечественных исследователей выделяются следующие взаимосвязанные факторы, обуславливающие девиантное поведение подростков [71, 35, 46]:

- индивидуальные – отражают психобиологические предпосылки асоциального поведения, которые препятствуют социальной адаптации индивида;

- психолого-педагогические – представляют дефекты школьного и семейного воспитания;

- социально-психологические – представляют неблагоприятные особенности взаимодействия подростка с ближайшим окружением в семье, на улице, в школьном коллективе;

- личностные – выражают избирательное отношение субъекта к предпочитаемой среде общения, нормам и ценностям своего социального окружения, способности и готовности к саморегуляции поведения;

– социальные, отражающие социокультурные и экономические условия жизнедеятельности конкретного общества.

В области юриспруденции при анализе социального поведения используется понятие «антиобщественная установка личности», отражающее совокупность антиобщественных взглядов и убеждений и готовности личности действовать в соответствии с ними. По мнению отечественных исследователей в области детерминации агрессивного поведения преступников (В.Н. Иванченко, А.Г. Асмолов, С.Н. Ениколопов), наиболее емким и операционализируемым понятием, характеризующим механизм конкретной деятельности личности, является понятие «установка личности». Антиобщественная установка личности представлена следующими признаками [36]:

- специфическое состояние готовности к антиобщественному поведению;
- установка сформирована на основе социального опыта жизни;
- специфически организована в силу сложной взаимосвязи и взаимодействия различных положительных социальных установок личности.

С точки зрения нейробиологических исследований, Д. Свааб [114] рассматривает в качестве факторов риска девиантного поведения незрелость некоторых областей мозга, а именно: префронтальной коры (лобной доли) больших полушарий, которые обеспечивают социально ориентированное поведение личности, отвечают за контроль импульсов, за планирование и организацию собственного поведения. Согласно данным исследования, незрелость этих областей мозга у подростков обуславливает высокую предрасположенность к рискованным поступкам и нечувствительность подростков к возможному наказанию, а также злоупотреблению веществами, вызывающими зависимость. В то же время интенсивный рост уровня половых гормонов в период полового созревания стимулирует не только сексуальность, но и проявление агрессивности, повышается вероятность несдержанности, антисоциального и криминального поведения.

Вместе с тем, показателем нормы психического развития выступает способность субъекта к адаптации [25, 26, 34, 35], то есть способности индивида приспособляться к условиям социальной среды и осуществлять взаимодействие. Понимание адаптации берет основы в физиологической традиции, распространившись на междисциплинарный уровень, на современном этапе становится одним из подходов комплексного изучения человека. Постоянный процесс адаптации предполагает поддержание состояния гомеостаза. М.С. Яницкий, А.В. Серый и соавторы в своей работе приводят понимание психического гомеостаза как состояния, в котором удовлетворяется вся система первичных и приобретенных потребностей. Психологические механизмы адаптации авторы определяют как индивидуальные типы реагирования на нарушение сбалансированности в системе «человек-среда» (конфликты, напряжение, фрустрация и др.), обусловленные усилением или ослаблением тех или иных личностных черт и поведенческих реакций [99]. Взгляды отечественных исследователей (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский и др.) сосредотачиваются на том положении, что основным фактором, определяющим рождение, развитие и становление личности, является общество, а личность выступает психосоциальным явлением [20, 113, 61, 95]. То есть личность формируется при участии и под воздействием других людей, передающих накопленные знания и опыт, но не путем простого усвоения общественных отношений, а в результате сложного взаимодействия внешних (социальных) и внутренних (психофизических) задатков развития, представляет собой единство индивидуально-значимых и социально-типических черт и качеств [113, 108]. Таким образом, отечественная психология, не отрицая влияния врожденных особенностей организма на свойства личности, опирается на позиции становления личности по мере включения в окружающую жизнь.

Изучая причинную обусловленность девиантной направленности поведения с точки зрения социального и психолого-педагогического влияния, исследователи

сходятся во мнении, подчеркивая значимость семейной и школьной окружающей ребенка микросреды. В работах отечественных исследователей (И. Невский, Н.В. Разживина и др.) выделяются факторы, среди которых: безучастность родителей в жизни ребенка, девиантное поведение ребенка выступает признаком семейной дисфункции или личностных проблем родителей; школьные проблемы, в частности, неадекватность оценочной и самооценочной деятельности, дифференциация двоечников и отличников, депривация; социальные процессы, дестабилизирующие семью, снижающие нравственно-воспитательный потенциал, разноуровневое образование [78, 105].

В исследовании А.Л. Цветковой [130] приводится изучение взаимосвязи факторов, детерминирующих поведение подростков с различными видами установок и конфликтов в социально значимых ситуациях. Автор полагает, что установка на конфликт может оказывать неоднозначное воздействие на поведение подростка. С одной стороны, она детерминирует агрессивное поведение подростка, а, с другой, актуализирует разные типы психологических защит в зависимости от их личностных особенностей и расширяет репертуар стратегий поведения в конфликте. Общими факторами, детерминирующими поведение подростков, с разным уровнем выраженности установки на конфликт, является агрессивность. Вместе с тем, D.J. Parrot, A. Zeichner [160], изучая гендерные особенности проявления девиантного поведения в подростковом возрасте, обозначили гипермаскулинное поведение как предиктор агрессивности по отношению к окружающим.

Т.Г. Киселева [44, 45], Т.Ю. Райфшнайдер [107] в своих научных работах аргументированно полагают, что формирование девиантного поведения осуществляется под влиянием совокупности внешних причин и личностной предрасположенности. Авторы выделяют основные психологические особенности подросткового возраста, способствующие приобретению девиантных тенденций, к которым относят: повышенную конформность, групповую зависимость, негативизм,

демонстративную независимость, подражательность кумирам, склонность к рискованным действиям.

С позиции индивидуально-личностных представлений на природу девиантного поведения, Ю.В. Зарецкий, В.К. Зарецкий, И.Ю. Кулагина [30] рассматривают в качестве факторов, детерминирующих девиантное поведение подростков, локус контроля, низкий уровень самоуважения и негативное самовосприятие. Авторы приходят к выводу, что у девиантных подростков преобладает экстернальный локус контроля, который предполагает склонность приписывать ответственность за совершенные действия не себе, а внешним факторам. Вместе с тем, низкий уровень самоуважения выражается в попытках компенсировать в асоциальных группах нереализованную потребность в признании и самоутверждении в условиях привычной микросреды (семья, школа).

В исследовании А.В. Печерского [96] приводятся мотивационно-смысловые детерминанты личности, индивидуально-психологические и социально-психологические факторы, которые предполагают активно формирующиеся в подростковом возрасте функциональные образования самосознания и связанные с ними актуальные потребности в самоутверждении, самовыражении, самоопределении и высокой оценке со стороны других. Характерные подростковому возрасту новообразования обуславливают противоречия на межличностном уровне и определяют особенности поведения, социального выбора и способы самореализации. В то же время в исследовании зарубежных авторов Н. Malin, T.S. Reilly et al. [153] представлено изучение особенностей целеполагания в подростковом возрасте как индикатора взаимоотношений подростка и окружающей среды, то есть основная направленность, определяющая поведение. В данном контексте авторы рассматривают специфику направленности целей у подростков, применяемые инструменты и действия для достижения своих целей, а также мотивы. Результаты исследования определили, что в раннем подростковом возрасте отмечается ориентация на общую цель, склонность к определенному направлению. К середине

подросткового возраста начинают формироваться тенденции к определенной социальной роли. Эта роль интегрирует желание подростка внести свой вклад в развитие общества с его уникальными интересами и способностями, позволяющими развивать идентичность. К концу подросткового возраста отмечается переоценка приоритетов и стабилизация целей в отношении обозначенных ролевых представлений.

Социально-личностный подход предполагает взаимодействие ситуативных и личностных факторов, объединяющих биологические, психологические и социальные причины девиаций, по принципу дополнительности. При этом, детерминирующими девиантное поведение являются личностные факторы, а ситуативные, то есть влияние условий среды, играют роль модулятора, определяя вариативность проявления личностных особенностей [51].

Согласно рассмотренным положениям, можно заключить, что девиантные формы поведения, базируясь на индивидуально-психологических детерминантах, имеют зависимость от внешних ситуативных факторов, которые способны провоцировать или блокировать неадекватные формы поведения.

1.3. Признаки склонности к девиантному поведению в подростковом возрасте

В научных работах, посвященных изучению возрастных аспектов отклоняющегося поведения, прослеживаются различные взгляды исследователей в отношении того, с какого возраста можно говорить о проявлении девиантного поведения. Одни исследователи отмечают, что термин «отклоняющееся поведение» может применяться к детям не младше пяти лет, так как ранее пяти лет необходимые представления о социальных нормах в сознании ребенка еще не сформированы, а самоконтроль осуществляется с помощью взрослых. К 9-10 годам у ребенка формируются способности самостоятельно следовать социальным нормам. Если же

поведение ребенка младше пяти лет существенно отклоняется от возрастной нормы, то его целесообразно рассматривать как одно из проявлений незрелости, невротических реакций или нарушений психического развития [35]. В то же время другие исследователи, основываясь на критериях возрастной поведенческой нормы, полагают, что отклоняться от нормативного может поведение индивида любого возраста [71, 77, 79].

Под возрастной поведенческой нормой понимается модель поведения, система предписаний, которых должен придерживаться индивид, чтобы его признали соответствующим определенному возрасту. В процессе оценки возрастной нормы анализируются различные стили деятельности, которым должен соответствовать человек определенного возраста. К ним относятся [71]:

- психомоторные особенности (мимический и жестикуляционный стили);
- интеллектуальные особенности (в частности, способность планировать, прогнозировать собственную деятельность);
- коммуникативный стиль (толерантность и компетентность в общении);
- стиль устной и письменной речи;
- эмоциональные особенности;
- особенности саморегуляции поведения (волевые характеристики).

С позиции социально-психологического подхода, Е.В. Змановская [34] рассматривает определяющим показателем нормативности поведения уровень социальной адаптации личности. В обратном случае, низкая способность самореализации в конкретных социальных условиях, неспособность принимать и следовать требованиям среды как личностно значимым, определяет состояние дезадаптации. Согласно Е.В. Змановской, дезадаптация может быть представлена социальными и индивидуальными проявлениями (рис. 2).

Рисунок 2. Проявления дезадаптации по Е.В. Змановской

Таким образом, приведенные выше признаки дезадаптации, несут деструктивный характер, проявляясь в различных сферах жизнедеятельности, определяя социально неодобряемые формы поведения.

В исследовании зарубежных авторов John M. Light et al. [152] отмечается устойчивый рост асоциального поведения в возрасте от 12 до 15-16 лет. Такой характер негативных поведенческих проявлений в этом возрасте объясняется наличием оппозиционных установок по отношению к окружающим взрослым, в частности к родителям и учителям, что приводит к преждевременной автономии подростка и провоцирует его стремление к принадлежности к асоциальной группе сверстников [147]. Отечественные исследования в области девиантного поведения главным образом рассматривают период подросткового возраста, так как именно подростки представляют собой группу повышенного социального риска [23, 24]. В работах отечественных исследователей (Т.Г. Визель, Л.В. Сенкевич) рассматривается представленная противоправными установками, готовность

личности к совершению действий девиантного характера. Авторы приводят описание следующих видов противоправных установок [19]:

- готовность к агрессивному поведению в межличностном взаимодействии, склонность решать проблемы посредством насилия и использовать унижение партнера по общению как средство стабилизации самооценки;

- готовность к аутоагрессивному поведению в сочетании с выраженной потребностью в острых ощущениях и тенденцией к риску;

- готовность к аддиктивному поведению, выраженная склонностью к иллюзорно-компенсаторному способу решения личностных проблем, к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния, ориентация на чувственную сторону жизни, наличие гедонистически ориентированных норм и ценностей;

- готовность к делинквентному поведению, выраженная отрицанием общепринятых норм и правил, тенденцией к конфликтным действиям.

Известно, что период подросткового возраста характеризуется значительными биологическими и психическими преобразованиями в онтогенетическом развитии человека, что обуславливает особую чувствительность к социальным изменениям [21, 26, 26]. Новизна и хаотичность информационной среды обозначают проблему выбора стратегий поведения, что усложняет взаимодействие подростка и внешней реальности, определяя ряд внутриличностных, межличностных и социальных противоречий. В зависимости от концепции, в современных исследованиях выступают различные понятия, обозначающие категорию подростков с девиантным поведением: «подростки группы риска», «трудные подростки», «асоциальные», «кризисные», «педагогически запущенные», «дезадаптивные» и др. [24, 35, 50, 71]. При этом установлено, что поведение подростков характеризуется определенными особенностями: повышенной эмоциональной возбудимостью, импульсивностью, двигательной и вербальной активностью, неуравновешенностью, внушаемостью, желанием подражать и обостренным стремлением к независимости, негативизмом,

неспособностью к всесторонней оценке обстоятельств вследствие недостатка жизненного опыта [47, 103, 106]. При оптимальных условиях указанные особенности нивелируются за счет соответствующей социально-положительной деятельности. При неблагоприятных условиях данные особенности поведения подростков приобретают деструктивную направленность. Т.Г. Визель [19], обобщая результаты эмпирических исследований, выделяет особенности, характерные для подростков с девиантным поведением, среди которых: склонность неадекватно реагировать на фрустрирующие обстоятельства; крайняя степень эгоцентрированности; агрессивность; слабость самоконтроля; негативные установки по отношению к учебной деятельности, к себе и окружающим людям. Е.И. Рогов [109] в качестве начального этапа развития девиаций отмечает психическую депривацию, одним из видов которой предлагает рассматривать депривацию идентичности (или социальную), обусловленную ограниченной возможностью для усвоения самостоятельной социальной роли.

Относительно преддевиантности, приводящей к стойким формам девиантного поведения, говорил Ф. Патаки [89], допуская наличие «преддевиантного синдрома», который может формировать «ядро» девиантного поведения, то есть стойкие его формы. Ф. Патаки выделяет условные признаки, определяющие риск преддевиантного состояния (рис. 3).

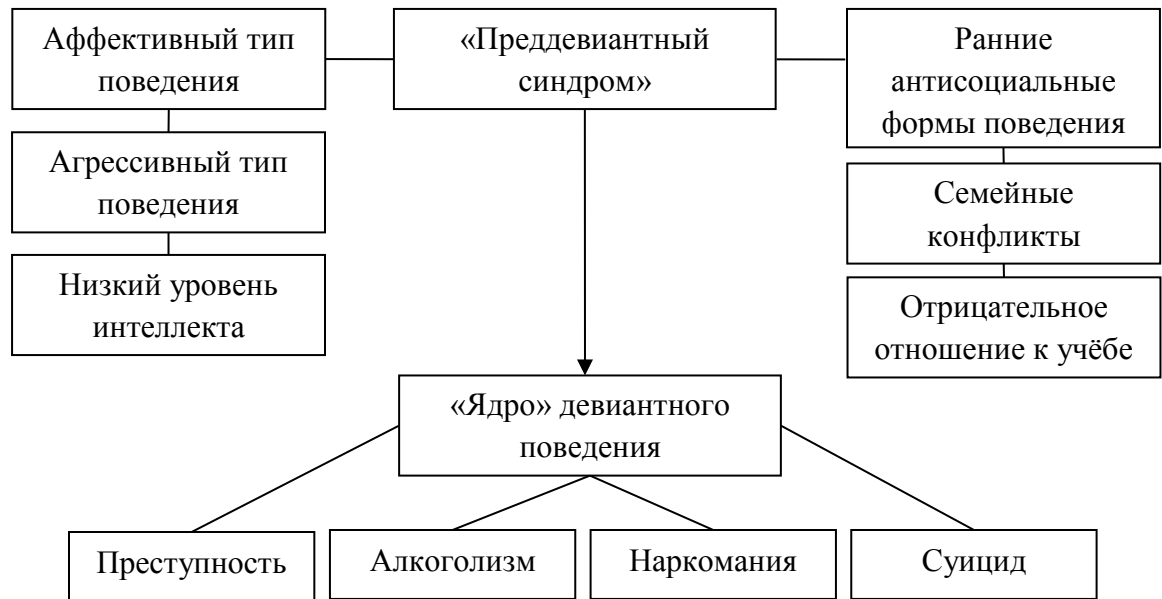

Рисунок 3. Признаки преддевиантности по Ф. Патаки

Таким образом, чем больше проявляется признаков преддевиантности у подростка, тем выше вероятность формирования устойчивых форм девиантного поведения.

Вместе с тем, Ю.А. Клейберг [47] рассматривает девиантное поведение подростков как специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации ценностного отношения к ним, с использованием собственных приемов самовыражения (сленг, стиль, символика, мода, манера, поступок и т.п.). В этой связи девиантные действия могут выступать как средство достижения значимой цели, как способ психологической разрядки или замещения блокированной потребности, как самоцель, удовлетворяющая потребность в самореализации и в самоутверждении. Ю.А. Клейберг полагает, что поведенческая девиация напрямую зависит от комплексного личностного образования, детерминирующего, направляющего и обеспечивающего реализацию девиантного поведения. По мнению автора, в подростковом возрасте наиболее выраженными признаками девиантного поведения выступают [47]:

- высокая аффективная заряженность поведенческих реакций;
- импульсивный характер реагирования на фрустрирующую ситуацию;
- кратковременность реакций с критическим выходом;
- низкий уровень стимуляции;
- недифференцированная направленность реагирования;
- высокий уровень готовности к девиантным действиям.

Кроме того, со стороны эмоционально-волевой и ценностно-нормативной сферы данные признаки могут выражаться такими характеристиками, как: импульсивность, раздражительность, вспыльчивость, агрессивность, конфликтность, тревожность и несформированность системы ценностных ориентаций.

С позиций психолого-педагогического подхода, девиантное поведение подростков может проявляться в вариантах школьной и социальной дезадаптации. Т.Ю. Райфшнайдер [107] в своем исследовании приводит следующие признаки, характерные для подростков, склонных к девиантному поведению: часто бывают несдержанными; вступают в спор со взрослыми; отказываются выполнять общественно необходимую работу; делают то, что раздражает других; часто обвиняют других в своих ошибках; часто сердятся и возмущаются; недоброжелательны и мстительны; сквернословят и говорят непристойности; проявляют жесткость по отношению к младшим и животным и т.д. По мнению автора, в отличие от временных вспышек негативизма, устойчивое негативное поведение создает трудности для окружающих и для собственного развития подростка. Е.В. Змановская [35] выделяет наиболее распространенные поведенческие отклонения, сочетающиеся со школьной дезадаптацией, которые выражаются в дисциплинарных нарушениях, прогулах, в формах гиперактивного, агрессивного и оппозиционного поведения, курении, хулиганстве.

В рамках исследования социально-психологических аспектов буллинга, С.Ю. Тарасова, А.К. Осницкий, С.Н. Ениколопов [120] рассматривают враждебность как негативную установку личности к другому человеку, которая выражена в

неблагоприятной оценке своей жертвы, предполагает готовность демонстрировать негативную оценку словесно или иным способом и является фактором предрасположенности к агрессивному поведению. Результаты исследования показали, что враждебность как фактор предрасположенности к агрессии имеет стабильную взаимосвязь со школьной, межличностной, самооценочной и магической тревожностью подростков. Кроме того, результаты исследований демонстрируют, что жертвы буллинга стабильно свертревожны, обладают высоким уровнем враждебности и склонны к агрессии в поведении.

Ю.А. Парфенов [86, 87] полагает, что девиантное поведение подростков может выступать как форма компенсации и защиты в условиях переживания критических ситуаций. То есть, в условиях критической ситуации субъект склонен непроизвольно действовать неадаптивным, ригидным, входящим в индивидуальные стилевые защитные автоматизмы, выработанным способом. Кроме того, в момент переживания критической ситуации происходит нарастание внутреннего напряжения и снижение установки на социально желаемое поведение. Неадаптивный, индивидуальный стиль переживания, входящий в стилевые защитные автоматизмы, выработанный в процессе преодоления критических ситуаций, может вести к усилению внутриличностных конфликтов и формированию отклоняющегося поведения. С этой позиции девиантное поведение подростков как защитно-компенсаторное образование можно рассматривать в качестве бессознательно выработанного и неадекватно используемого способа переживания критических ситуаций.

Таким образом, признаки девиантного поведения в подростковом возрасте могут выражаться в характере действий и поступков незрелой личности, проявляясь в различных сферах жизнедеятельности и определяя трудности школьной и социальной адаптации.

Выводы по первой главе

Проведенный теоретический анализ исследуемой проблемы позволил сформулировать следующие выводы:

1. Феномен девиантного поведения рассматривается с позиций различных подходов, раскрывающих его биологические предпосылки, социально-ролевые и психологические аспекты. Так или иначе, общим является то положение, что девиантное поведение следует понимать в контексте принятых и утвержденных внутри конкретного общества норм. Девиантное поведение отражает существования субъекта в социуме, включая сложную систему взаимодействия, сосредотачивается на полюсе «адаптация – дезадаптация» и имеет выраженное индивидуальное и возрастно-половое своеобразие.

2. С точки зрения социально-психологического подхода к изучению проблемы, девиантное поведения понимается как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее значимых социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией (Е.В. Змановская).

3. Согласно теоретическому анализу, многообразие факторов, обуславливающих девиантное поведение, в общем плане сосредотачивается на трех аспектах: *биологический*, раскрывающий неблагоприятные анатомо-физиологические особенности организма; *психологический*, включающий акцентуации характера или психопатологии, выраженные нервно-психическими заболеваниями, психопатией, неврастенией, пограничными состояниями, повышающими возбудимость нервной системы; *социально-психологический*, представленный недостатками семейного и/или школьного воспитания, в основе которых лежит пренебрежение половозрастными и индивидуальными особенностями ребенка, приводящее к нарушениям процесса социализации. Таким

образом, формирование девиантного поведения осуществляется под влиянием совокупности внешних причин и личностной предрасположенности.

4. Период подросткового возраста характеризуется значительными биологическими и психическими преобразованиями в онтогенетическом развитии человека, что обуславливает особую чувствительность к социальным условиям. Вместе с тем, негативизм, оппозиционные установки по отношению к окружающим взрослым, стремление к независимости и самоутверждению, наряду с тенденциями испытать разного рода социальные роли, обуславливают противоречия на межличностном уровне и могут выступать триггером для манифестации поведенческих девиаций подростков.

5. Признаки склонности подростков к девиантному поведению раскрываются в специфицирующих поведенческих тенденциях, типичных для данного возрастного периода. В частности, к ним относятся повышенная эмоциональная возбудимость, импульсивность, двигательная и вербальная активность, неуравновешенность, внушаемость, желание подражать и обостренное стремление к независимости, негативизм, неспособность к всесторонней оценке обстоятельств вследствие недостатка жизненного опыта. При оптимальных условиях указанные особенности нивелируются за счет соответствующей социально-положительной деятельности. При неблагоприятных условиях данные особенности поведения подростков приобретают деструктивный характер.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СТРУКТУРЫ РОЛЕВЫХ ДИСПОЗИЦИЙ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

2.1. Подходы в отечественной и зарубежной психологии к проблеме ролевого поведения

Согласно теории культурно-исторического развития, разработанной выдающимися представителями отечественной психологии, среди которых Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др., основополагающим механизмом психического развития человека является механизм усвоения социально-исторических форм деятельности. Психическая природа человека представляется комплексом общественных отношений, которые были интериоризированы и проявляются как личностные свойства [4, 20, 62]. И.С. Кон [49], рассматривая проблему определения свойств индивида и личности, полагает, что особенности индивида формируются и проявляются во взаимодействии, то есть в контексте определенных социальных отношений. Таким образом, определить характеристику поведения человека и его способности межличностного взаимодействия возможно посредством терминов выполняемых им социальных ролей. Понятие социальной роли имеет широкое распространение в социологии и социальной психологии. В рамках ролевого подхода, социальная функция определяется социальной ролью, которую человек реализует. Дж. Мид, Р. Линтон, Р.К. Мертон понимают роль как систему ожиданий относительно поведения личности, представление человека о модели собственного поведения и соответствие поведения занимаемому положению или статусу. В соответствии с этим человек может принимать на себя различные роли, в том числе дезадаптивного характера [72, 73, 131, 145, 155]. Понятие социальной роли было предложено американским социологом Р. Линтоном и включает в себя функциональный набор норм и стереотипов, соответствующих

ожиданиям конкретного общества. Р.К. Мертон [72] расширил представление о социальной роли определением понятия «ролевой набор», который предполагает наличие не одной, а совокупности ролей, характерных для конкретного индивида в условиях взаимодействия с другими людьми.

С точки зрения модели символического интеракционизма Дж. Мида [73, 145], взаимодействие представляет собой обмен символами. Адекватное понимание символического смысла определяет возможность предположения последствий своего поведения с позиции других и адаптации к их ожиданиям. Иными словами, для оптимального процесса взаимодействия людям необходимо уметь корректно интерпретировать значения и намерения других. Дж. Мид назвал это процессом принятия роли, который предполагает, что индивид путем воображения ставит себя на место человека, с которым осуществляется общение. Через принятие роли развивается способность представлять себя в качестве объекта своей собственной мысли, что обеспечивает превращение внешнего социального контроля в самоконтроль. Таким образом, согласно теории Дж. Мида, личность рассматривается как совокупность социальных ролей. Автор выделяет следующие стадии социализации в раннем возрасте:

- стадия имитации - повторение (копирование) отдельных действий, присущих той или иной роли (укладывает куклу или прикладывает к ней стетоскоп);
- игровая стадия (индивидуальные роли) (play stage) – проигрывание целостной роли, но в «социальной группе» своих игрушек (папа, мама, врач и т. д.), происходит «принятие роли другого»;
- стадия игры (коллективные роли) (game stage) – упорядоченное взаимодействие между различными действующими лицами («дочки-матери», «казаки-разбойники» и др.).

В контексте теории Дж. Мида [29, 145], ролевой механизм личности представляет собой взаимосвязь трех основных аспектов: социологического, включающего систему ролевых ожиданий, то есть заданную обществом модель

роли; социально-психологического, предполагающего исполнение роли и реализацию межличностного взаимодействия; психологического, включающего воображаемую роль, которая не всегда реализуется, но может влиять на характер поведения личности.

В то же время один из представителей ролевого подхода Я.Л. Морено [59] выделил ролевые категории, которые определяют позиции субъекта относительно жизнедеятельности. Автор приводит классификацию ролей и выделяет соматические, психические, социальные и трансцендентные роли, соответствующие телесному, интрапсихическому, интерпсихическому и духовному бытию человека. Автор полагал, что в норме в каждый момент жизни человек выступает во всех названных ролях. Они взаимопроникают и определяют друг друга, хотя в конкретной ситуации некоторые могут быть более выражены, чем другие. Роли могут закрепляться в стереотипной форме, что препятствует спонтанности, то есть творческой энергии. Ученый полагал, что специфика ролевого репертуара определяет особенности ролевого развития [144].

Понятие роли в социальной психологии, изучающей закономерности межличностного взаимодействия, используется для описания повторяющихся, стандартизированных форм и способов поведения. Такое понимание предполагает наличие в поведении субъекта некой заданной, стандартизированной социумом, ситуацией или индивидуальным опытом, составляющей. Вместе с тем, известный представитель отечественной социальной психологии И.С. Кон подчеркивает отсутствие абсолютного внешнего предопределения в данном контексте [149]. Кроме того, характер ролевого развития определяется возрастным аспектом. Ученый отмечает, что ребенок в той или иной степени пассивно усваивает презентуемые ему роли, в то время как подросток, стоящий перед выбором во всех сферах жизни, «примеряет» разного рода социальные роли. Д.А. Леонтьев полагает, что усвоение социальной роли представляет два аспекта: технический, который включает восприятие сущности роли через механизм подражания, и смысловой, отражающий

отношение к собственной роли [11]. М.С. Яницкий [99], выделяя этапы формирования, развития и функционирования системы личностных смыслов, полагает, что в подростковом возрасте смыслы становятся элементом субъективной реальности при помощи идентификации со значимыми людьми. Вместе с тем, по мнению автора, данный процесс не включает выработку собственных внутренних ценностей и ограничивается принятием либо непринятием тех или иных групповых ценностей. Неопределенность социальных ролей, свойственных юности, отражает наличие противоречий, присущих данному возрастному периоду, которые представлены более ранним половым созреванием, с одной стороны, и более поздним социальным созреванием, с другой. Исследователи сходятся во мнении относительно указанных противоречий и полагают, что подросток уже не удовлетворен пассивной ролью опекаемого, но еще не созрел для ответственных ролей взрослого [2, 49].

В современных зарубежных исследованиях все более распространено понятие «ролевая модель» (англ. *role model*) – человек, поведение или успех которого имитируются или могут быть эмулированы другими, в особенности молодыми людьми, служит примером ценностей, отношений и поведения, связанных с ролью [151]. Р. Bricheno, М. Thornton [142] провели исследование, направленное на определение того, является ли учитель ролевой моделью для учащихся младшей школы и старшеклассников, и какие атрибуты они считают важными для ролевой модели. В результате было установлено, что лишь 2,4% всех учеников относились к учителю как к ролевой модели. Большинство респондентов в качестве образцов для подражания идентифицировали любящих, заботливых друзей и родственников из их ближайшего социального окружения. Кроме того, авторы подчеркивают, что настойчивые убеждения, бытующие в средствах массовой информации о том, что мужская ролевая модель учителя может положительным образом влиять на поведение и достижения учащихся мужского пола, не были подтверждены в рамках данного исследования.

Как отмечается в работах отечественных и зарубежных исследователей [49, 137, 151], представление о себе неотъемлемо соотносится с принадлежностью к тем или иным группам – возрастным, образовательным, социальным и т.д. Значимым другим, представляющим ролевую модель, может являться отец, друг, учитель и все они в единстве. В исследовании М.С. Яницкого, Г.М. Авилова [137] приводится анализ традиционных игр в аспекте социализации личности. В частности, подчеркивается значимость ролевых игр в процессе этнической социализации, которая потенциально предполагает освоение различных социальных ролей. Авторы полагают, что посредством традиционной ролевой игры осуществляется идентификация ребенка с представителями этнической общности, происходит усвоение и принятие значимых этнокультурных ценностей. Результаты исследования Т. Сарбина демонстрируют зависимость качественных характеристик представлений о себе от количества значимых других, участвующих в воспитании ребенка. Респонденты, которые в детстве общались с большим числом значимых взрослых, характеризуют себя как общительных, эмоциональных, логичных и т.д. В противоположном случае, респонденты, в воспитании которых участвовали преимущественно не более двух взрослых, характеризовались как заторможенные, необщительные и т.д. [2, 49]. В этой связи можно предположить, что участие в жизни ребенка большего числа значимых других, выступающих в качестве ролевых моделей, способствует формированию вариативности способов поведения в коллективе, самоконтроля, моральных оценок и определяет разнообразие ролевого диапазона и гибкость социального характера в процессе межличностного взаимодействия. В то же время, принимая определенную социальную роль, поведение субъекта носит индивидуальный характер. Разнообразие ролевой структуры будет зависеть от характера жизнедеятельности человека и богатства общественных отношений. В ситуации межличностного взаимодействия восприятие и оценка окружающих происходит через призму выполняемых социальных ролей и личного отношения к этим ролям [29, 49]. Понятие роли неотъемлемо предполагает

функцию, нормативный образ поведения, ожидаемый социумом. В данном контексте И.С. Кон утверждает, что такие ожидания определяют общий контур социальной роли, не зависящий от сознания и поведения конкретного субъекта. Ученый резюмирует, приводя слова, что отцы бывают разные, но роль отца всегда предполагает участие в воспитании детей и соответствующую меру ответственности [49]. В структуре социальных процессов жизнедеятельности ожидания представляют некий характер и форму поведения, соответствующего в данном обществе. И.С. Морозова [75] полагает, что ожидание создает атмосферу общего давления на поведение индивида, выступая мощным стимулом. Е.Г. Баранов в своем исследовании рассматривает роль как структурную единицу межличностных отношений, которые, вместе с тем, не являются однородными. Автор подчеркивает возможность ролевого подхода в прогнозировании и профилактике конфликтных взаимоотношений путем перестройки соответствующих ролевых структур. Характеристика роли позволяет предсказать особенности протекания конфликта с ее участием [7].

Таким образом, регуляция поведения осуществляется в соответствии с ожиданиями других и собственными представлениями субъекта относительно определенной роли. Анализ научных исследований позволяет допустить предположение о том, что усвоенная роль может выступать как система значений, представляющая социокультурный опыт, и выражать потребность подростков в самореализации и самоутверждении. Преобладание в индивидуальном опыте действия тех или иных факторов, реализующих процессы личностной динамики, определяет своеобразие ролевой структуры.

2.2. Ролевые диспозиции как фактор склонности к девиантному поведению

Поведение человека по своей сути социально, оно формируется и реализуется в обществе. Характер поведения личности отражает процесс ее социализации – усвоения образцов поведения, психологических установок, социальных норм, ценностей, знаний и навыков, позволяющих успешно функционировать в обществе. Многие авторы (А.Г. Асмолов, В.А. Ядов, И.С. Кон, Г.М. Андреева, Ю.А. Клейберг, Е.В. Змановская, Н.В. Разживина и др.), изучая особенности социального функционирования субъекта, приводят результаты, которые содержательно могут быть соотнесены с ролевыми диспозициями поведенческих девиаций. В контексте социализации личности Е.В. Змановская [35] описывает такие характеристики поведения, как: мотивированность – внутренняя готовность действовать, направляемая потребностями и целями личности; адаптивность – соответствие ведущим требованиям социальной среды; аутентичность – соответствие поведения индивидуальности, его естественность для данной личности; продуктивность – реализация сознательных целей; адекватность – согласованность с конкретной ситуацией. С позиции социально-психологического подхода, норма и девиация представляют равноценные составляющие социально-ролевого поведения [63]. Стремление к самоутверждению в подростковом возрасте носит стихийный характер. Тяга к определенному образцу, идеалу выражается в попытках максимального проявления своих качеств, что нередко приобретает агрессивные формы, в связи с неготовностью принять полярность отношений между идеалом и действительностью. Несоответствие значимого взрослого идеализированному образу болезненно переживается подростком, обуславливая тенденции к негативизму [49].

Во многих исследованиях отечественных и зарубежных авторов в качестве фактора, обуславливающего девиантное поведение в подростковом возрасте, рассматривается полоролевой конфликт [37, 140, 156]. А. Hardy & D. Howitt [149],

исследуя поведение девочек склонных к физической агрессии, предложили понятие «полоролевое смещение», допуская положение, что их выбор маскулинного типа поведения обусловлен субъективной потребностью в защите наряду с желанием независимости. Д.Н. Исаев, В.Е. Каган [37] выявили наличие полоролевого конфликта в характере принятия гендерных ролей у девочек с девиантным поведением, при котором наблюдается несоответствие уровней идентичности. К.В. Сыроквашина [118] в своем исследовании допускает, что полоролевые образы в самосознании подростков оказывают влияние на саморегуляцию и способствуют формированию девиантного поведения. В качестве компонентов самосознания рассматриваются полоролевые образы – стереотипы мужественности и женственности. Таким образом, особенности взаимодействия субъекта раскрываются через ролевое поведение, модель которого представляет само общество, в последующем ожидая от субъекта соответствующего ее исполнения в межличностном взаимодействии. В то же время, в процессе жизнедеятельности человек приобретает индивидуальный опыт взаимодействия в условиях установленных обществом норм. В этой связи, взгляд многих исследователей на понимание проблемы склонности подростков к девиантному поведению сосредотачивается на готовности субъекта к определенному поведению в определенном типе ситуаций, то есть механизм, который обуславливает психический настрой личности на то или иное поведение [46, 35, 105]. С точки зрения изучения регуляции социального поведения личности, В.А. Ядов [136] отмечает наличие определенной диспозиционной направленности в восприятии и соответствующем реагировании на внешние стимулы, которая обусловлена индивидуальным социальным опытом. То есть, диспозиции представляют предрасположенность или установку к действию в определенных условиях соответствующим образом. В.А. Ядов предлагает иерархическую систему диспозиций в зависимости от уровня потребностей личности и ситуаций, соответствующих их удовлетворению [135]:

- первый (низший) уровень составляют элементарные фиксированные установки, отражающие удовлетворение витальных потребностей;
- второй уровень в структуре диспозиций представляет совокупность социальных фиксированных установок, основанных на потребности человека в сопричастности к определенной социальной среде;
- третий уровень составляют базовые социальные установки, выражающие общую направленность интересов к определенной сфере социальной активности;
- четвертый (высший) уровень включает систему ценностных ориентаций, направленную на цели жизнедеятельности и средства их достижения, обусловленные социальными условиями конкретного индивида.

Вместе с тем, в предложенной концепции автор структурирует потребности согласно уровню включения личности в различные сферы социального общения, который отражает последовательное расширение границ активности личности. Потребность субъекта является источником активности в определенных и расширяющихся условиях жизнедеятельности. В контексте включения человека в различные сферы социального общения, В.А. Ядов обозначает в качестве первоначального уровня – включение в ближайшее семейное окружение, далее – в многочисленные контактные коллективы или малые группы, затем – в сферу трудовой деятельности, наконец, включение, посредством всех указанных и иных, в целостную социально-классовую систему через освоение идеологических и культурных ценностей общества [135]. Таким образом, каждый уровень диспозиционной структуры становится активным в соответствующем классе ситуаций в различных сферах жизни – семейная сфера, сфера контактов и социального взаимодействия. В рамках изучения закономерностей организации основных структурных уровней деятельности, А.В. Карпов дифференцирует в ее общей структуре качественно специфический уровень организации, называемый инфрадеятельностным (ситуационным). Данный уровень, согласно автору, в полной мере соответствует понятию ситуации, которая непосредственно конкретизирует

деятельность на любом интервале ее осуществления. Кроме того, инфрадеятельностный уровень включает совокупность качественно гетерогенных, закономерно соорганизованных паттернов как способов «выхода» из ситуации [42]. М.С. Яницкий [138], основываясь на положениях диспозиционной концепции регуляции социального поведения В.А. Ядова, аргументирует, что как высший уровень диспозиционной системы ценностные ориентации зависят от общности, с которой личность идентифицируется. Вместе с тем, ученый замечает, что особенностью ценностной регуляции социального поведения выступает ее отношение не только к отдельным действиям и предметным операциям, но к более масштабным актам деятельности, реализуемым на протяжении жизни. Автор приводит описание особенностей системы ценностных ориентаций при различных формах девиантного поведения [138]. С учетом некоторой противоречивости, обусловленной многогранностью и неоднородностью феномена девиантности, автор констатирует зависимость нормативности поведения от уровня развития ценностной системы. Анализируя предложенный В.А. Ядовым подход в понимании диспозиций, Е.В. Змановская [34] подчеркивает, что именно социальные нормы определяют установки личности, которые, в свою очередь, формируют диспозиционное поведение. Отмечается, что наличие диспозиций обеспечивает эффект адаптации, то есть возможность индивида адекватно реагировать ранее усвоенным образом в известном классе ситуаций [113]. Ю.А. Клейберг [47], исследуя девиантное поведение в контексте диспозиционной системы личности, рассматривает диспозиции в качестве детерминант социального поведения, которые представляют содержательную структуру социальной нормы. Автор приводит общие признаки формирования и функционирования диспозиций, которые определены следующими основаниями:

– диспозиции формируются в процессе жизнедеятельности как результат взаимодействий индивида с социальной средой, являются следствием воспитания и отражают социальный опыт человека;

- объективной системой формирования диспозиций является социальная среда, в частности нормы и ценности конкретного общества;
- представляют функцию ориентации личности в выборе форм социального поведения, придавая ему более генерализованный характер;
- диспозиции обеспечивают селективное и детерминирующее воздействие;
- диспозиции имеют относительно инвариантный характер с изменением интенсивности и направленности поведения в зависимости от структурной интеграции;
- видоизменяются, укрепляются, меняют интенсивность и направленность в процессе жизнедеятельности.

Ю.А. Клейберг [46] рассматривает социальную среду и систему отношений и поведения личности через последовательный процесс взаимовлияния. Согласно положениям ученого, девиантное поведение регулируется диспозиционной системой личности, которая включает многообразие диспозиционных образований, соответствующих витальным и социальным потребностям, а также уровню социальной ситуации. Диспозиционное поведение автор понимает как осознанную готовность, предрасположенность личности на основе ее социального опыта к оценке ситуации и способу поведения, детерминированные реализацией потребностей, интересов, ценностных ориентации и установок. Вместе с тем, Ю.А. Клейберг выделяет четыре типа ситуаций девиантного поведения [46].

1. *Ситуации социально-статусных взаимоотношений*, которые складываются на основе социального статуса их субъектов. В соответствии со структурой ближайшего социального окружения проявляются социально-психологические качества личности. В рамках таких взаимоотношений субъекты выступают как представители класса, социальных слоев, профессиональных групп, политических и общественных организаций, возрастных групп, этнических и территориальных общностей (земляк, сосед, соотечественник).

2. *Ситуации ролевых взаимоотношений*, возникающих при исполнении внутригрупповых ролей (лидер-ведомый и т.д.), и ролей, складывающихся в процессе формального и неформального общения (организатор, руководитель, эрудит, критик, фантазер и т.д.). Ролевые взаимоотношения преимущественно представляют стереотипный характер. Каждой роли соответствует набор экспектаций со стороны Другого, согласно занимаемому статусу. Статусные и ролевые отклонения могут проявляться в деятельностных и нравственных взаимоотношениях, принимая характер зависимости, субординации, взаимопомощи, поддержки, обмена социальным опытом, солидарности, сотрудничества, сопротивления, противодействия и т.д., вплоть до социальных конфликтов и отклоняющегося поведения.

3. *Ситуации повседневной жизнедеятельности*. Отражают действия и поступки человека, имеющие ключевое значение для создания социальных и психологических ситуаций в повседневной жизни, носят наиболее ситуативный характер.

4. *Ситуации ценностных взаимоотношений*. Представляют интегративное единство типов взаимоотношения людей.

Н.В. Разживина [105] в своем исследовании полагает, что склонность подростков к девиантному поведению можно рассматривать как результат сложившейся диспозиции, представленной совокупностью несформированных ценностных ориентации на предшествующем этапе возрастного развития. Автор отмечает, что диспозиция интегрирует многообразие модальностей самоустановок и имеет двойственный аспект, выраженный динамичностью – побуждает субъекта к одному способу поведения; и устойчивостью – удерживает от другого способа поведения. Сформировавшаяся диспозиция стремится к сохранению характерных функций и побуждает субъекта к действию известным способом в определенном классе ситуаций, или стереотипному поведению. В данном контексте Н.В. Разживина подчеркивает необходимость специально организованной работы,

направленной на коррекцию устойчивых диспозиций поведения, определяющих склонность к девиантному поведению в подростковом возрасте. Склонность к девиантному поведению автор определяет как предрасположенность к нарушению социально принятых норм поведения, обусловленную совокупностью внутренних и внешних факторов, образующих и преобразующих диспозиционную систему личности и проявляющуюся в избирательной направленности на выполнение социально неодобряемых действий [105].

Таким образом, признавая ценность представлений о сущности ролевых моделей и диспозиционных механизмов личности в работах зарубежных и отечественных исследователей, можно предположить, что диспозиции субъекта к реализации того или иного поведения в определенной социальной ситуации могут быть представлены ролевыми стереотипами, сформированными в процессе индивидуального социального опыта. Вместе с тем, усвоенные на ранних этапах развития установки могут иметь разнообразный характер, в том числе деструктивный, который проявляется в рассогласованности и девиантной направленности поведения. Исходя из теоретического анализа факторов и предпосылок, способствующих формированию поведенческих девиаций, мы придерживаемся определения понятия «склонность к девиантному поведению», предложенного Н.В. Разживиной [105], которая рассматривает склонность к девиантному поведению как предрасположенность подростков к нарушению социально-принятых норм поведения, детерминированную совокупностью внутренне и внешне обусловленных факторов, образующих и преобразующих диспозиционную систему личности. Вместе с тем, диспозиционное поведение мы будем рассматривать согласно Ю.А. Клейбергу [46], который понимает его как готовность, предрасположенность личности на основе ее социального опыта к оценке ситуации и способу поведения, детерминированную реализацией потребностей, интересов, ценностных ориентации и установок. Таким образом, диспозиции к реализации того или иного поведения могут быть представлены

компонентами ролевого взаимодействия, стереотипами, сформированными в процессе индивидуального социального опыта.

Реализуя критериальный подход к исследованию ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, в качестве теоретического основания были приняты положения В.А. Ядова, А.В. Карпова, Ю.А. Клейберга, Е.В. Змановской, Н.В. Разживиной, на основании анализа работ которых были выделены следующие критерии (табл.1).

Таблица 1

Критерии ролевых диспозиций склонности подростков к девиантному поведению

Критерий	Характеристика
<i>Включенность / изолированность</i> в системе межличностных отношений	Результат взаимодействий субъекта с социальной средой, выраженный характером занимаемой роли в условиях социальной группы. Эмоциональный комфорт, удовлетворенность собой и принятие других. Отражает позицию субъекта в структуре эмоциональных межличностных отношений, его установки. Готовность к изменениям в соответствии с требованиями внешней социальной ситуации. Способность к самоконтролю.
<i>Просоциальность / маргинальность</i> ориентации личности в выборе стратегий социального поведения	Направленность субъекта в условиях межличностного взаимодействия, отражающая конструктивный характер с ориентацией на сотрудничество и поддержку конструктивных отношений. Принятие значимых норм социальной среды. Просоциальные тенденции.
<i>Когерентность / инкогерентность</i> возрастно- и поло-ролевых компонентов, характер структуры ролевых диспозиций	Согласованность характера ролевого взаимодействия субъекта, в аспекте возрастно- и поло-ролевых отношений.

Содержание критериев специфицируется в зависимости от включения личности в различные сферы социального общения, которые отражают последовательное расширение границ активности субъекта. Социальные сферы и ситуации общения убедительно представлены в работах В.А. Ядова, Ю.А. Клейберга

[135, 46]. В частности, В.А. Ядов обозначает в качестве первоначального уровня – включение в ближайшее семейное окружение, далее – в многочисленные контактные коллективы или малые группы, затем – в сферу трудовой деятельности, наконец, включение, посредством всех указанных и иных, в целостную социально-классовую систему через освоение идеологических и культурных ценностей общества. Таким образом, каждый уровень диспозиционной структуры становится активным в соответствующим классу ситуаций. В работах отечественных и зарубежных исследователей справедливо отмечается, что подросток, стоящий перед выбором во всех сферах жизни, «примеряет» разного рода социальные роли [49, 62, 69, 80, 153]. Вместе с тем, наличие оппозиционных установок по отношению к окружающим взрослым усложняет взаимодействие, определяя ряд внутриличностных и межличностных противоречий, что приводит к преждевременной автономии и провоцирует поведенческие девиации. Д.И. Фельдштейн [125] закономерно отмечает, что самоутверждение подростка в социуме может иметь социально полярные основания – от подвига до правонарушения. Таким образом, определенный характер ролевой диспозиционной структуры может обуславливать предрасположенность к девиантному поведению, в то же время условия фрустрирующих ситуаций и стечение обстоятельств способствуют его проявлению.

2.3. Моделирование структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению

Программа эмпирического исследования структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, реализовывалась в несколько этапов (табл.2) и включала применение ряда исследовательских процедур с соответствующей последовательностью.

Организация этапов эмпирического исследования ролевых диспозиций подростков,
склонных к девиантному поведению

Параметры	I этап	II этап	III этап	IV этап
Задача	Изучение компонентов склонности к девиантному поведению подростков.	Выявление ролевых диспозиций склонности к девиантному поведению в подростковом возрасте.	Определение структуры ролевых диспозиций склонности к девиантному поведению в подростковом возрасте.	Выявление влияния интеграции ролевой диспозиционной структуры на показатели склонности к девиантному поведению.
Группы испытуемых	231 человек (114 – м; 117 – ж) Возраст 14-15 лет	231 человек (114 – м; 117 – ж) Возраст 14-15 лет	231 человек (114 – м; 117 – ж): 99 человек с высокой склонностью к девиантному поведению; 69 человек с умеренно выраженной склонностью к девиантному поведению; 63 человек с низкой склонностью к девиантному поведению. Возраст 14-15 лет	99 человек с высокой склонностью к девиантному поведению: 49 человек – экспериментальная группа; 50 человек – контрольная группа. Возраст 14-15 лет
Математические методы исследования	Эксплораторный факторный анализ с вращением Varimax-нормализованное.	Пошаговый множественный регрессионный анализ. Параметрический критерий t-Стьюдента для независимых групп. Критерий d-Колмогорова-Смирнова.	Кластерный анализ методом полной связи. Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Метод корреляционного анализа по критерию r-Спирмена. Метод оценки степени организованности корреляционных плеяд и характера их конфигурации (А.В. Карпов). Метод экспресс- χ^2 (А.В. Карпов, А.А. Карпов).	Параметрический критерий t-Стьюдента для независимых и зависимых групп. Метод корреляционного анализа по критерию r-Спирмена. Метод оценки степени организованности корреляционных плеяд и характера их конфигурации (А.В. Карпов).

Параметры	I этап	II этап	III этап	IV этап
Исследуемые параметры	Выявление компонентов склонности к девиантному поведению в подростковой группе и расчет для каждого испытуемого значений по интегральным факторам.	Вычисление предикторов и оценка их вклада ($p \leq 0,05$) в интегральные факторы склонности к девиантному поведению в подростковой группе с использованием пошаговой множественной регрессии. Оценка значимости различий интегральных факторов в зависимости от возрастнo- и поло-ролевой когерентности ($p \leq 0,05$) с использованием параметрического критерия t-Стьюдента для независимых групп.	Распределение выборки испытуемых на три группы с использованием Кластерного анализа по трем методикам определения склонности к девиантному поведению. Оценка достоверности распределения на три группы (ANOVA, $p \leq 0,05$). Изучение взаимосвязи показателей структурных компонентов ролевых диспозиций склонности к девиантному поведению (на трех подгруппах, $p \leq 0,05$). Расчет индексов когерентности структуры (ИКС), дивергентности структуры (ИДС), организованности структуры (ИОС). Оценка динамики индексов в зависимости от уровня склонности к девиантному поведению подростков. Определение гомогенности / гетерогенности матриц интеркорреляций с использованием метода экспресс- χ^2 (А.В. Карпов, А.А. Карпов).	Оценка результативности программы профилактики девиантного поведения подростков с учетом ролевых диспозиций ($p \leq 0,05$) с применением параметрического критерия t-Стьюдента. Оценка взаимосвязи структурных компонентов и расчет индексов когерентности структуры (ИКС), дивергентности структуры (ИДС), организованности структуры (ИОС) до и после воздействия.

Для выявления ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, в соответствии с целью исследования были отобраны стандартизированные методики (табл. 3) согласно выделенным критериям (см. § 2.2).

Таблица 3

Эмпирическая аргументация исследования ролевых диспозиций склонности подростков к девиантному поведению

Критерий	Содержание критерия	Инструментально-диагностическое обеспечение
Включенность / изолированность в системе межличностных отношений	Отражение установок в модели поведения родителей: – <i>позитивный интерес;</i> – <i>директивность;</i> – <i>враждебность;</i> – <i>автономность;</i> – <i>непоследовательность.</i>	Методика «Подростки о родителях» (Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына) [17]
	Характер приспособленности к условиям взаимодействия, представленный в шкалах: – адаптированность – отражает показатель приспособленности субъекта к условиям межличностного взаимодействия; – принятие себя – отражает характер оценки своих личностных качеств; – принятие других – отражает характер оценки личностных качеств и поведения других людей; – эмоциональный комфорт – отражает состояние эмоциональной комфортности; – ожидание внутреннего контроля – отражает показатель внутренней мотивации и способность управлять собственными поступками; – доминирование – отражает показатель стремления влиять на других; – уход от проблем – выражается стремлением ухода от действительности в мир иллюзий; – шкала лжи – определяет склонность респондента на социально желательные ответы.	Методика диагностики социально-психологической адаптированности, шкала СПА (К.Роджерс, Р. Даймонд) [16, 100]

Критерий	Содержание критерия	Инструментально-диагностическое обеспечение
	<p>Социометрический статус подростка в структуре эмоциональных межличностных отношений группы. В зависимости от числа положительных выборов и отвержений, в системе социометрических статусов могут быть представлены следующие категории:</p> <ul style="list-style-type: none"> – <i>популярные</i> – имеют значительное число положительных выборов и малое число – отвержений, то есть это лица, эмоционально привлекательные в группе (предпочитаемые / звезды); – <i>непопулярные</i> – составляют неоднородные категории, среди которых отмечаются: <i>пренебрегаемые</i> (имеют положительные выборы, но больше насчитывается отвержений, то есть лица эмоционально не привлекательные), <i>отверженные</i> (имеют только разное количество отвержений, то есть воспринимаются экспрессивно отрицательно), <i>изолированные</i> (отсутствуют как выборы, так и отвержения, то есть лица, эмоционально несуществующие для группы). 	<p>Методика «Социометрия» Дж. Морено [10, 100]</p>
<p><i>Просоциальность / маргинальность</i> ориентации в выборе стратегий социального поведения</p>	<p>Направленность в условиях ролевого конфликта:</p> <ul style="list-style-type: none"> – <i>интернальные</i> стратегии поведения, характеризуют ориентацию на внутренние ценности личности, что обуславливает противоречие между собственным ролевым поведением и социальными ожиданиями, провоцируя межличностный ролевой конфликт; – <i>экстернальные</i> стратегии поведения в условиях ролевого конфликта, отражают ориентацию субъекта на внешнюю систему ценностей, определяя внутриличностный ролевой конфликт. 	<p>Методика «Измерение локуса ролевого конфликта» (П.П. Горностай) [22]</p>
	<p>Вектор интерактивной направленности подростков, представленный в следующих шкалах:</p> <ul style="list-style-type: none"> – шкала ориентации на личные интересы – отражает мотивы собственного благополучия во взаимодействии с другими людьми; – шкала ориентации на взаимодействие и сотрудничество – отражает направленность на совместную деятельность в межличностном взаимодействии; – шкала маргинальной ориентации – выражается в импульсивности и конфликтности во взаимодействии. 	<p>Методика диагностики интерактивной направленности личности (Н.Е. Щуркова в модификации Н.П. Фетискина) [69, 100]</p>

Критерий	Содержание критерия	Инструментально-диагностическое обеспечение
	<p>Предрасположенность к девиациям в поведении:</p> <ul style="list-style-type: none"> – шкала установки на социальную желательность (установка на социально желательные ответы); – шкала склонности к нарушению норм и правил (тенденции к реализации социально-неодобряемого поведения в обществе); – шкала склонности к аддиктивному поведению (наличие зависимостей); – шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению (тенденции к реализации поведения, угрожающего целостности индивида и развитию личности); – шкала склонности к агрессии и насилию (тенденции к разрушению и склонность к насилию); – шкала волевого контроля эмоциональных реакций (способность к регуляции процессов возбуждения и торможения); – шкала склонности к делинквентному поведению (тенденции к реализации поведения, противоречащего правовым нормам, угрожающего социальному порядку и благополучию окружающих). 	<p>Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (Вологодский центр гуманитарных исследований и консультирования «Развитие», 1992) [69, 100]</p>
<p><i>Когерентность / инкогерентность</i> возрастно- и поло-ролевых компонентов, характер структуры ролевых диспозиций</p>	<p>Характер ролевого взаимодействия субъекта, в аспекте возрастно- и поло-ролевых отношений:</p> <ul style="list-style-type: none"> – <i>ригидность / гибкость</i> ролевого взаимодействия; – <i>когерентность / инкогерентность</i> (согласованность / рассогласованность ролевого взаимодействия относительно пола / возраста). 	<p>Методика оценки психосоциального профиля личности (Ю.М.Перевозкина, Л.В. Панышина, О.О.Андронникова, Н.В. Дмитриева) [83, 88, 92]</p>

С целью определения **компонентов склонности к девиантному поведению подростков** в условиях образовательного учреждения был проведен эксплораторный факторный анализ по методу главных компонент с вращением «варимакс нормализованное» (рис. 4).

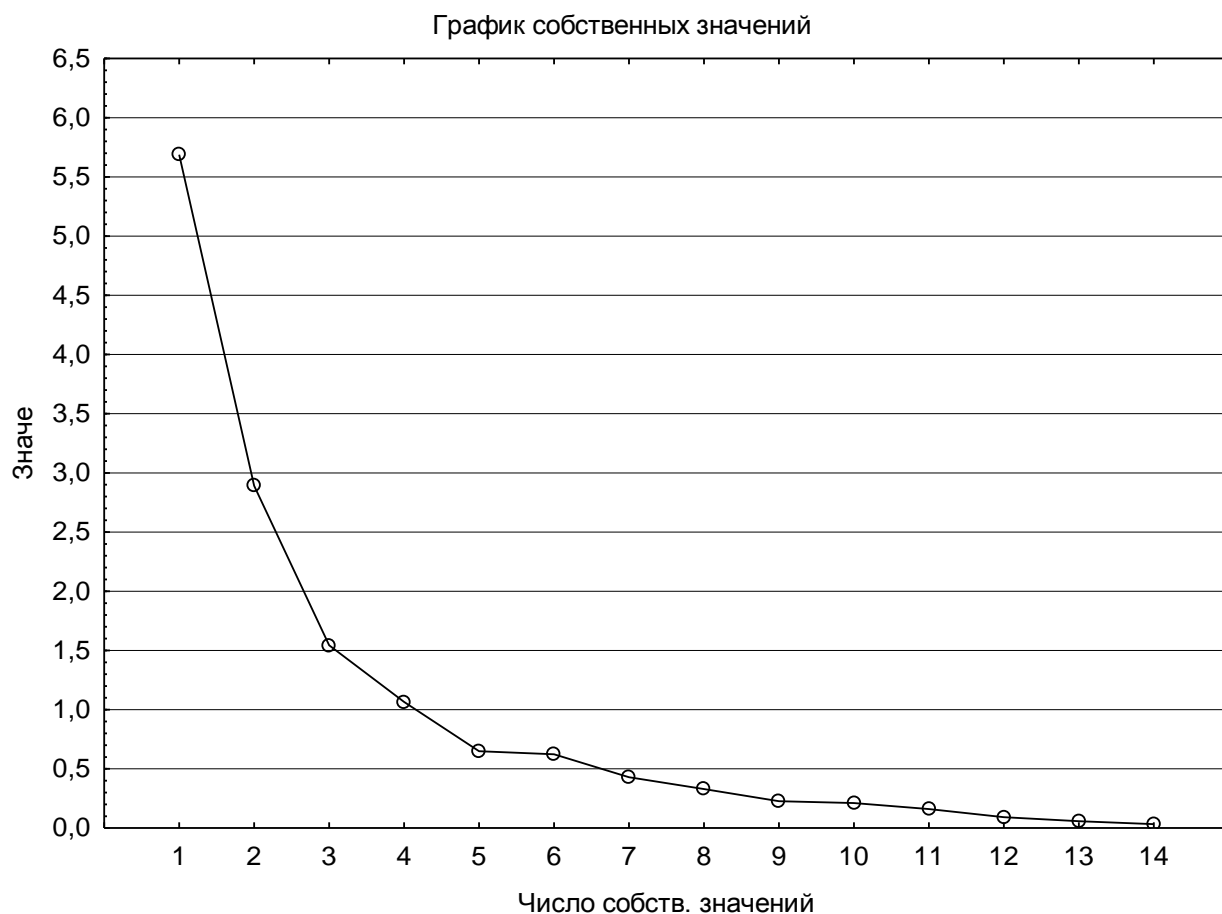

Рисунок 4. График собственных значений

В результате было извлечено три фактора с собственными значениями больше единицы и объясняющих 72,31 % общей изменчивости (табл. 4, 5).

Таблица 4

Показатели собственных значений компонентов и объясняющей совокупности дисперсии

№ п/п	Собств. знач.	% общей дисперсии	Кумулятивн. собств. знач.	Кумулятивн. %
1	5,69	40,63	5,69	40,63
2	2,89	20,65	8,58	61,28
3	1,54	11,03	10,12	72,31

Трехфакторная структура склонности к девиантному поведению подростков по методу главных компонент с вращением «варимакс нормализованное»

Переменные	Факторы		
	Дезадаптивность	Интерактивная приспособленность	Интерактивная направленность
Склонность к нарушению норм и правил	0,74	-0,14	0,38
Склонность к аддиктивному поведению	0,86	-0,19	0,18
Склонность к самоповреждающему поведению	0,78	-0,12	0,04
Склонность к агрессии и насилию	0,84	-0,02	0,18
Волевой контроль эмоциональных желаний	0,71	-0,07	-0,13
Склонность к делинквентному поведению	0,85	-0,17	0,19
Ориентация на личные интересы	0,20	0,12	0,72
Ориентация на взаимодействие и сотрудничество	-0,15	0,23	-0,91
Маргинальная ориентация	0,04	-0,28	0,59
Адаптированность	-0,13	0,97	-0,10
Принятие себя	-0,14	0,86	-0,19
Принятие других	-0,17	0,85	-0,09
Эмоциональный комфорт	-0,11	0,85	0,09
Ожидание внутреннего контроля	-0,08	0,84	-0,24
Объяснимая дисперсия по фактору (в %)	40,63	20,65	11,03
Общая объяснимая дисперсия (в %)	72,31		

Первый фактор, имеющий наибольшую объяснительную силу (40,63 % общей изменчивости), образует семь переменных с факторными нагрузками от 0,71 до 0,86 (табл. 5). Наибольшую факторную нагрузку имеет переменная «склонность к аддиктивному поведению» (0,86 – факторная нагрузка), которая отражает форму зависимого поведения от определенных веществ или специфической активности. Следующей по величине факторной нагрузки выступает переменная «склонность к делинквентному поведению» (0,85), которая отражает тенденции к реализации поведения, противоречащего правовым нормам, угрожающего социальному порядку

и благополучию окружающих. В то же время тенденции к разрушению и принудительным актам выражены переменной «склонность к агрессии и насилию» (0,84). Переменная «склонность к самоповреждающему поведению» (0,78), определяет тенденции к реализации поведения, направленного на причинение вреда самому себе, угрожающего сохранению целостности индивида. Тенденции к реализации социально-неодобряемого поведения выражены переменной «склонность к нарушению норм и правил» (0,74). Наименьшую факторную нагрузку имеет переменная «волевой контроль эмоциональных желаний» (0,71), которая отражает способность к регуляции процессов возбуждения и торможения.

Анализ переменных с наибольшими нагрузками по первому фактору демонстрирует, что данный фактор отражает аспект дезадаптивности. Это свидетельствует о том, что испытуемые, имеющие положительные значения по данному фактору, будут характеризоваться как имеющие деструктивный потенциал и предрасположенность к реализации социально-неодобряемых действий. Тогда как отрицательные значения по фактору дезадаптивности будут отражать тенденции к реализации социально-одобряемого, просоциального поведения.

Второй фактор (охватывает 20,65 % общей изменчивости) образует пять переменных с факторными нагрузками от 0,84 до 0,97 (табл. 5). Наибольшую величину факторной нагрузки имеет переменная «адаптированность» (0,97 – факторная нагрузка), которая отражает показатель приспособленности субъекта к условиям межличностного взаимодействия. Следующей по величине факторной нагрузки выступает переменная «принятие себя» (0,86). Данный показатель отражает характер оценки испытуемыми своих личностных качеств. Характер оценки личностных качеств и поведения других людей выражены переменной «принятие других» (0,85), которая имеет равную величину факторной нагрузки с переменной эмоциональный комфорт (0,85). Наименьшую факторную нагрузку имеет переменная «ожидание внутреннего контроля» (0,84), отражающая показатель внутренней мотивации и способность управлять собственными поступками.

Анализ переменных с наибольшими нагрузками по второму фактору определяет, что данный фактор отражает характер интерактивной приспособленности. Это свидетельствует, что для респондентов с положительными значениями по данному фактору характерны гибкость приспособления к условиям взаимодействия с окружающими в системе межличностных отношений, удовлетворенность собой, терпимость к другим, эмоциональный комфорт и способность управлять собственными поступками. В обратном случае, отрицательные значения по данному фактору будут указывать на ригидность приспособления к условиям взаимодействия с окружающими, эмоциональную неуравновешенность, тревожность, неудовлетворенность собой и окружающей действительностью, низкую способность управлять своими поступками. Согласно исследованию М.А. Красновой [54], отмечается парциальное присутствие психической ригидности в структуре личности у 37% девиантных подростков, что приводит к резкому ограничению вариантов поведения, поведенческим срывам, трудностям осознания собственных психологических проблем, актуального состояния мотивов и потребностей.

Третий фактор (охватывает 11,03 % общей изменчивости) образует три переменные с нагрузкой от 0,59 до -0,91 (табл. 5). Наибольшую отрицательную факторную нагрузку образует переменная «ориентация на взаимодействие и сотрудничество» (-0,91), которая отражает направленность на совместную деятельность в межличностном взаимодействии. Вместе с тем, тенденции к импульсивности поведения и преследование мотивов собственного благополучия во взаимодействии с другими людьми выражены положительными значениями переменных «маргинальная ориентация» (0,59 – факторная нагрузка) и «ориентация на личные интересы» (0,72).

Анализ переменных с наибольшими нагрузками по третьему фактору демонстрирует, что данный фактор отражает аспект интерактивной направленности. Это означает, что испытуемые, имеющие наибольшие положительные значения по

третьему фактору, импульсивны и ориентированы на собственное благополучие во взаимодействии с другими людьми, им свойственны проявления инфантилизма и неконтролируемость поступков, в то время как испытуемые с отрицательными значениями ориентированы на сотрудничество и поддержку конструктивных отношений, им свойственна эмпатия. Этот признак можно интерпретировать как направленность испытуемых на совместную деятельность в какой-либо сфере.

Компоненты склонности подростков к девиантному поведению представлены на рисунке 5 и наглядно отражают содержательную составляющую выделенных в процессе факторного анализа компонентов.

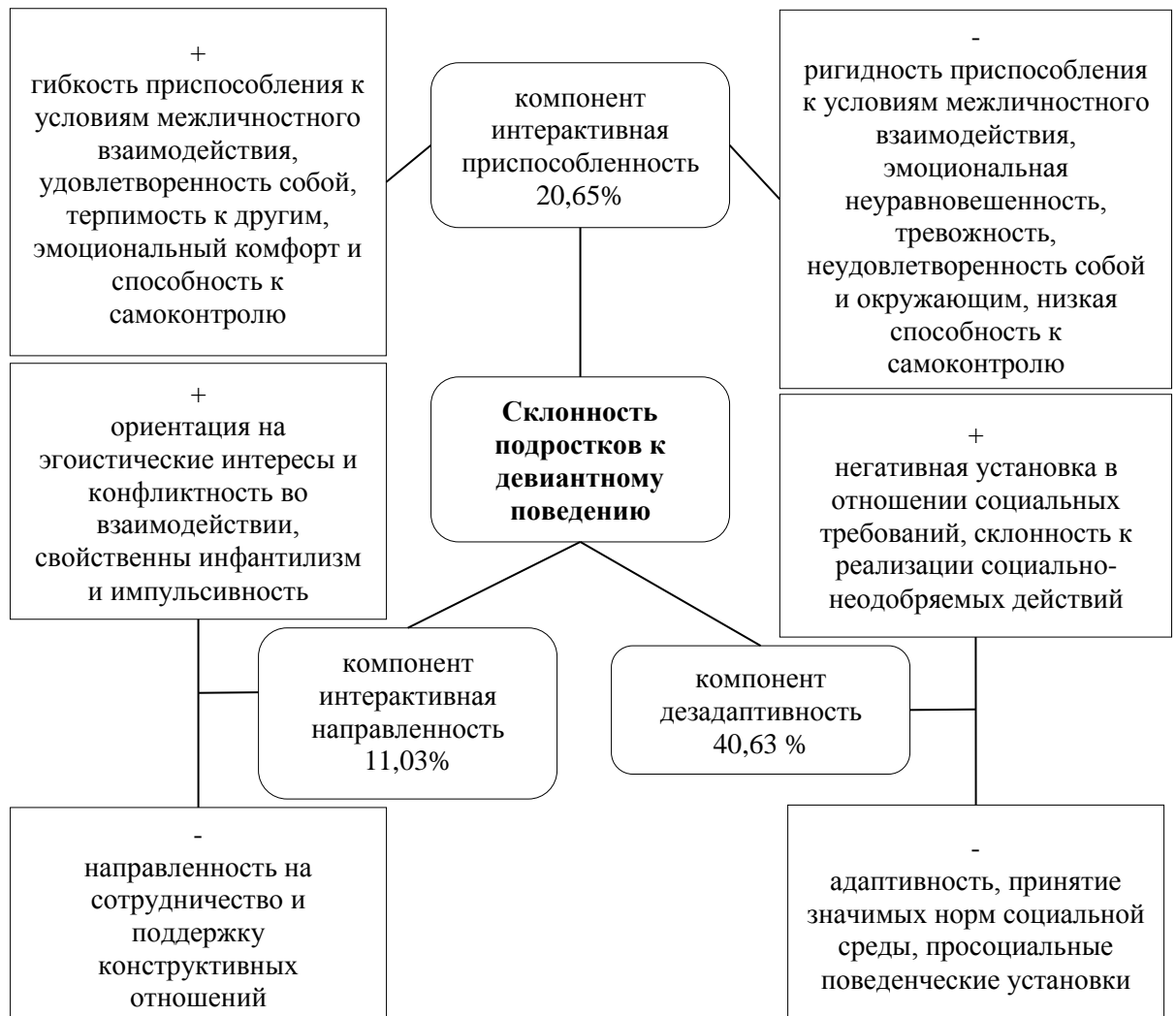

Рисунок 5. Структурные компоненты склонности подростков к девиантному поведению

Таким образом, для всех испытуемых были рассчитаны значения по трем следующим интегральным факторам: фактор «дезадаптивность», фактор «интерактивная приспособленность», фактор «интерактивная направленность».

С целью **выявления ролевых диспозиций** для каждого из выделенных интегральных факторов применялся пошаговый множественный регрессионный анализ. Переменными предикторами выступили компоненты ролевого взаимодействия подростков. Переменными откликами в каждой регрессионной модели выступили интегральные факторы склонности к девиантному поведению: дезадаптивность, интерактивная приспособленность, интерактивная направленность.

Результаты применения пошаговой множественной регрессии показали, что в статистически значимой регрессионной модели ($p < 0,001$), объясняющей 44 % общей изменчивости (табл. 6), из 17 предикторов было обнаружено восемь статистически значимых при $p < 0,05$ (табл. 7). Построенная регрессионная модель демонстрирует, что переменная отклик «дезадаптивность» умеренно ($R = 0,48$) связана с переменными предикторами компонентов ролевого взаимодействия.

Таблица 6

Итоговые статистики зависимой переменной «дезадаптивность»

Статистика	Значение
Множест. R	0,479
Множест. R ²	0,443
Скоррект. R ²	0,128
F(4,226)	9,459
p	0,000
Стд. Ош. Оценки	0,930

Полученная модель, объясняющая 44 % общей изменчивости, может быть содержательно проинтерпретирована. Показатели существенности вклада каждой независимой переменной в оценку зависимой представлены в таблице 7.

Итоги регрессии для зависимой переменной «дезадаптивность» показали, что наибольший вклад в изменчивость дезадаптивности (табл. 7) вносит переменная

«социометрический статус» (49 %), при статистической значимости ($p < 0,001$). Второй по значимости переменной, объясняющей 39 % изменчивости, выступает переменная предиктор «непоследовательность» ($p < 0,001$, табл. 7). Независимая переменная «локус ролевого конфликта» вносит 30 % вклада в долю объясняемой дисперсии и выступает третьей по значимости ($p < 0,001$, табл. 7). Четвертой по значимости переменной, объясняющей 23 % изменчивости, следует переменная предиктор «враждебность» ($p < 0,001$, табл. 7). Это свидетельствует о том, что социометрический статус подростков, представленный категорией «непопулярные» с преобладанием числа отвержений [10], увеличивает вероятность дезадаптивных тенденций, с наличием негативных установок в отношении социальных требований. Кроме того, доминирование установок «непоследовательность» и «враждебность» в модели поведения родителей, выражающееся в непредсказуемости и сверхтребовательности наряду с эмоциональной холодностью, повышает вероятность дезадаптивности и определяет склонность подростков к реализации социально неодобряемых действий. Вместе с тем, преобладание у испытуемых интернального типа локуса ролевого конфликта с характерной ориентацией на собственные внутренние интересы и потребности наряду с пренебрежением ожиданий окружающих увеличивает вероятность манифестации дезадаптивности.

Таблица 7

Итоги регрессии для зависимой переменной «дезадаптивность»

Предикторы	БЕТА	Ст.Ош. – БЕТА	В	Ст.Ош. – В	t	p-знач.
Св.член			1,34	0,25	5,30	0,000
Роль «ведьма»	0,21	0,07	0,14	0,05	3,10	0,002
Роль «девочка»	0,18	0,06	0,18	0,06	2,93	0,004
Роль «мальчик»	0,12	0,06	0,13	0,07	1,96	0,050
Роль «трикстер»	0,16	0,06	0,11	0,04	2,85	0,005
Локус ролевого конфликта	0,30	0,07	0,08	0,02	4,63	0,000
Враждебность	0,23	0,06	0,04	0,01	3,69	0,000
Непоследовательность	0,39	0,06	0,11	0,02	6,48	0,000
Социометрический статус	-0,49	0,06	-0,04	0,01	-7,63	0,000

Следующими по величине вклада в изменчивость фактора «дезадаптивность» выступают переменные предикторы ролевого взаимодействия (табл. 7) – «ведьма» 21 % ($p < 0,003$), «девочка» 18 % ($p < 0,005$), «трикстер» 16 % ($p < 0,006$) и «мальчик» 12 % ($p \leq 0,050$).

Согласно полученным данным, с различной долей вероятности можно допустить, что преимущественный выбор испытуемыми таких позиций, как: «ведьма» с характерной эгоцентричностью и враждебностью, «трикстер» со свойственной вседозволенностью и стремлением вступить в конфронтацию, а также позиций «мальчик» и «девочка» с характерными импульсивностью, спонтанностью и инфантильностью, увеличивает вероятность проявления дезадаптивных форм поведения у подростков.

На основе стандартизированных коэффициентов можно построить регрессионное уравнение, которое позволит предсказать значения переменной отклик (дезадаптивность) по известным значениям переменных предикторов (компоненты ролевого взаимодействия). Уравнение множественной регрессии по первому фактору имеет следующий вид: дезадаптивность = $1,34 + 0,14$ (ведьма) + $0,18$ (девочка) + $0,13$ (мальчик) + $0,11$ (трикстер) + $0,08$ (локус ролевого конфликта) + $0,04$ (враждебность) + $0,11$ (непоследовательность) – $0,04$ (социометрический статус)

Результаты применения пошаговой множественной регрессии, где переменной откликом являлась интерактивная приспособленность, показали, что в статистически значимой регрессионной модели ($p < 0,001$) объясняющей 59 % общей изменчивости (табл. 8) из 17 предикторов было обнаружено семь статистически значимых при $p < 0,05$ (табл. 9).

Построенная регрессионная модель демонстрирует, что переменная отклик интерактивная приспособленность умеренно связана ($R = 0,63$, табл. 8) с переменными предикторами компонентов ролевого взаимодействия (табл. 9).

Итоговые статистики зависимой переменной «интерактивная приспособленность»

Статистики	Значение
Множест. R	0,636
Множест. R2	0,590
Скоррект. R2	0,175
F(4,226)	13,237
p	0,000
Стд. Ош. Оценки	0,904

В соответствии со значением стандартной ошибки (0,90), вероятность ложного предсказания мала. Переменные предикторы совместно объясняют 59 % общей изменчивости переменной «интерактивная приспособленность». Полученная модель может быть содержательно проинтерпретирована. Показатели существенности вклада каждой независимой переменной в оценку зависимой представлены в таблице 9.

Итоги регрессии для зависимой переменной «интерактивная приспособленность»

Предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	B	Ст.Ош. - B	t	p-знач.
Св.член			0,54	0,12	4,69	0,000
Роль «мать»	0,19	0,06	0,25	0,08	3,06	0,002
Роль «герой»	0,40	0,06	0,40	0,06	6,27	0,000
Роль «дева»	0,17	0,06	0,18	0,07	2,70	0,007
Роль «трикстер»	-0,21	0,06	-0,15	0,04	-3,78	0,000
Позитивный интерес	0,21	0,08	0,03	0,01	2,56	0,011
Директивность	-0,22	0,08	-0,04	0,01	-2,78	0,006
Социометрический статус	0,43	0,06	0,04	0,00	7,75	0,000

Анализ результатов демонстрирует, что наиболее важной переменной является «социометрический статус», который вносит наибольший вклад (43 %) в изменчивость интерактивной приспособленности, при статистической значимости $p < 0,001$ (табл. 9). Переменная предиктор «герой» ($p < 0,001$, табл. 9) выступает

второй по показателю вклада в изменчивость зависимой переменной и объясняет 40 % дисперсии. Независимая переменная «директивность» вносит 22 % вклада в долю объясняемой дисперсии и является третьей по значимости ($p < 0,007$, табл. 9). Переменные предикторы «позитивный интерес» ($p < 0,012$) и «трикстер» ($p < 0,001$) объясняют равные показатели дисперсии – 21 % (табл. 9) и следуют четвертым и пятым по значимости. Следующими по величине вклада в изменчивость фактора «интерактивная приспособленность» выступают переменные предикторы ролевого взаимодействия (табл. 9) – «мать» 19 % ($p < 0,003$) и «дева» 17 % ($p < 0,008$).

Полученные данные позволяют предположить, что при наличии установки «позитивный интерес» в модели поведения родителей, характеризующейся снисходительностью и проявлением искреннего интереса, а также при социометрическом статусе, представленном категориями «предпочитаемые» и «популярные», у подростков увеличивается эмоциональный комфорт и удовлетворенность собой. Кроме того, преобладание в выборе испытуемых таких позиций, как: «герой» с характерными инициативностью и стремлением преодолеть, «мать» со свойственными эмпатийностью и эмоциональным альтруизмом и «дева» с присущей нравственностью увеличивает вероятность гибкости приспособления к условиям межличностного взаимодействия и терпимости к окружающим. С другой стороны, при доминировании установки «директивность» в модели поведения родителей, отражающей жесткий контроль и стремление управлять, а также преобладание выбора позиции «трикстер» с характерным стремлением вступить в конфронтацию и вседозволенностью, у подростков увеличивается тревожность, эмоциональная неуравновешенность, неудовлетворенность собой и окружающим.

На основе стандартизированных коэффициентов можно построить регрессионное уравнение, которое позволит предсказать значения переменной отклик (интерактивная приспособленность) по известным значениям переменных предикторов (компоненты ролевого взаимодействия). Уравнение множественной

регрессии по второму фактору имеет следующий вид: интерактивная приспособленность = $0,54 + 0,25$ (мать) + $0,40$ (герой) + $0,18$ (дева) – $0,15$ (трикстер) + $0,03$ (позитивный интерес) – $0,04$ (директивность) + $0,04$ (социометрический статус)

Результаты применения пошаговой множественной регрессии, где зависимой переменной являлась интерактивная направленность, показали, что в статистически значимой регрессионной модели ($p = 0,000$), объясняющей 54 % общей изменчивости (табл. 10) из 17 предикторов, было обнаружено шесть статистически значимых при $p < 0,003$ (табл. 11).

Построенная регрессионная модель демонстрирует, что переменная отклик «интерактивная направленность» умеренно связана ($R = 0,75$, табл. 10) с переменными предикторами компонентов ролевого взаимодействия (табл. 11).

Таблица 10

Итоговые статистики зависимой переменной «интерактивная направленность»

Статистики	Значение
Множест. R	0,749
Множест. R ²	0,542
Скоррект. R ²	0,191
F(3,227)	19,146
p	0,000
Стд. Ош. Оценки	0,895

Переменные предикторы совместно объясняют 54 % общей изменчивости зависимой переменной «интерактивная направленность». В соответствии со значением стандартной ошибки (0,90), вероятность ошибочного предсказания незначительна. Полученная модель может быть содержательно проинтерпретирована. Показатели существенности вклада каждой независимой переменной в оценку переменной отклик представлены в таблице 11.

Итоги регрессии для зависимой переменной «интерактивная направленность»

Предикторы	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t	p-знач.
Св.член			0,88	0,16	5,46	0,000
Роль «дева»	-0,50	0,07	-0,35	0,05	-7,44	0,000
Роль «отец»	-0,26	0,07	-0,19	0,05	-3,95	0,000
Роль «ведьма»	0,39	0,05	0,24	0,03	7,28	0,000
Позитивный интерес	-0,40	0,07	-0,09	0,02	-5,51	0,000
Непоследовательность	0,23	0,07	0,07	0,02	3,49	0,001
Социометрический статус	-0,23	0,06	-0,02	0,01	-4,10	0,000

Итоги регрессии для зависимой переменной «интерактивная направленность» показывают, что наибольший вклад в долю объясняемой дисперсии (50 %) вносит переменная предиктор «дева» ($p < 0,001$, табл. 11). Второй по значимости вклада в изменчивость зависимой переменной выступает переменная предиктор «позитивный интерес» ($p < 0,001$, табл. 11), которая объясняет 40 % дисперсии. Переменная предиктор «ведьма» ($p < 0,001$, табл. 11) следует третьей по значению вклада в изменчивость зависимой переменной и объясняет от 39 % дисперсии. Еще 26 % в изменчивость зависимой переменной интерактивная направленность вносит предиктор «отец» ($p < 0,001$, табл. 11). Также статистически значимыми ($p \leq 0,001$) и равными по величине вклада в долю объясняемой дисперсии – 23 % выступают предикторы «социометрический статус» и «непоследовательность» (табл. 11).

Согласно полученным данным, с различной долей вероятности можно допустить, что при наличии установки «позитивный интерес» в модели поведения родителей, характеризующейся снисходительностью и проявлением искреннего интереса, а также при социометрическом статусе, представленном категориями «предпочитаемые» и «популярные», у подростков преобладает направленность на сотрудничество и поддержку конструктивных отношений. Кроме того, вероятность конструктивной направленности во взаимодействии увеличивается при выборе испытуемыми таких ролевых позиций, как: «дева» с характерной нравственностью и «отец» с присущими рациональностью и ответственностью. В противоположность

этому, доминирование установки «непоследовательность» в модели поведения родителей, характеризующей непредсказуемость и противоречивость, а также преобладание в выборе позиции «ведьма» со свойственной эгоцентричностью и враждебностью, повышает у подростков вероятность конфликтности во взаимодействии, импульсивности и ориентацию на эгоистические интересы.

На основе стандартизированных коэффициентов можно построить регрессионное уравнение, которое позволит предсказать значения переменной отклик (интерактивная направленность) по известным значениям переменных предикторов (компоненты ролевого взаимодействия). Уравнение множественной регрессии по третьему фактору имеет следующий вид: интерактивная направленность = 0,88 - 0,35 (дева) - 0,19 (отец) + 0,24 (ведьма) – 0,09 (позитивный интерес) + 0,07 (непоследовательность) – 0,02 (социометрический статус)

Далее с целью оценки значимости различий интегральных факторов в зависимости от возрастнo- и полоролевой когерентности испытуемых применялся параметрический критерий t-Стьюдента (табл. 12, 13), используемый в случае нормального распределения переменных. Определение нормальности осуществлялась с помощью критерия d-Колмогорова-Смирнова, результаты которого показали нормальность распределения по всем признакам при $p > 0,05$ (табл. 1, прил. 1).

В качестве методики, позволяющей измерить характер возрастнo- и полоролевой когерентности, была использована методика оценки психосоциального профиля личности, разработанная Ю.М. Перевозкиной, Л.В. Панышиной, О.О. Андрониковой и Н.В. Дмитриевой [83, 88].

Сравнение компонентов склонности к девиантному поведению подростков с когерентностью и инкогерентностью пола по критерию t-Стьюдента

Переменные	Средняя арифметическая		t-знач	сс	р	N набл. - инкогерентность	N набл. - когерентность
	инкогерентность	когерентность					
Деадаптивность	-0,239	0,073	-2,12	229	0,065	51	180
Интерактивная приспособленность	-0,24	0,06	-2,00	229	0,046	51	180
Интерактивная направленность	0,183	-0,051	1,49	229	0,136	51	180

Анализ статистически значимых различий по фактору «интерактивная приспособленность» (табл. 12) в зависимости от когерентности пола у испытуемых демонстрирует, что подростки с полоролевой инкогерентностью (рассогласованностью) достоверно различаются по характеру интерактивной приспособленности с испытуемыми с полоролевой когерентностью (согласованностью) ($t = - 2,00$ при $p = 0,046$). Иными словами, для подростков с рассогласованностью ролевых позиций по признакам пола в условиях межличностного взаимодействия преимущественно характерны: эмоциональная неуравновешенность, тревожность, неудовлетворенность собой и окружающими, низкий самоконтроль и ригидность.

Таблица 13

Сравнение компонентов склонности к девиантному поведению подростков с когерентностью и инкогерентностью возраста по критерию t-Стьюдента

Переменные	Средняя арифметическая		t-знач	сс	р	N набл. - инкогерентность	N набл. - когерентность
	инкогерентность	когерентность					
Деадаптивность	0,31	-0,09	-2,69	229	0,008	54	177
Интерактивная приспособленность	0,19	-0,05	1,63	229	0,105	54	177
Интерактивная направленность	0,47	-0,14	-4,17	229	0,000	54	177

Анализ полученных результатов демонстрирует наличие статистически значимых различий по двум факторам – дезадаптивность и интерактивная направленность (табл. 13) в зависимости от возрастнo-ролевой когерентности, которые свидетельствуют о том, что испытуемые подростки с возрастнo-ролевой инкогерентностью более склонны к реализации социально неодобряемых действий ($t = -2,69$, при $p = 0,008$), и ориентированы на эгоистические интересы и конфликтность во взаимодействии ($t = -4,17$, при $p = 0,000$) по сравнению с испытуемыми с возрастнo-ролевой когерентностью. Иначе говоря, для подростков с рассогласованностью ролевых позиций по признакам возраста наиболее характерны: инфантильность, импульсивность, негативная установка в отношении социальных требований, ориентация на эгоистические интересы и конфликтность во взаимодействии.

Представим общую схему (рис.6), интегрирующую полученные результаты исследования ролевых диспозиций подростков по трем интегральным факторам склонности к девиантному поведению.

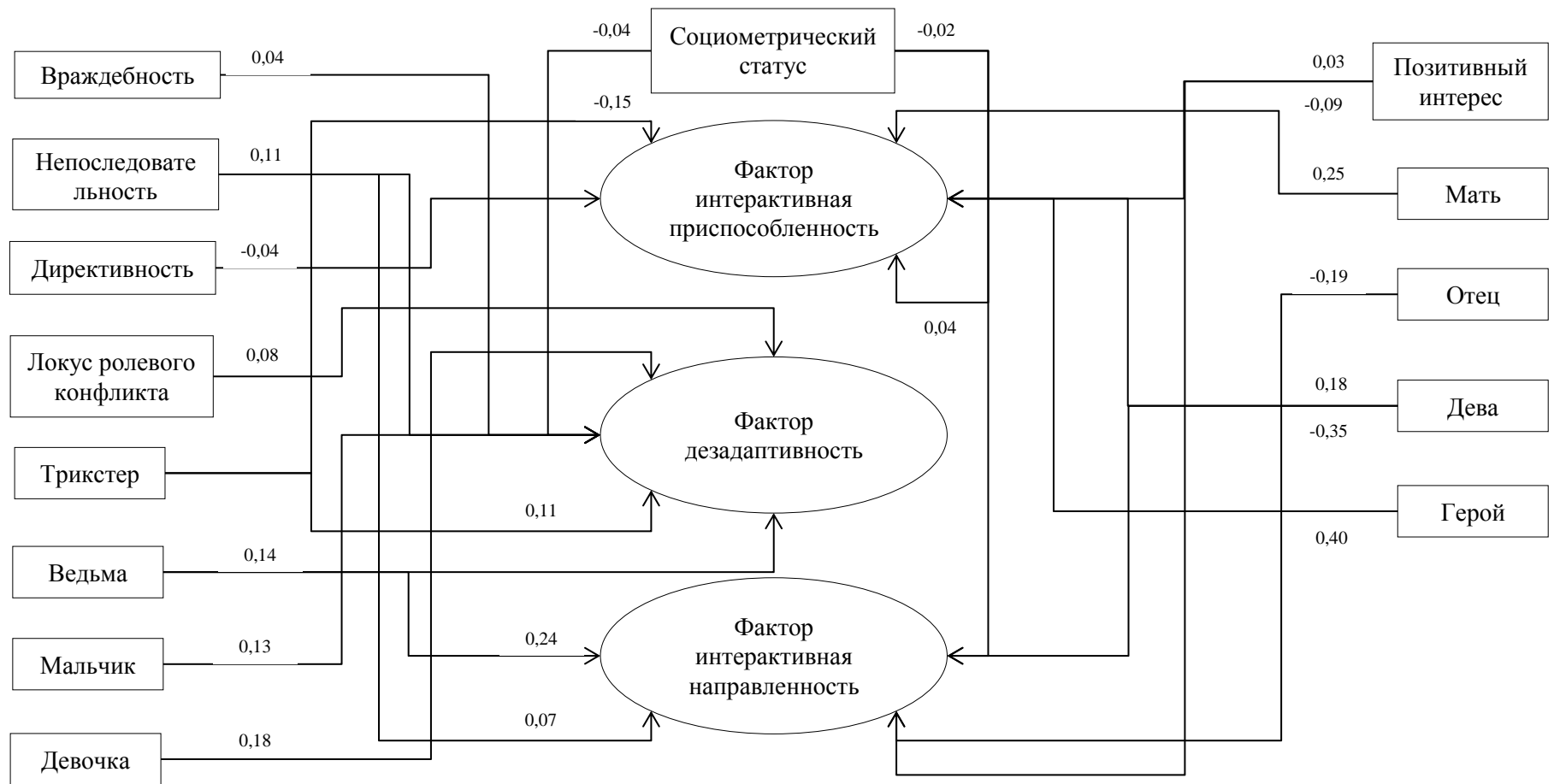

Рисунок 6. Ролевые диспозиции подростков по трем компонентам склонности к девиантному поведению

Полученные данные являются достаточно показательными и согласуются с положениями, обсуждаемыми в предыдущем параграфе (§ 2.2) относительно рассмотрения диспозиций в качестве детерминант социального поведения. Согласно этому положению, диспозиционное поведение отражает готовность, предрасположенность личности на основе ее социального опыта к оценке ситуации и способу поведения, детерминированную реализацией потребностей, интересов и установок. Вычисление предикторов и оценка их вклада ($p \leq 0,05$) в интегральные факторы склонности к девиантному поведению в подростковой группе с использованием пошаговой множественной регрессии указало на общее и специфическое в плане анализируемой проблемы:

- выявленные диспозиции ролевого взаимодействия выступают с различной долей вероятности предикторами к реализации просоциального или, напротив, девиантного поведения испытуемых подростков;

- предикторы просоциального поведения достоверно влияют на изменчивость двух интегральных факторов склонности подростков к девиантному поведению – интерактивная приспособленность и интерактивная направленность, параметры которых, в случае положительных и отрицательных значений (рис. 6), характеризуют гибкость приспособления во взаимодействии, удовлетворенность собой, терпимость к окружающим, эмоциональный комфорт и самоконтроль;

- предикторы девиантного поведения достоверно влияют на изменчивость трех интегральных факторов склонности подростков к девиантному поведению – дезадаптивность, интерактивная приспособленность и интерактивная направленность, параметры которых, в случае отрицательных и положительных значений (рис. 6), определяют негативную установку в отношении социальных требований, эмоциональную неуравновешенность, тревожность, неудовлетворенность собой и окружающим, низкий самоконтроль, ригидность и ориентацию на эгоистические интересы, конфликтность во взаимодействии. По отношению к специфике изучаемых образований это объясняется своеобразием

диспозиционной регуляции поведения подростков, которое представлено рядом предикторов и указывает на предрасположенность к нарушению социально принятых норм, детерминированную внутренне и внешне обусловленными факторами, образующими и преобразующими диспозиционную систему. В частности, свойственные подростковому возрасту стремления к независимости и самоутверждению, наряду с тенденциями испытать разного рода социальные роли, обуславливают противоречия на межличностном уровне и могут выступать триггером для манифестации поведенческих девиаций;

– ролевыми диспозициями просоциального поведения подростков выступают – установка «позитивный интерес» в модели поведения родителей, выражающая снисходительность и проявление искреннего интереса, социометрический статус в категории «предпочитаемые» и «популярные», а также роли, отражающие конструктивную направленность – «герой» (инициативность, стремление преодолевать), «мать» (эмпатийность, эмоциональный альтруизм), «дева» (нравственность, покорность), «отец» (рациональность, ответственность);

– диспозициями девиантного поведения подростков, наряду с другими известными детерминантами, выступают следующие компоненты ролевого взаимодействия: установки «непоследовательность», «директивность» и «враждебность» в модели поведения родителей, выражающие, соответственно, непредсказуемость, жесткий контроль и сверхтребовательность наряду с эмоциональной холодностью, социометрический статус в категории «непопулярные» с преобладанием числа отвержений, интернальный тип локуса ролевого конфликта, характеризующий пренебрежение ожиданиями окружающих в угоду собственным потребностям и интересам, а также роли, отражающие деструктивную направленность – «трикстер» (вседозволенность, стремление вступить в конфронтацию), «ведьма» (эгоцентричность, враждебность), и роли младшего возрастного этапа «мальчик» и «девочка» (импульсивность, инфантильность).

Наряду с этим, по результатам определения значимости различий интегральных факторов в зависимости от возрастнo- и полоролевой когерентности ($p \leq 0,05$) с использованием параметрического критерия t-Стьюдента для независимых групп возникают еще две закономерности (табл. 12, 13). Одна из которых заключается в том, что специфика полоролевой когерентности обнаруживает значимые различия по характеру интерактивной приспособленности у испытуемых. Для подростков с инкогерентностью (рассогласованностью) ролевых позиций по полу характерны эмоциональная неуравновешенность, тревожность, неудовлетворенность собой и окружающими, низкий самоконтроль и ригидность, по сравнению с испытуемыми с полоролевой когерентностью (согласованностью).

Другая закономерность заключается в наличии достоверных различий по интегральным факторам «дезадаптивность» и «интерактивная направленность» в зависимости от возрастнo-ролевой когерентности / инкогерентности. Для подростков с инкогерентностью (рассогласованностью) ролевых позиций по возрасту наиболее характерны: импульсивность, негативная установка в отношении социальных требований и ориентация на эгоистические интересы, по сравнению с испытуемыми с возрастнo-ролевой когерентностью.

Выявленные индикаторы раскрывают специфику компонентов ролевого взаимодействия подростков и объясняют индивидуальную меру их представленности в контексте последовательного расширения границ общения и включения в различные ситуации социального взаимодействия. При этом, социальная среда выступает носителем ролевых диспозиций и детерминирует индивидуальное образование и преобразование диспозиционной структуры, опосредованно через ролевую модель взаимодействия. Диспозиции закрепляются в стереотипной форме, что приводит к сужению диапазона ролевых интеракций, обеспечивая ригидность ролевой структуры и ограниченность регуляции социального поведения.

Далее, руководствуясь предположениями, обсуждаемыми ранее (см. § 2.2), согласно которым выраженность склонности подростков к девиантному поведению, наряду с другими личностными образованиями, может сопровождаться структурными перестройками ролевых диспозиций подростков, при этом такие структурные перестройки могут носить закономерный характер. С целью установления структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, использовался метод структурно-психологического анализа, включающий реализацию последовательных приемов: разделения всей выборки испытуемых на три группы по уровню выраженности склонности к девиантному поведению; расчет корреляционного анализа в каждой группе и построение структурограмм значимо коррелирующих параметров; вычисление индексов структурной организации на основе структурограмм.

Для разделения выборки испытуемых на три группы – с высоким, умеренным и низким уровнем склонности к девиантному поведению – применялся кластерный анализ. Матрица сходства квадратов Евклидовых расстояний, построенная по результатам диагностики испытуемых в количестве 231 человек по трем интегральным факторам склонности к девиантному поведению: дезадаптивность, интерактивная приспособленность, интерактивная направленность (рис. 5), была подвергнута процедуре иерархического агломеративного кластерного анализа с использованием метода полной связи для объединения кластеров.

По результатам было выделено три кластера, позволивших разделить выборку на три группы, статистически значимо различающихся с вероятностью ошибки менее 5 % (табл. 14).

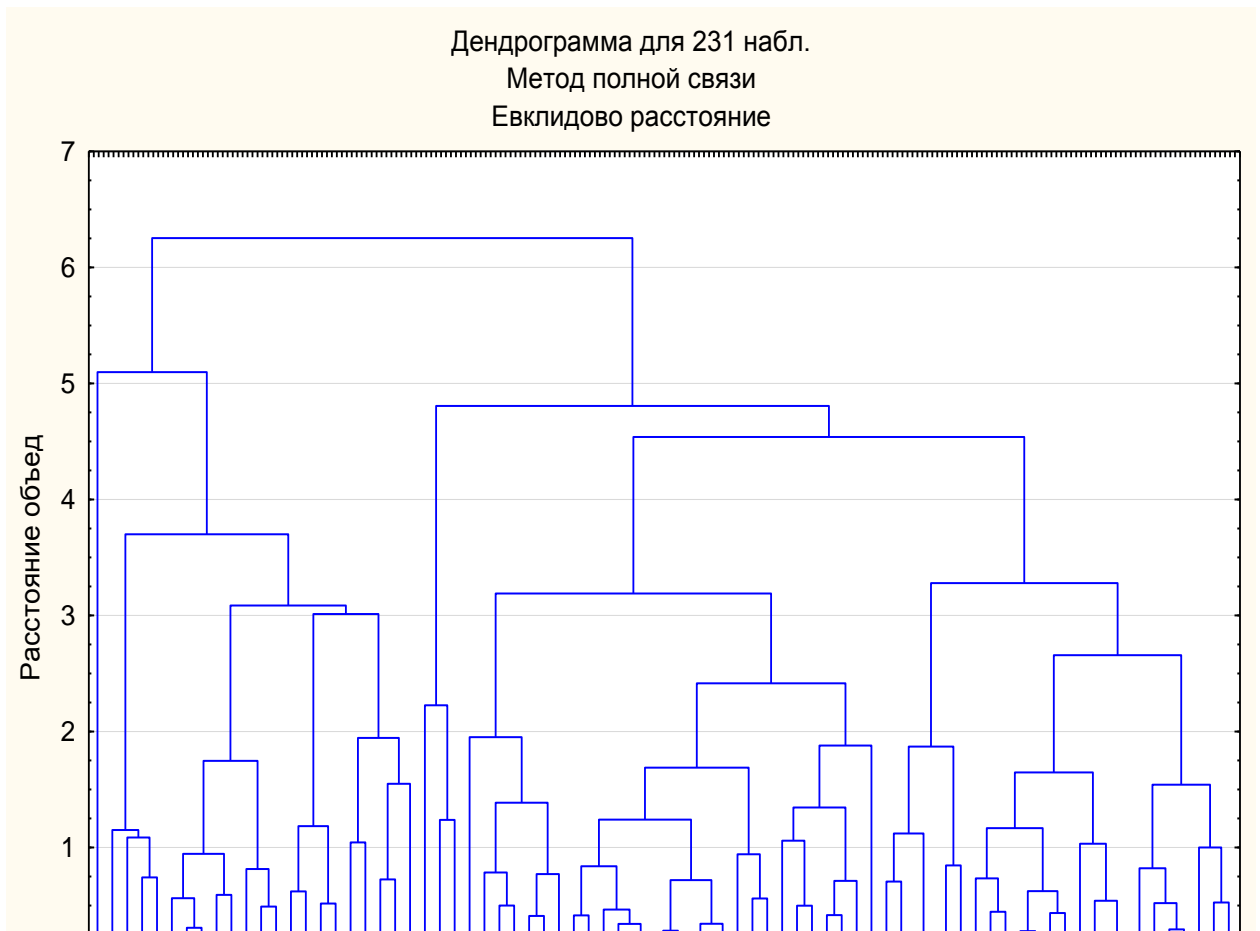

Рисунок 7. Дендрограмма трех интегральных факторов склонности подростков к девиантному поведению

С целью определения достоверности разбиения на классы использовался критерий ANOVA, применение которого позволяет сделать вывод, что разделение выборки на группы было выполнено успешно (табл. 14).

Таблица 14

Сравнение выраженности дезадаптивности, интерактивной приспособленности и интерактивной направленности в трех группах, выделенных на основе кластерного анализа

Интегральные факторы склонности к девиантному поведению	ANOVA		Leven	
	F	p	F	p
Дезадаптивность	3,24	0,041	0,36	0,69
Интерактивная приспособленность	308,82	0,000	0,43	0,54
Интерактивная направленность	7,05	0,001	0,92	0,41

Анализ различий склонности к девиантному поведению у подростков позволяет говорить, что испытуемые с низкой и умеренно выраженной склонностью к девиантному поведению отличаются более высокими показателями интерактивной приспособленности и более низкими значениями дезадаптивности и интерактивной направленности по сравнению с группой испытуемых с высоко выраженной склонностью к девиантному поведению (табл. 2, 3, 4 прил. 1). Так, в частности, испытуемые с низкой склонностью к девиантному поведению имеют высокие показатели по фактору «интерактивная приспособленность», низкие показатели по фактору «интерактивная направленность» и средне выраженные показатели по фактору «дезадаптивность» (рис. 7). Это позволяет предположить, что респондентам данной группы в большей степени характерны: уравновешенность, гибкость приспособления к условиям межличностного взаимодействия, направленность на сотрудничество и поддержку конструктивных отношений.

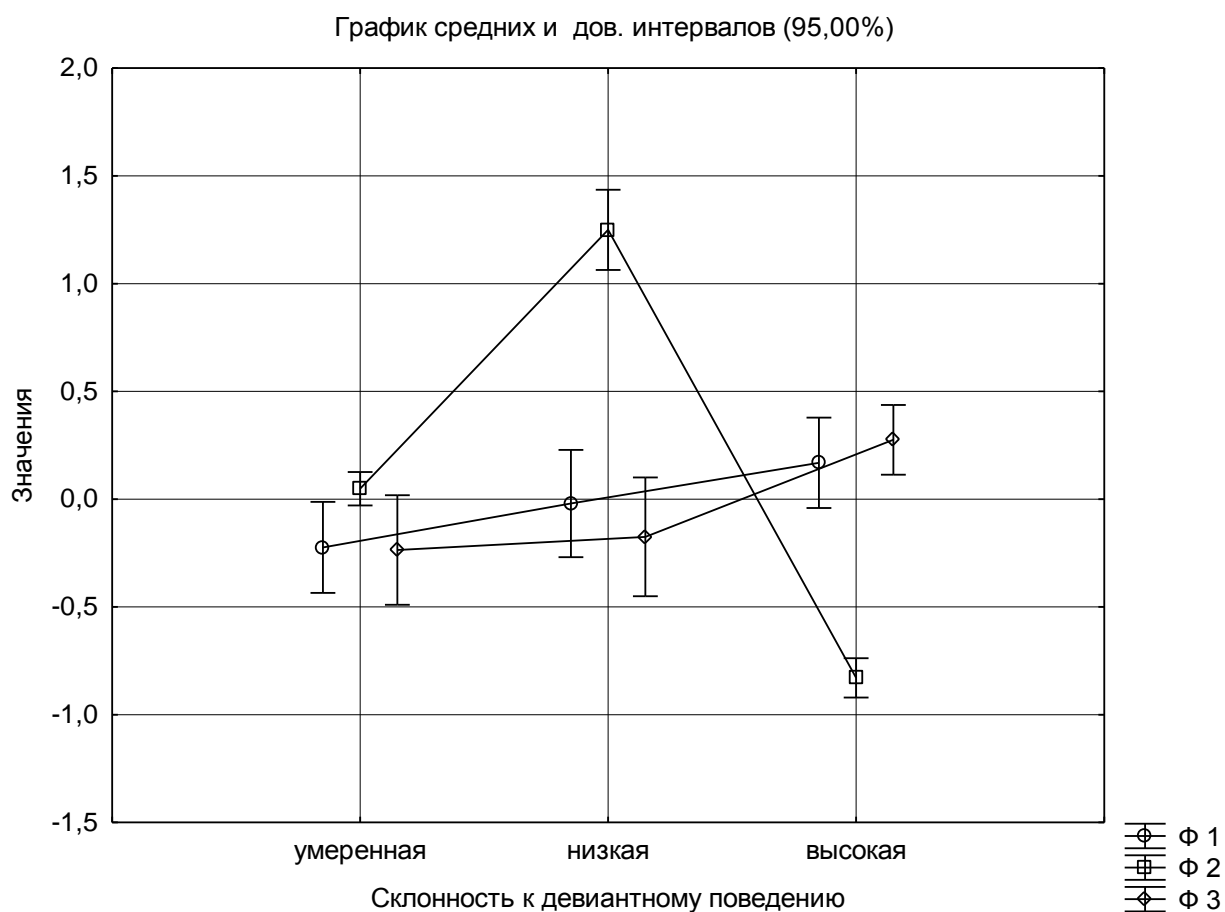

Рисунок 7. Различия выраженности склонности к девиантному поведению у групп испытуемых

Ф 1 – дезадаптивность

Ф 2 – интерактивная приспособленность

Ф 3 – интерактивная направленность

Группа респондентов с умеренной склонностью к девиантному поведению имеет средние показатели по фактору «интерактивная приспособленность», низкие показатели по факторам «интерактивная направленность» и «дезадаптивность» по сравнению с подростками с низкой и высокой склонностью к девиантному поведению ($p \leq 0,05$; табл. 2, 3, 4, прил. 1). Такие результаты позволяют говорить, что подросткам данной группы в умеренной степени характерны: гибкость приспособления в условиях межличностного взаимодействия, наряду с выраженной направленностью на сотрудничество (рис. 7).

Испытуемые с высокой склонностью к девиантному поведению статистически значимо отличаются низкими показателями интерактивной приспособленности, высокими показателями интерактивной направленности и повышенными значениями по фактору «дезадаптивность» по сравнению с первой и второй группой с вероятностью ошибки менее 1 % (табл. 2, 3, 4, прил. 1). Результаты свидетельствуют, что подросткам данной группы свойственны: ориентация на эгоистические интересы и конфликтность во взаимодействии, негативная внутренняя установка в отношении социальных требований.

Далее, на основе методик, измеряющих компоненты ролевого взаимодействия, которые, как было показано выше (см. регрессионный анализ), выступают предикторами склонности к девиантному поведению, был реализован метод корреляционного анализа по критерию r-Спирмена в каждой группе (табл. 5, 6, 7, прил. 1). Кроме того, осуществлялось построение структурограмм значимо коррелирующих параметров и вычисление индексов структурной организации. Вычисление индексов структурной организации производилось с использованием метода А.В. Карпова [42, 43], который позволяет выявить и охарактеризовать взаимосвязи исследуемого феномена в плане его комплексной структурной обусловленности. В сущности метода А.В. Карпов рассматривает три индекса структуры параметров: индекс когерентности структуры (ИКС) представляет функцию числа и степени значимости положительных связей в структуре; индекс дивергентности структуры (ИДС) представляет функцию числа отрицательных связей в структуре и степени их значимости; индекс организованности структуры (ИОС) рассматривается как функция соотношения общего количества положительных и отрицательных связей, а также их степени значимости [43]. При этом, связям, значимым на уровне $p \leq 0,01$, присваивается «весовой» коэффициент три балла, на уровне $p \leq 0,05$ присваивается «весовой» коэффициент два балла [41]. Сумма полученных по всей структуре «весов» представляет значения указанных индексов. Определение гомогенности / гетерогенности матриц интеркорреляций

осуществлялось с использованием метода экспресс- χ^2 [41]. В основе метода лежит определение коэффициента ранговой корреляции между двумя ранговыми распределениями, выраженными последовательностью «весов». При этом, структурные «веса» для каждого компонента матрицы интеркорреляций определяются как функция от числа и значимости корреляционных связей. Чем больше число и выше значимость связей, тем выше место компонента в структуре. Наличие значимых положительных корреляционных связей свидетельствует о гомогенности сравниваемых структур. Наличие незначимых корреляций свидетельствует о гетерогенности матриц интеркорреляций и построенных на их основе структурограмм. В каждой из трех дифференцированных групп (с низко, умеренно и высоко выраженной склонностью к девиантному поведению) на основе матриц интеркорреляций ролевых диспозиций были построены соответствующие им структурограммы (рис. 8, 9, 10).

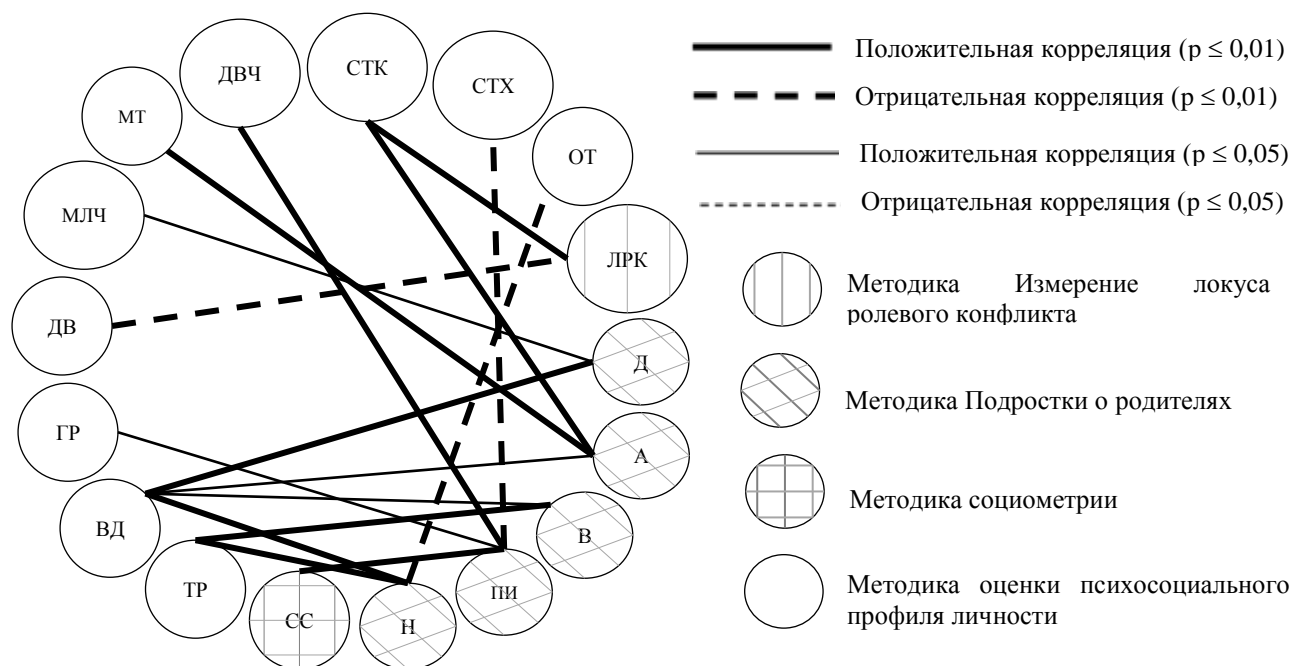

Рисунок 8. Структурограмма ролевых диспозиций в группе подростков с низко выраженной склонностью к девиантному поведению¹

¹ Условные обозначения в данном рисунке и в последующих двух:

СТХ – старуха; СТК – старик; МТ – мать; ОТ – отец; ДВ – дева; ГР – герой; ВД – ведьма; ТР – трикстер; ДВЧ – девочка; МЛЧ – мальчик; ЛРК – локус ролевого конфликта; СС – социометрический статус;

А – автономность; В – враждебность; Д – директивность; Н – непоследовательность; ПИ – позитивный интерес.

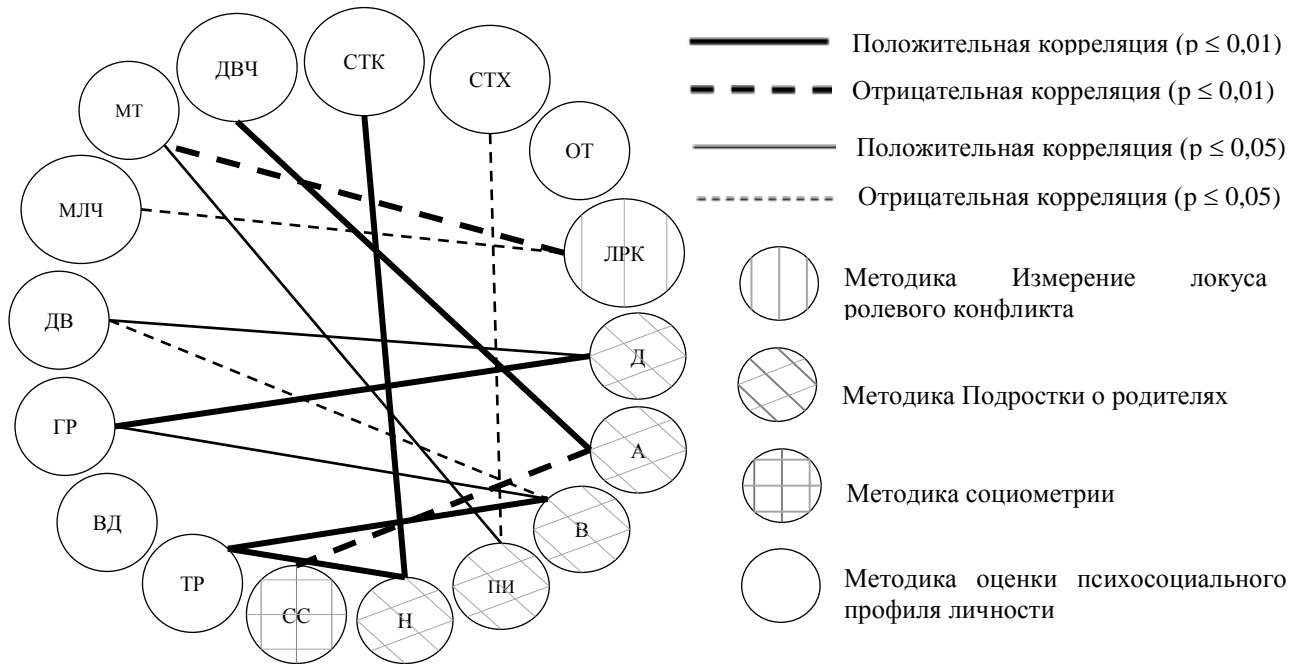

Рисунок 9. Структурограмма ролевых диспозиций в группе подростков с умеренно выраженной склонностью к девиантному поведению

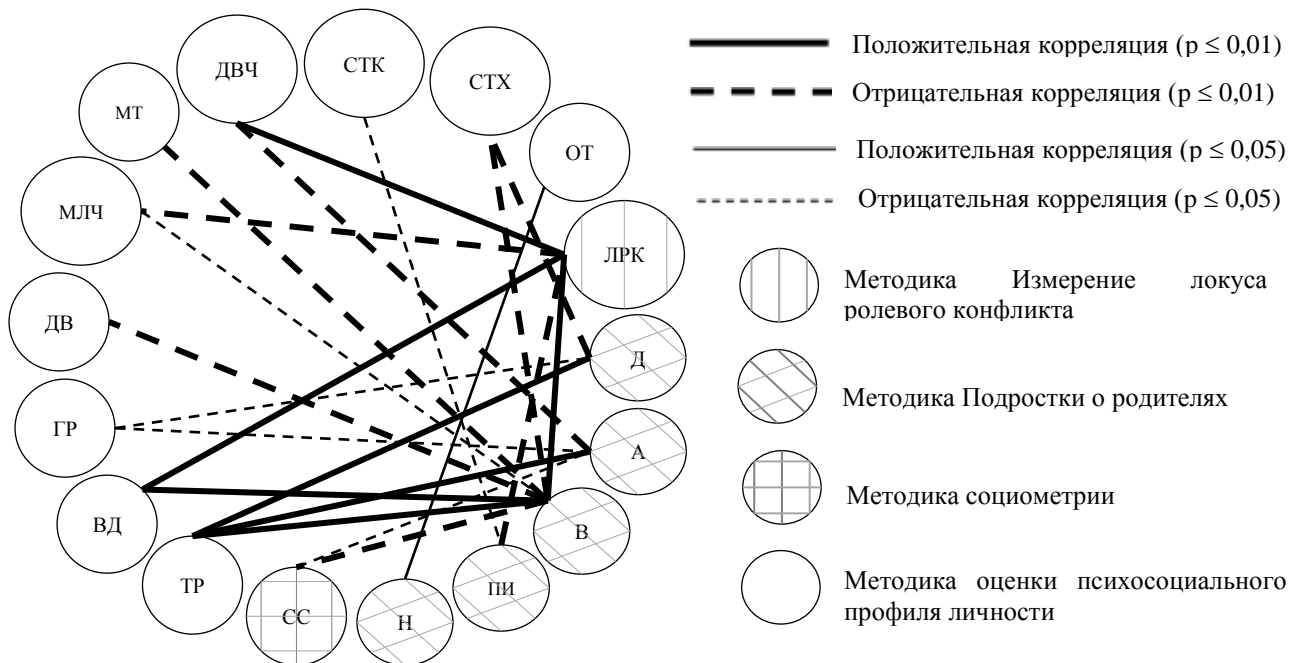

Рисунок 10. Структурограмма ролевых диспозиций в группе подростков с высоко выраженной склонностью к девиантному поведению

Далее для каждой из групп выборки были определены величины индексов структурной организации (табл. 8, прил. 1). В результате анализа и подсчета данных были получены следующие показатели. В группе подростков с низким уровнем склонности к девиантному поведению индекс когерентности структуры (ИКС) равен 35 баллам, индекс дивергентности структуры (ИДС) составляет 9 баллов, индекс организованности структуры (ИОС) равен 26 баллам. Для группы подростков с умеренным уровнем склонности к девиантному поведению ИКС составляет 21 балл, ИДС равен 12 баллам, ИОС – 9 баллов. Показатели индексов структуры в группе подростков с высоким уровнем склонности к девиантному поведению представлены следующими значениями: ИКС – 23 балла, ИДС – 34 балла, ИОС – 11 баллов. Полученные результаты представлены графически на рисунке 11.

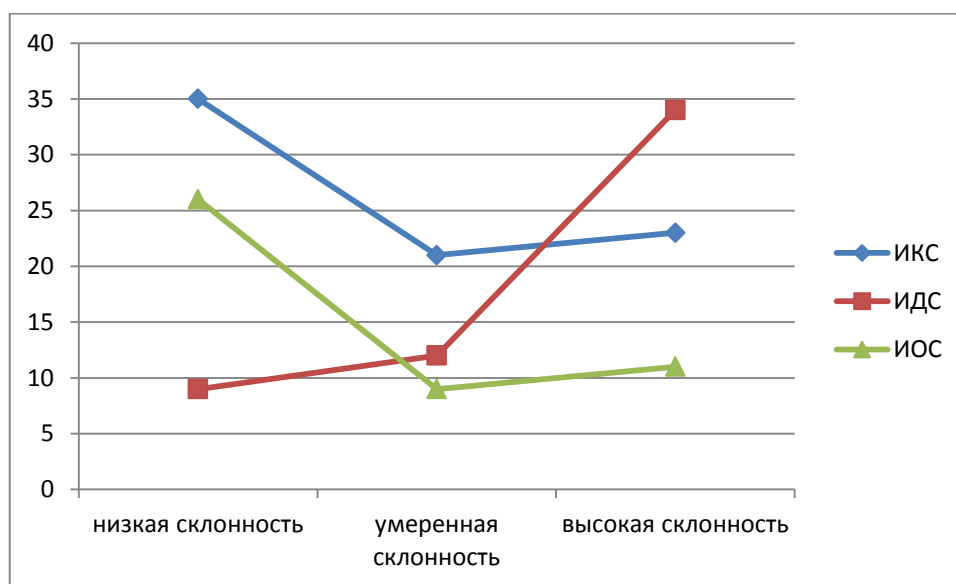

Рисунок 11. Зависимость значений индексов структурной организации от уровня склонности к девиантному поведению подростков

Структурные индексы организации ролевых диспозиций являются достаточно показательными в плане анализируемой проблемы. На рисунке представлена динамика изменений индексов когерентности, дивергентности и организованности структуры в зависимости от уровня выраженности склонности к девиантному поведению у подростков. Полученные результаты демонстрируют, что при низком

уровне склонности к девиантному поведению увеличиваются индексы когерентности и организованности структуры, тогда как кривая индекса дивергентности стремится вниз. Напротив, кривая дивергентности резко возрастает при высоком уровне склонности к девиантному поведению, при этом индекс когерентности достигает чуть выше среднего положения, а кривая индекса организованности структуры находится на низких значениях. При умеренно выраженной склонности к девиантному поведению индекс когерентности достигает чуть выше средних значений, кривая индекса дивергентности располагается в зоне низких значений, вместе с тем, кривая индекса организованности структуры также представлена низким положением. Таким образом, можно обозначить две следующих главных закономерности:

1. Имеется значимо большая величина ИКС и ИОС в группе учащихся с низким уровнем склонности к девиантному поведению по сравнению с группами с высоко и средне выраженным уровнем склонности к девиантному поведению, что свидетельствует о том, что доминирующими в общей структурной организации ролевых диспозиций являются различия в интегративных механизмах, а также в большей организованности и структурированности.

2. Наибольшая степень дезорганизации структуры ролевых диспозиций имеет место в группе подростков с высоким уровнем склонности к девиантному поведению. В данной группе ИДС имеет значимо большие значения по сравнению с другими группами выборок.

Кроме того, примечательным является, что дифференцирующими критериями в полярных группах с низко и высоко выраженной склонностью к девиантному поведению будут выступать все структурные индексы (ИКС, ИДС, ИОС). Для групп с низко и умеренно выраженной склонностью к девиантному поведению дифференцирующими являются ИКС и ИОС. Тогда как для групп с умеренно и высоко выраженной склонностью к девиантному поведению дифференциатором выступает ИДС. Суть таких значений объясняет, что доминирование дивергентных

тенденций является ключевым вектором структурных перестроек компонентов ролевого взаимодействия (ролевых диспозиций). Это свидетельствует, что низко, умеренно и высоко склонные к девиантному поведению подростки различаются не только по степени организованности структур, но характеризуются разными ролевыми установками и паттернами, усвоенными в процессе индивидуального социального опыта. Полученные данные позволяют сделать вывод, что при переходе от низких значений склонности к девиантному поведению к высоким в структуре ролевых диспозиций подростков начинают преобладать дифференцирующие (дивергентные) тенденции над интегрирующими (конвергентными). Доминирование тенденций дивергентности проявляется в резком увеличении (более чем в 3 раза) отрицательных связей между параметрами ролевых диспозиций. Согласно А.В. Карпову [43], такие отрицательные отношения приводят к нарастанию дезорганизации структуры и негативно отражаются во внешних параметрах. В частности, увеличивает вероятность девиантной направленности поведения подростков. Кроме того, обобщенный показатель степени структурированности компонентов ролевых диспозиций, представленный индексом организованности, отражает сходную с индексом когерентности динамику (рис. 11). Это свидетельствует о том, что наибольшая структурированность и организованность ролевых диспозиций имеет место при низких значениях склонности к девиантному поведению подростков. Таким образом, можно сделать основной вывод, согласно которому выявленные значительные различия в выраженности склонности к девиантному поведению подростков имеют структурную обусловленность. В представленных различиях проявляются структурные перестройки общей организации ролевой диспозиционной системы. Различные параметры структуры ролевых диспозиций могут иметь значимо различный структурный «вес» в исследуемых группах. Чтобы проверить это предположение, был проведен сравнительный анализ матриц интеркорреляций ролевых диспозиций в группах с разным уровнем склонности к девиантному поведению на предмет их гомогенности /

гетерогенности с использованием метода экспресс- χ^2 , который показал, что все три матрицы являются достоверно ($p \leq 0,05$) гетерогенными (табл. 15).

Таблица 15

Данные сравнения матриц интеркорреляций по методу экспресс- χ^2

Группы	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
высокий & умеренный	39	-0,04	0,830
высокий & низкий	39	-0,51	0,001
умеренный & низкий	39	-0,09	0,597

Результаты, представленные в таблице, демонстрируют, что коэффициенты корреляции у групп с высоко и умеренно, а также низко и умеренно выраженной склонностью к девиантному поведению являются незначимыми ($p > 0,05$). Следовательно, структурограммы качественно различаются, т.е. являются гетерогенными по содержанию взаимосвязей. Вместе с тем, статистически значимая отрицательная корреляция (табл. 15) также позволяет говорить о гетерогенности матриц интеркорреляций при высоко и низко выраженной склонности к девиантному поведению, так как это отражает разнонаправленные тенденции. Данное позволяет сделать вывод, согласно которому в основе количественных показателей (абсолютных значений структурных индексов) уровня организованности компонентов ролевого взаимодействия при изменении выраженности склонности к девиантному поведению лежат качественные перестройки (содержательная специфика структурной организации). Это свидетельствует, что в основе уровневых характеристик лежат детерминанты структурного плана, которые обуславливают специфику организованности и потенциал трансформации ролевой диспозиционной системы. Структуры, обнаруженные при различных значениях уровня склонности к девиантному поведению, являются качественно гетерогенными. Полученные результаты свидетельствуют, что склонность к девиантному поведению подростков выходит за пределы простой совокупности ролевых диспозиций и является следствием и результатом структурных интегративных эффектов. При этом уровень

интегрированности структуры ролевых диспозиций влияет на склонность к девиантному поведению, вместе с тем склонность к девиантному поведению является детерминантой структурной организованности ролевых диспозиций. Полученные результаты могут быть проинтерпретированы с учетом эмпирического содержания критериев (табл. 16).

Таблица 16

Эмпирическое обобщение критериев проявления ролевых диспозиций склонности подростков к девиантному поведению

№	Критерии ролевых диспозиций	Низко выраженная склонность к девиантному поведению	Высоко выраженная склонность к девиантному поведению
1.	<i>Включенность / изолированность</i> в системе межличностных отношений	Установки в модели родительского поведения	
		Позитивный интерес	Непоследовательность
			Директивность
			Враждебность
		Социометрический статус в структуре эмоциональных межличностных отношений	
		Популярный («лидер», «предпочитаемый»)	Непопулярный («пренебрегаемый», «отверженный», «изолированный»)
		Интерактивная приспособленность	
Эмоциональный комфорт и самоконтроль	Эмоциональная неуравновешенность, низкий самоконтроль		
2.	<i>Просоциальность / маргинальность</i> ориентации личности в выборе стратегий социального поведения	Тип локуса ролевого конфликта	
		Промежуточный тип	Интернальный тип
		Внутренняя установка в отношении социальных требований	
		Конструктивная направленность (принятие общепринятых норм)	Деструктивная направленность (оппозиция, протест в отношении общепринятых норм)
		Интерактивная направленность	
		Ориентация на сотрудничество и поддержку конструктивных отношений	Ориентация на эгоистические интересы и конфликтность
3.	<i>Когерентность / инкогерентность</i> и возрастно-полоролевых компонентов, характер структуры ролевых диспозиций	Ролевая структура	
		Высокая организованность структуры	Низкая организованность структуры
		Когерентная структура	Дивергентная структура
		Полоролевая когерентность	Поло-ролевая инкогерентность
		Возрастно-ролевая когерентность	Возрастно-ролевая инкогерентность

При высокой склонности к девиантному поведению специфическими проявлениями критериев ролевых диспозиций *в плане взаимоотношений индивида с социальной средой* (включенность / изолированность) являются доминирование деструктивных установок в родительской модели поведения, представляющее непоследовательность, директивность и враждебность, социометрический статус в категории «непопулярные» с преобладанием числа отвержений.

Специфицирующими критериями высокой склонности к девиантному поведению *в плане ориентации в выборе стратегий социального поведения* (просоциальность / маргинальность) выступают интернальный тип локуса ролевого конфликта с ориентацией на собственные внутренние интересы и потребности, наряду с пренебрежением ожиданий окружающих, преобладание рассогласованности ролей, характеризующих особенности межличностного взаимодействия.

В отношении характера структуры ролевые диспозиции склонности подростков к девиантному поведению представлены доминированием дифференцирующих (дивергентных) тенденций, дезинтегрированностью структурной организации, рассогласованностью, возрастно- и полоролевой инкогерентностью.

В общем плане указанные критерии отражают наличие негативных установок в отношении социальных требований, эмоциональной неуравновешенности, тревожности, неудовлетворенности собой и окружающим, слабого самоконтроля, ригидности поведения, ориентации на эгоистические интересы и конфликтность во взаимодействии. Обнаруженная закономерность о дезинтегрированности структуры ролевых диспозиций подростков при высокой склонности к девиантному поведению свидетельствует о неспособности следовать социально установленным нормам и принимать их как лично значимые. При этом рассогласованность компонентов ролевого взаимодействия может отражать типичную для подросткового возраста закономерность – более раннее половое созревание и относительная социальная

незрелость. Это обуславливает неудовлетворенность подростков ролью опекаемого, наряду с незрелостью для ответственных ролей взрослого и провоцирует манифестации поведенческих девиаций, выступающих как специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации своего отношения к ним с использованием инкогерентных ролевых способов самовыражения. Это определяет фрагментарный и поверхностный характер ролевой идентичности подростков.

Выводы по второй главе

На основании анализа результатов теоретического и эмпирического исследования сформулированы следующие выводы:

1. Понятие социальной роли имеет широкое распространение в социологии и социальной психологии и включает систему ожиданий относительно поведения личности, представление человека о модели собственного поведения и соответствие поведения занимаемому положению или статусу (Дж. Мид, Р. Линтон, Р.К. Мертон). В этой связи социальная среда, включающая систему ролевых отношений и поведения личности, рассматривается через последовательный процесс взаимовлияния. В частности, социальная среда выступает носителем ролевых диспозиций и детерминирует индивидуальное образование и преобразование диспозиционной структуры, опосредованно через ролевую модель взаимодействия.

2. Согласно положениям ряда исследований (Ю.А. Клейберг, Е.В. Змановская, Н.В. Разживина), девиантное поведение регулируется диспозиционной системой личности, которая включает многообразие диспозиционных образований. При этом, диспозиционное поведение понимается как готовность, предрасположенность личности на основе ее социального опыта к оценке ситуации и способу поведения, детерминированная реализацией потребностей, интересов, ценностных ориентации и установок (Ю.А. Клейберг). Вместе с тем, склонность к девиантному поведению

подростков рассматривается как предрасположенность к нарушению социально-принятых норм, детерминированная совокупностью внутренне и внешне обусловленных факторов, образующих и преобразующих диспозиционную систему личности (Н.В. Разживина).

3. Критериальное содержание исследования ролевых диспозиций подростков определяется совокупностью параметров индивидуального социального опыта ролевого взаимодействия и конкретизируется в следующих трех аспектах: *включенность / изолированность* в системе межличностных отношений; *просоциальность / маргинальность* ориентации личности в выборе стратегий социального поведения; *когерентность / инкогерентность* возрастно- и полоролевых компонентов, характер структуры ролевых диспозиций (Р. Лапьер, В.А. Ядов, А.Г. Асмолов, А.В. Карпов, Ю. А. Клейберг, Е.В. Змановская, Н.В. Разживина). Для выявления ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, в соответствии с целью исследования были отобраны стандартизированные методики согласно выделенным критериям.

4. Диспозиционная концепция регуляции социального поведения (Р. Лапьер, В.А. Ядов, А.Г. Асмолов), идеи о формировании и функционировании диспозиций (Ю.А. Клейберг, Е.В. Змановская), а также теоретические положения о специфике ролевого поведения в контексте индивидуального социального опыта (Дж. Мид, Р.К. Мертон, И.С. Кон, Г.М. Андреева) позволили сформулировать предположение о том, что диспозициями девиантного поведения подростков могут выступать компоненты ролевого взаимодействия, сформированные в процессе последовательного расширения границ социального общения и включения в различные ситуации взаимодействия. В частности, компоненты ролевого взаимодействия, детерминирующие предрасположенность подростков к нарушению социально принятых норм, наряду с их многообразием, представлены: типом локуса ролевого конфликта, установками в модели поведения родителей, ролевой когерентностью / инкогерентностью.

4. Анализ результатов эмпирического исследования показал, что своеобразие диспозиционной регуляции поведения подростков представлено рядом предикторов и указывает на предрасположенность к нарушению социально принятых норм, детерминированную внутренне и внешне обусловленными факторами, образующими и преобразующими диспозиционную систему. В частности, свойственные подростковому возрасту стремления к независимости и самоутверждению, наряду с тенденциями испытать разного рода социальные роли, обуславливают противоречия на межличностном уровне и могут выступать триггером для манифестации поведенческих девиаций.

5. Выявленные индикаторы раскрывают специфику компонентов ролевого взаимодействия подростков и объясняют индивидуальную меру их представленности в контексте последовательного расширения границ общения и включения в различные ситуации социального взаимодействия. Диспозиции закрепляются в стереотипной форме, что приводит к сужению диапазона ролевых интеракций, обеспечивая ригидность ролевой структуры и ограниченность регуляции социального поведения.

6. Характер структуры ролевых диспозиций подростков при высокой склонности к девиантному поведению отличается дезинтегрированностью, что свидетельствует о неспособности следовать социально установленным нормам и принимать их как лично значимые. При этом рассогласованность компонентов ролевого взаимодействия может отражать типичную для подросткового возраста закономерность – более раннее половое созревание и относительная социальная незрелость. Что обуславливает неудовлетворенность подростков ролью опекаемого, наряду с незрелостью для ответственных ролей взрослого, и провоцирует манифестации поведенческих девиаций, выступающих как специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации своего отношения к ним, с использованием инкогерентных ролевых способов

самовыражения. Это определяет фрагментарный и поверхностный характер ролевой идентичности подростков.

7. Доминирование дивергентных тенденций является ключевым вектором структурной трансформации ролевых диспозиций. Это свидетельствует, что низко, умеренно и высоко склонные к девиантному поведению подростки различаются не только по степени организованности структур, но характеризуются разными ролевыми установками и паттернами, усвоенными в процессе индивидуального социального опыта.

Таким образом, в основе уровневых характеристик лежат детерминанты структурного плана, которые обуславливают специфику организованности и потенциал трансформации ролевой диспозиционной системы.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОГРАММЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ С УЧЕТОМ РОЛЕВЫХ ДИСПОЗИЦИЙ ПОДРОСТКОВ

3.1. Сущность профилактики девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения

Забота о психологическом благополучии детей и подростков приобретает особое значение в настоящее время, что обусловлено стремительным темпом жизнедеятельности, обилием информационной нагрузки, нередко агрессивной направленности, различными кризисными явлениями как ситуативного, так и глобального характера. Значимым показателем социально-экономического положения государства в будущем, его благополучия, интеллектуального и нравственного уровня нации является актуальное состояние психологического здоровья детей и подростков. Анализируя вызовы современного этапа развития цивилизации, исследователи отмечают изменение характера и содержания отношений между людьми, что проявляется в общей формализации отношений, в нарастании безучастности, равнодушия, снижении межличностной эмпатии [99]. Система образования выступает важнейшим институтом формирования морали, нравственности, моделей социально-ролевых отношений и ценностей. Одной из функций образования является формирование характера и моральной ответственности в ситуациях адаптирования к социальной и природной сферам [116]. В этой связи образование должно охватывать не только познавательное и интеллектуальное развитие обучающихся, но и способствовать формированию навыков социального взаимодействия.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» и входящая в ее содержание подпрограмма «Профилактика

заболеваний и формирование здорового образа жизни. Развитие первичной медико-санитарной помощи» включают такие целевые индикаторы и показатели, как: снижение потребления алкогольной продукции среди взрослого населения, а также снижение распространенности потребления табака среди детей и подростков; снижение заболеваемости алкоголизмом и наркоманией; снижение уровня смертности населения за счет профилактики развития депрессивных состояний и суицидального поведения (Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» от 15 апреля 2014 г. N 294) [98]. Задачи предусматривают формирование у населения ответственного отношения к своему здоровью и изменение моделей поведения; коррекцию и регулярный контроль поведенческих и биологических факторов риска; отказ от табакокурения и наркотиков, злоупотребления алкоголем. Таким образом, одним из важнейших направлений политики государства в области охраны здоровья является, в первую очередь, профилактика на групповом и индивидуальном уровнях. Реализация мероприятий Госпрограммы рассчитана на 2013-2020 годы. В то же время, по данным федеральной службы государственной статистики потребление алкоголя и табака среди детей и подростков, а также проявление расстройств поведения, сохраняют тенденции роста [112].

Рассматривая вопросы профилактики, обратимся к определению данного понятия. В нормативных документах Всемирной организации здравоохранения термин «профилактика» подразумевает комплекс мероприятий, направленных на предупреждение болезни или устранение факторов риска. При этом первичная профилактика направлена на устранение неблагоприятных факторов, вызывающих определенное явление, а также повышение устойчивости личности к воздействию таких факторов. В рамках первичной профилактики может быть охвачена подростковая среда [60]. Профилактика в области психологической деятельности имеет специфическую направленность и отражает аспект изучения психических воздействий на человека, свойств его психики и возможностей предупреждения

психогенных и психосоматических болезней [58]. В нормативных документах, определяющих организационно-методическую основу деятельности службы практической психологии в системе Министерства образования Российской Федерации (Приказ Министерства образования Российской Федерации «Об утверждении положения о службе практической психологии в системе министерства образования РФ» от 22 октября 1999 г. № 636), психологическая профилактика выступает одним из основных направлений деятельности службы и определяется как предупреждение возникновения явлений дезадаптации обучающихся, воспитанников в образовательных учреждениях, разработка конкретных рекомендаций педагогическим работникам, родителям (законным представителям) по оказанию помощи в вопросах воспитания, обучения и развития. В этой связи психологическая профилактика включает следующие направления [101]:

- обеспечение гармоничного психического развития и формирования личности детей на каждом этапе их развития;
- разработка, апробация и внедрение развивающих программ для детей разного возраста с учетом особенностей и задач каждого возрастного этапа;
- мониторинг психогигиенических условий обучения и развития детей в образовательных учреждениях и в семье;
- устранение неблагоприятных психологических факторов в образовательной среде, семье;
- своевременное предупреждение возможных нарушений психосоматического и психического здоровья детей;
- подготовка детей и подростков к сознанию тех сфер жизни, в которых они хотели бы реализовать свои способности и знания;
- предупреждение возможных осложнений в психическом развитии и становлении личности детей и подростков в процессе непрерывной социализации.

Анализируя выделенный вопрос, обратимся к исследованиям, рассматривающим существующие направления в профилактике девиантного поведения подростков.

И.С. Осипова [81] одним из действенных и результативных путей профилактики девиантного поведения подростков считает использование педагогического мониторинга. Автор подчеркивает необходимость целостной системы, позволяющей отслеживать результаты процесса воспитания, вероятные негативные факторы, влияющие на формирование поведения, выявлять тенденции развития девиантного поведения и на основе этого определять коррекционные воздействия. В этой связи автором предложена структура педагогического мониторинга, включающая семь последовательных этапов: нормативно-установочный этап, диагностико-прогностический этап, планомерно-содержательный этап, процессуально-технологический этап, промежуточно-диагностический этап, коррекционный этап, итогово-диагностический этап. По мнению автора, такая структура позволит вести непрерывный учет компонентов девиантного поведения подростков, которые выражаются следующими показателями:

- отношение к учебной и общественной деятельности, труду, педагогическим воздействиям, сверстникам и коллективу;
- сформированность нравственных норм и ценностей, жизненных и профессиональных планов, интересов и потребностей;
- способность к эмпатии;
- положительная или негативная направленность волевых усилий;
- навыки самоанализа и самокритичного отношения;
- культура поведения, дурные привычки.

Признавая ценность предложенного подхода и широкий структурный диапазон, позволим допустить трудности его практического использования в условиях общеобразовательного учреждения, связанные с реальным соотношением количества специалистов и объемом мониторинговой деятельности.

В рамках социальной психологии С.Г. Литке [64] предлагает в основе профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних социопсихологический мониторинг, который, наряду с параметрами личностных особенностей детей и подростков, включает критерии отношения всех субъектов образовательного процесса и основан на следующих параметрах:

- параметры, определяющие личностные особенности (тип темперамента, акцентуации характера, уровень тревожности, наличие и уровень агрессивности, мотивация, самооценка, межличностные отношения);
- параметры, определяющие профессионализм педагогов (с позиции обучающихся, коллег, администрации и родителей);
- параметры, определяющие профессионализм администрации образовательного учреждения (умения создавать условия для эффективной работы специалистов, умение организовать интеграцию и взаимодействие специалистов различных социальных институтов по проблеме девиантного поведения подростков).

Кроме того, автор определяет необходимость разработки профилактических комплексов, которые учитывают современные условия социализации личности подростка и имеют четкую направленность на возраст и форму кризисных состояний. Вместе с тем, во многих исследованиях подчеркивается необходимость включения адекватных возрастному периоду форм профилактической деятельности с подростками, в том числе познавательные игры, ролевые игры, фокусированное групповое интервью и т.д. [57, 119]. Согласно социально-психологическому подходу, профилактика девиантного поведения подростков требует включения следующих составляющих:

- анализ социально-психологических условий и факторов, влияющих на вовлечение подростков в девиантную среду;
- анализ взаимодействия подростка с микросоциальным окружением: среда сверстников, семейные взаимоотношения, образовательное учреждение и с обществом в целом.

В рамках изучения личностных диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, Н.В. Разживина предлагает модель психологического сопровождения [105]. Представленная модель включает три блока: целевой, содержательный и результативный, характеристики которых позволяют представить целостную картину зон риска в развитии личности подростка и определить направления профилактической деятельности специалистов службы сопровождения. Для определения эффективности профилактической работы, автор выделяет ряд критериев склонности к девиантному поведению: личностно-социальный, когнитивно-смысловой, мотивационный, поведенческий и эмоционально-волевой. Кроме того, автор дифференцирует возрастные кризисы подростков с учетом конкретных периодов: период адаптации к условиям средней школы; период самоутверждения в коллективе сверстников; период профессионального самоопределения.

Вместе с тем, на современном этапе развития науки, образования и психологической практики определяется необходимость пересмотра традиционных методов и приемов психологической работы с подростками в условиях образовательной школы и дополнения их приемами и формами, учитывающими специфику взаимодействия и коммуникативных особенностей подрастающей молодежи. В частности, существенное расширение информационного пространства, прогрессивное развитие информационных и интерактивных технологий, обуславливают необходимость изменения способов и форм организации работы психолога в образовании. В работах зарубежных исследователей и практиков все более находят распространение методы, сочетающие идеи адлерианской игровой терапии, развитые американским психологом Т. Коттман, и теории социально-ролевой идентификации И. Гофмана [139, 162, 163, 165]. В контексте данного подхода игра включает интерактивные и социальные компоненты, представляет собой метафору социального взаимодействия с возможностью экспериментировать, исследовать, принимать разные социальные роли, интегрировать их в представления

о себе. Согласно сторонникам такого подхода, чтобы исполнять роль, человек должен действовать в соответствии с представлениями об этой роли [162]. Аналогично участникам ролевой игры необходимо реализовать свой персонаж наиболее подходящим образом. В условиях безопасного игрового пространства подростки организуют свой социальный опыт, осуществляют контроль и регуляцию во взаимодействии. J.G. Rosselet, & S.D. Stauffer, обсуждая результаты своего исследования социальных навыков одаренных подростков, полагают, что использование адлеррианской игровой терапии в условиях ролевой игры (Role-Playing Games) позволяет подросткам формировать идентичность и осознанно принимать социальные правила и функции, улучшать социальное и эмоциональное функционирование, развивать навыки межличностного взаимодействия в рамках ролевой игры и переносить эти навыки в реальные условия социальной среды [162].

Анализ подходов к профилактике девиантного поведения подростков (В.Д. Менделевич, Ю.А. Клейберг, Е.В. Змановская, А.В. Печерский, Н.В. Разживина, М.В. Такмакова, S. Akay, S. Bratton, K.L. Perryman, L. Bowers и др.) позволяет схематично выделить применяемые формы и методы организации психологической профилактики в условиях образовательного учреждения (рис. 12).

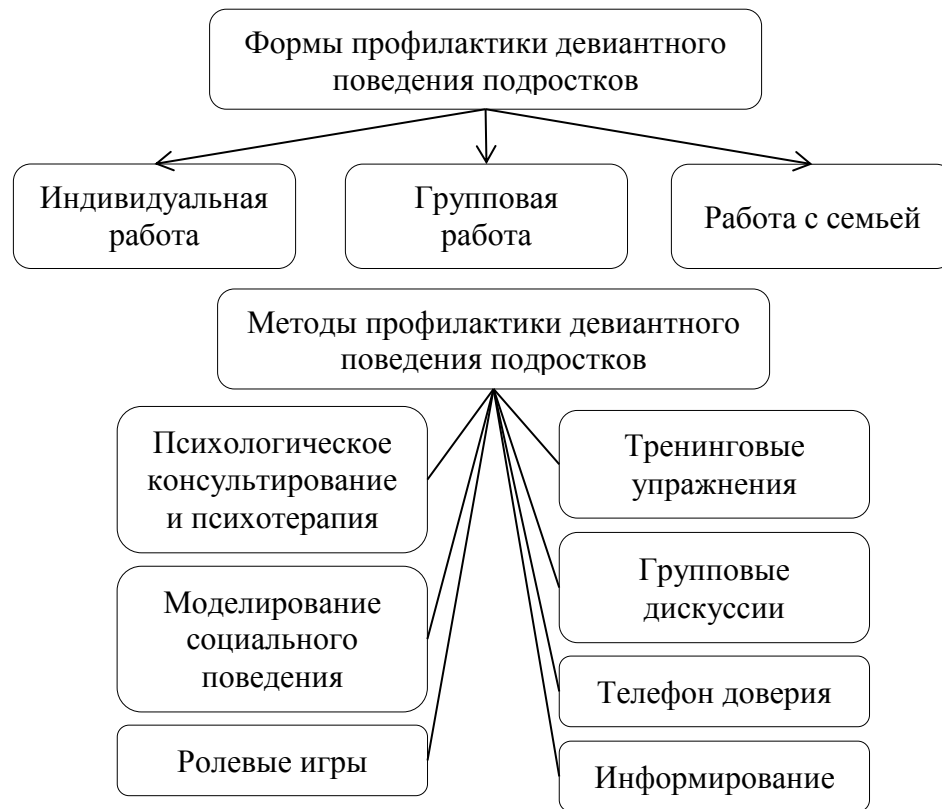

Рисунок 12. Формы и методы организации психологической профилактики девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения

С учетом специфики проявления тенденций девиантного поведения Е.В. Змановская [35] выделяет восемь принципов профилактической работы с подростками:

1. Комплексность – предполагает организацию воздействия на различных уровнях социального пространства, семьи и личности.
2. Адресность – предполагает учет возрастных, половых и социальных характеристик.
3. Массовость – отмечает приоритет групповых форм работы.
4. Позитивность информации – предусматривает выражение информации в положительной форме.
5. Минимизация негативных последствий.
6. Личная заинтересованность и ответственность участников.

7. Максимальная активность личности.

8. Устремленность в будущее. Представляет оценку последствий поведения, активизацию позитивных ценностей и целей, планирование будущего социально-одобряемого поведения.

На наш взгляд, указанные принципы сочетают значимые критерии и служат ориентиром в разработке эффективных программ психологической профилактики девиантного поведения подростков в условиях образовательного учреждения.

3.2. Результаты апробации программы профилактики девиантного поведения подростков

С целью определения эффектов программы психологической профилактики, подростки с высокой склонностью к девиантному поведению ($N = 99$) были разделены случайным образом на две группы – экспериментальная и контрольная, которые предварительно сравнивались друг с другом по критерию t-Стьюдента для независимых групп (нормальность распределения доказана $p > 0,05$; табл. 1, прил. 1) по трем методикам: Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (разработана Вологодским центром гуманитарных исследований и консультирования «Развитие», 1992 г.), Методика диагностики социально-психологической адаптированности (шкала СПА), разработанная К. Роджерсом и Р. Даймондом, Методика диагностики интерактивной направленности личности (Н.Е. Щуркова в модификации Н.П. Фетискина). Результаты сравнительного анализа показали отсутствие значимых различий (табл. 17) по всем трем методикам ($p > 0,05$), что позволило реализовать программу психологической профилактики в одной из групп.

Сравнение контрольной и экспериментальной групп по признакам склонности к девиантному поведению до воздействия

Переменные	Контрольная	Экспериментальная	t-знач.	p-уров.	N набл. – контрольная группа	N набл. – экспериментальная группа
Склонность к нарушению норм и правил	6,11	6,33	-1,42	0,08	50	49
Склонность к аддиктивному поведению	10,02	10,00	1,80	0,07	50	49
Склонность к самоповреждающему поведению	14,64	14,37	-2,09	0,06	50	49
Склонность к агрессии и насилию	10,95	10,05	1,23	0,12	50	49
Волевой контроль эмоциональных желаний	14,91	14,33	2,08	0,06	50	49
Склонность к делинквентному поведению	10,42	10,00	-0,10	0,14	50	49
Ориентация на личные интересы	9,79	9,10	1,14	0,22	50	49
Ориентация на взаимодействие и сотрудничество	11,11	12,21	-1,86	0,23	50	49
Маргинальная ориентация	22,95	21,62	2,34	0,08	50	49
Адаптированность	65,95	64,74	1,92	0,11	50	49
Принятие себя	17,05	18,62	-2,10	0,07	50	49
Принятие других	10,68	10,46	0,80	0,10	50	49
Эмоциональный комфорт	13,08	11,92	1,25	0,15	50	49
Ожидание внутреннего контроля	17,97	17,26	1,72	0,21	50	49

Таким образом, в результате сравнения контрольной и экспериментальной групп по признакам склонности к девиантному поведению установлено отсутствие значимых различий (табл. 17) по использованным в исследовании методикам ($p > 0,05$), что позволило реализовать программу профилактики девиантного поведения в экспериментальной группе.

Для реализации поставленных задач исследования нами была разработана программа психологической профилактики девиантного поведения с учетом

специфики структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению. Программа выступает средством создания оптимальных условий, обеспечивающих выявление и устранение деструктивно-ролевых факторов риска, а также укрепление диспозиционных механизмов регуляции адаптивного и просоциального ролевого поведения подростков.

3.2.1. Трансформационная ролевая игра как форма профилактики девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательной школы

Поведение человека по своей сути социально, оно формируется и реализуется в обществе. Характер поведения личности отражает процесс ее социализации – усвоения образцов поведения, психологических установок, социальных норм, ценностей, знаний и навыков, позволяющих успешно функционировать в обществе. Существование субъекта в социуме, включая сложную систему взаимодействия, сосредотачивается на полюсе «адаптация – дезадаптация». Особенности взаимодействия раскрываются через ролевые паттерны поведения, усвоенные в процессе индивидуального социального опыта. В период подросткового возраста проявляются тенденции к определенной социальной роли, интегрирующей желание подражать наряду с обостренным стремлением к независимости и потребностью в самоутверждении. Смена социальных условий при переходе школьников из среднего звена в старшее предполагает экспектации новой социальной роли, соответствующий уровень автономности, самостоятельности и самоконтроля. Вместе с тем, наличие оппозиционных установок по отношению к окружающим взрослым усложняет взаимодействие подростка и социальной среды, определяя ряд внутриличностных и межличностных противоречий, что приводит к неспособности усваивать социально принятые нормы и следовать им как личностно значимым. Это, в свою очередь, обуславливает дезинтегрированность, рассогласованность и фрагментарный характер ролевой идентичности подростков. Приводит к сужению

диапазона ролевых интеракций, которые представляют преимущественно оппозиционные, протестные установки, обеспечивая ригидность ролевой структуры и ограниченность регуляции социального поведения. В этой связи, одним из направлений психологической профилактики девиантного поведения и формирования просоциальной направленности подростков выступает оптимизация структурной организованности ролевой диспозиционной системы через обеспечение интегративных механизмов. В частности, полученные в ходе исследования данные относительно специфики структурной организованности ролевых диспозиций подростков при низко, умеренно и высоко выраженной склонности к девиантному поведению, обсуждаемые в параграфе 2.3, позволили конкретизировать содержание программы профилактики за счет следующих результатов (табл. 18):

Таблица 18

Качественный анализ структурной организованности ролевых диспозиций подростков с различным уровнем склонности к девиантному поведению

	Низко-выраженная склонности к девиантному поведению	Умеренно-выраженная склонности к девиантному поведению	Высоко-выраженная склонности к девиантному поведению
Общее в структурной организации ролевых диспозиций подростков			
старуха	позитивный интерес	позитивный интерес	
старик			
мать			
отец	непоследовательность		непоследовательность
дева		враждебность	враждебность
герой		директивность	директивность
ведьма	враждебность		враждебность
трикстер	враждебность непоследовательность	враждебность непоследовательность	враждебность
девочка		автономность	автономность
мальчик		интернальный тип локуса ролевого конфликта	интернальный тип локуса ролевого конфликта
социометрический статус		автономность	автономность

	Низко- выраженная склонности к девиантному поведению	Умеренно- выраженная склонности к девиантному поведению	Высоко- выраженная склонности к девиантному поведению
Частное в структурной организации ролевых диспозиций подростков			
старуха			враждебность директивность
старик	автономность локус ролевого конфликта	непоследовательность	позитивный интерес
мать	автономность	позитивный интерес интернальный тип локуса ролевого конфликта	враждебность
отец			
дева	интернальный тип локуса ролевого конфликта	директивность	
герой	позитивный интерес	враждебность	автономность
ведьма	директивность непоследовательность автономность		интернальный тип локуса ролевого конфликта
трикстер			автономность директивность
девочка	позитивный интерес		интернальный тип локуса ролевого конфликта
мальчик	директивность		враждебность
социометричес кий статус	позитивный интерес		враждебность

Обозначим наиболее показательные и значимые с точки зрения направленности профилактической работы сведения.

При *низкой* склонности к девиантному поведению наиболее часто представлена установка в модели поведения родителей «позитивный интерес» (4). Это то, как подросток воспринимает модель родительского поведения по отношению к нему. При *умеренной* и *высокой* склонности к девиантному поведению наиболее часто представлена установка в модели поведения родителей «враждебность» (3 и 7).

Общим для всех групп является роль «трикстер» с установкой «враждебность» в родительской модели поведения. Это отражает характер специфических преобразований в период подросткового возраста, выражающийся негативизмом, обостренным стремлением к независимости.

Общим для групп с *умеренной* и *высокой* склонностью выступают роль «герой» с установкой «директивность», роль «дева» с установкой «враждебность», роль «девочка» и социометрический статус с установкой «автономность» в родительской модели поведения, роль «мальчик» с интернальным типом локуса ролевого конфликта. Такие показатели демонстрируют инкогерентность и рассогласованность структурной организованности ролевых диспозиций подростков. Иными словами, социальная роль представляет несогласованность экспектаций.

Общим для групп с *умеренной* и *низкой* склонностью являются роль «трикстер» с установкой «непоследовательность» и роль «старуха» с установкой «позитивный интерес» в модели поведения родителей.

Общим для групп с *низкой* и *высокой* склонностью является роль «отец» с установкой «непоследовательность» в модели поведения родителей.

Частным и отличительным при *низкой* склонности, наряду с другими выступает социометрический статус с установкой «позитивный интерес» в родительской модели поведения. Это может свидетельствовать о том, что установки и модели поведения, усвоенные в семье, транслируются и реализуются подростком по мере расширения опыта социального взаимодействия, в частности, в условия малых контактных групп.

Частным и отличительным при *высокой* склонности, наряду с другими, выступают роли «мать», «старуха» и социометрический статус с установкой «враждебность» в родительской модели поведения. Это позволяет предположить, что преимущественно восприятие подростком социального окружения осуществляется через «враждебность», что свидетельствует об ограниченности ролевого диапазона, ригидности регуляции социального поведения (разные

социальные роли в одной категориальной характеристике), рассогласованности диспозиционной структуры.

В этой связи **целью** программы является создание условий для оптимального межличностного взаимодействия, саморазвития и расширения ролевого диапазона подростков, предупреждение возможных поведенческих девиаций и укрепление интегративных механизмов регуляции диспозиционного поведения.

Задачи:

1. Расширение представлений о ролевом репертуаре личности.
2. Исследование характера собственной ролевой структуры и ведущей ролевой позиции во взаимодействии.
3. Осознание устойчивых неконструктивных ролевых поведенческих стереотипов и их оптимизация / трансформация.
4. Расширение ролевого диапазона через интеграцию новых ролей в диспозиционную структуру.
5. Развитие социальной чувствительности и гибкости ролевого поведения.
6. Проработка эмоциональных переживаний, рефлексия.
7. Выстраивание нового типа отношений с самим собой и с окружающими посредством новых способов ролевого взаимодействия.

Следует отметить, что данная программа ориентирована на специфику ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению. При этом предикторы и индикаторы девиантного поведения отражают критериальный аспект. В частности, *в плане взаимоотношений с социальной средой* – доминирование деструктивных установок в родительской модели поведения, выражающих непоследовательность, директивность и враждебность, низкий социометрический статус с преобладанием числа отвержений. *В плане ориентации в выборе стратегий социального поведения* – интернальный тип локуса ролевого конфликта с ориентацией на внутренние интересы и пренебрежение ожиданий окружающих, наряду с преобладанием инкогерентных ролей и направленностью на эгоистические

интересы. *В отношении характера структуры* – доминирование дифференцирующих (дивергентных) тенденций, дезинтегрированность структурной организации, рассогласованность, возрастно- и полоролевая инкогерентность.

Теоретико-методологические основания программы. Данная программа опирается на подход, интегрирующий ключевые идеи адлеррианской психологии и методы игровой терапии (А. Адлер, Т. Коттман, Y.-J. Shen, S. Akay, J.G. Rosselt), а также теоретические положения об идентификации социальной роли (И. Гофман, Я.Л. Морено, Д. Киппер), согласно которым в каждый момент жизни человек выступает в различных ролевых категориях, они взаимопроникают и определяют друг друга, хотя в конкретной ситуации некоторые могут быть более выражены, чем другие. Роли, закрепленные в стереотипной форме, препятствуют творческой реализации личности. В этой связи, развивающий и коррекционный эффект психологической работы достигается за счет расширения ролевого репертуара и творческой реализации участников. Таким образом, относительно методического содержания и использования техник, данная программа представляет собирательную модель [29, 59, 139, 162, 163].

Программа реализуется посредством **методов** игровой терапии, обеспечивающих аспект ненавязчивой диагностики и самодиагностики трудностей межличностного взаимодействия посредством ситуационно-ролевых техник, интенсификацию процесса обучения, закрепления новых поведенческих навыков оптимального взаимодействия, развитие социальной перцепции, умения воспринимать и оценивать других людей, себя адекватно ситуации.

По **форме** реализации программа представляет серию трансформационных ролевых игр, в основе которых теоретические идеи и практический опыт зарубежных исследователей и разработчиков [154, 159, 161, 165, 166]. J. Drake & K. Tyler, авторы оригинальной версии «The Transformation Game», предлагают использовать игру как способ осознать и трансформировать свои реакции, убеждения, установки и в целом жизненный опыт. По мнению авторов, воздействие

заключается в том, что игра позволяет вывести переживания и проблемы межличностных отношений на внешний уровень для возможности осознания, принятия своего опыта и применения нового в условиях игровой ситуации. J.G. Rosselt, S.D. Stauffer в своей работе предлагают психосоциальную модель взаимодействия в процессе ролевой игровой терапии и подчеркивают эффективность данного способа в развитии у подростков внутри- и межличностных навыков регуляции социального поведения [162].

Основываясь на обсуждаемых выше положениях ролевого подхода и идеях о трансформации индивидуального опыта, уникальность данной программы заключается в использовании фигур, представляющих, наряду с другими известными, набор социальных ролей, которые усваиваются и реализуются в процессе последовательного расширения границ общения подростков и их включения в различные ситуации социального взаимодействия. В этой связи, трансформационные ролевые игры выступают в качестве инструмента для обеспечения трансформации структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению. Это достигается посредством создания пространства, где участники могут экспериментировать с различными эмоциональными состояниями и поведением через воображение, осознание и переосмысление стереотипных паттернов ролевого взаимодействия, исследования сильных и слабых сторон привычных способов взаимодействия для расширения представлений о своем потенциале на уровне социально ролевых интеракций, прояснения деструктивных установок и трансформации инкогерентных моделей.

Содержательное направление работы определяется стратегической линией программы и включает (рис. 13):

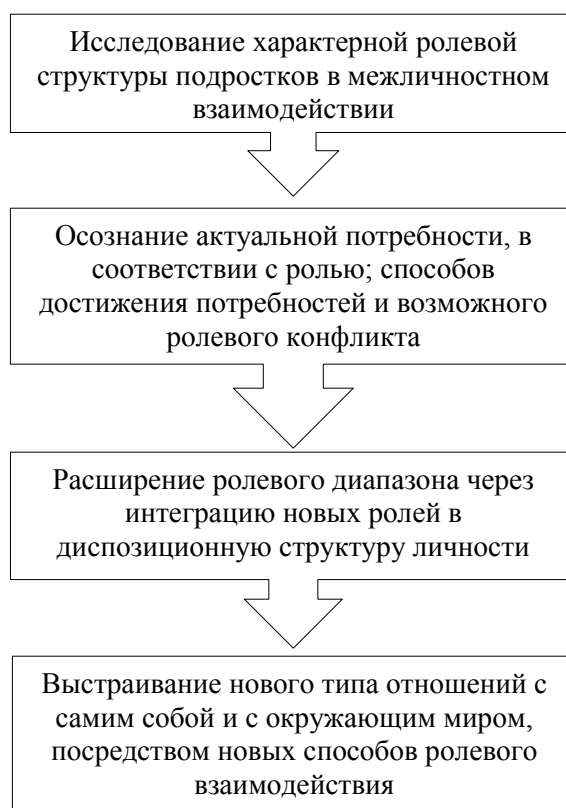

Рисунок 13. Стратегическая линия программы

Представленная программа, ориентируясь на особенности взаимоотношений в подростковом возрасте, позволяет развивать и практиковать навыки социально-ролевого взаимодействия, исследовать альтернативные ролевые модели поведения, раскрыть адекватное восприятие подростком себя и других, применить опыт ролевого взаимодействия в условиях группы. Кроме того, включение в группу способствует созданию и поддержке позитивного социального взаимодействия со сверстниками.

С учетом сформулированных целей и задач, программа дифференцирована на этапы с соответствующим содержанием работы (табл. 19).

Содержание этапов программы

Этапы	Цели	Применяемые ролевые техники	
I. ВВОДНЫЙ ЭТАП	<ul style="list-style-type: none"> – знакомство со спецификой занятий; – мотивация участников; – создание атмосферы доверия и комфорта; – обозначение ожиданий в результате работы; – исследование ведущей ролевой позиции в условиях межличностного взаимодействия; 	<p>«Правда или ложь» «Тайна в их ролях»</p>	
II. ОСНОВНОЙ ЭТАП	Согласование ролевой диспозиционной структуры	<ul style="list-style-type: none"> – создание атмосферы доверия и комфорта; – получение опыта в условиях безопасного игрового пространства; – выражение эмоциональных переживаний; – развитие наблюдательской сензитивности к ролевым репрезентациям; – развитие осведомленности о нарушении социальных и эмоциональных границ личности; – осознание существования противоречий между социальной ролью и обстоятельствами; – регуляция ролевой дистанции в зависимости от внешних ожиданий и своим отношением к роли 	<p>«Ролевые экспектации» «Ролевые полярности» «Ролевые конфликты»</p>
	Расширение ролевого диапазона	<ul style="list-style-type: none"> – исследование устойчивого ролевого репертуара личности; – определение неконструктивных ролевых стереотипов и их трансформация; – расширение представлений о различных аспектах своей ролевой структуры (негативных / позитивных), через их перенос на внешний объект (ролевая фигура); – развитие умения находить баланс, промежуточную позицию, между полным принятием и отвержением социально ожидаемой роли; – формирование гибкости ролевых позиций в условиях взаимодействия; 	<p>«Ролевой рефрейминг» «Наблюдатель» «Ролевая скульптура»</p>

	Интегрированность структурной организации	<ul style="list-style-type: none"> – исследование и интеграция различных аспектов собственной идентичности; – выражение соответствующих эмоциональных переживаний через постижение разных ролей; – осознание ролевых ресурсов; – интеграция новых ролей в ролевую структуру личности; 	«Ролевые контрасты» «Режиссер» «Фантастические роли и где они обитают»
III. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП		– оценка достигнутого, подведение итогов.	«Рескриптинг роли»

В целом структура одного группового занятия включает пять составляющих:

- 1) психоэмоциональный настрой (рефлексия своего эмоционального и физического состояния, ожиданий от предстоящей работы);
- 2) обозначение темы игры;
- 3) трансформационная ролевая игра;
- 4) обсуждение;
- 5) подведение итогов (высказывания участников о своем актуальном состоянии, что давалось легко, что приносило дискомфорт, что он узнал сегодня, как этот опыт можно применить в реальной жизни).

Целевая аудитория: школьники в возрасте 14 – 15 лет.

Продолжительность реализации программы:

Программа включает 12 серий трансформационных ролевых игр с частотой встреч один раз в неделю. Длительность одной игры 1 – 1,5 часа. Наполняемость одной группы не более 12 человек.

Организационное обеспечение. Инструментарий, необходимый для проведения трансформационной ролевой игры включает: стандартный набор из 10 ролевых фигур (табл. 20), поле из четырех цветных квадратов (синий, зеленый, красный, желтый), поле из девяти цветных сегментов (синий, зеленый, красный, желтый, фиолетовый, коричневый, серый, черный, белый), карточки с

характеристиками фигур, карта наблюдений для психолога, листы бумаги формат А4, авторучки.

Таблица 20

Набор фигур социальных ролей, используемый в ролевых трансформационных техниках

Пол	Направленность				
	Конструктивная				Деструктивная
	Возраст				Вне возраста
	Детство	Молодость	Взрослость	Старость	Ведьма
женский					
	Ребенок девочка	Дева	Мать	Старуха	Ведьма
мужской					
	Ребенок мальчик	Герой	Отец	Старик	Трикстер/Враг

Обозначенные роли дифференцированы в соответствии с возрастным аспектом (*детство, молодость, взрослость, старость*), принадлежности пола (*мужской, женский*), направленности (*конструктивная – созидательная; деструктивная – разрушительная*). Кроме того, каждая роль несет ключевые характеристики, соответствующие социокультурным стереотипам (рис. 14).

Рисунок 14. Ключевые характеристики ролевых фигур

Представленные роли рассматриваются в аспекте *предпочитаемая*, то есть ведущая, или *отвергаемая*, а также *когерентная* (согласованная) или *инкогерентная* относительно пола и возраста субъекта. Иначе говоря, если предпочитаемая ролевая фигура соответствует полу и возрасту субъекта, то это предполагает адекватное восприятие своей социально-психологической роли. В случае несогласованности предпочитаемой роли половозрастному диапазону возможно искаженное восприятие своей социально-психологической роли, дезадаптация [83, 92]. Разнообразие выбора фигур, в зависимости от контекста ситуации, указывает на ролевую гибкость, которая определяет адаптивность в межличностном

взаимодействии. В то время как ролевая ригидность сужает диапазон регуляции социального поведения.

Методические рекомендации. Реализация программы профилактики осуществляется с учетом возрастных особенностей участников, современных тенденций в использовании методов и приемов в деятельности практического психолога, имеет четкую направленность на специфику структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению. Участники взаимодействуют через фигуры, представляющие социальные роли, персонажи, наделяя их атрибутами, навыками, способностями, преимуществами и недостатками. Фигуры служат переходными объектами между самим участником и пространством игровой ситуации, обеспечивая самопрезентацию и контроль. Несмотря на единичное количество субъективно предпочитаемых участниками ролевых фигур, важно задействовать в опыте игрового пространства весь набор. Это позволяет формировать более полное представление об уникальности социальных ролей и обеспечивает идентификацию и интеграцию их в ролевую структуру. Педагог-психолог фиксирует динамику в процессе трансформационной ролевой игры, ориентируясь на карту наблюдения (прил. 2), позволяющую проследить частоту выбора определенной фигуры, эмоции относительно этой фигуры, характеристики, сильные и слабые стороны и т.д. Это позволяет установить тенденции и изменения на протяжении всего опыта. По завершении одной встречи на основании карты наблюдений психолог дает обратную связь (индивидуально и по группе в целом) относительно взаимодействия участников, ролевых предпочтений, стилей общения, вариантов поведения и решений, предлагаемых в процессе.

Программа основывается на принципе поэтапной организации, который предполагает, что каждый последующий этап соответствует сущности предыдущего, что позволяет обеспечить благоприятные и безопасные условия для самораскрытия участников. В процессе работы осуществляется освоение техники самопознания [18]:

- обратная связь как способ увидеть себя глазами других;
- рефлексия как способность к анализу самого себя;
- идентификация как возможность «сыграть» роль другого человека для лучшего понимания его и себя, как знакомство с альтернативными способами поведения.

Критерии результативности программы. Исходя из критериальной спецификации данной программы, главным результатом, подтверждающим ее эффективность, должны стать позитивные изменения в поведении подростков, выраженные тенденциями к большей *включенности* в систему межличностных отношений с эмоциональным комфортом, удовлетворенностью собой и принятием других; к *просоциальной* ориентации в выборе стратегий социального поведения с направленностью на сотрудничество и поддержку конструктивных отношений, принятием социально значимых норм; *когерентности и согласованности* характера ролевого взаимодействия.

3.2.2. Оценка эффектов программы психологической профилактики девиантного поведения подростков

С целью определения эффективности программы психологической профилактики производилось сравнение между контрольной и экспериментальной группами во втором тестировании (t-критерий Стьюдента для независимых групп), а также внутри каждой группы в первом и втором тестировании (t-критерий Стьюдента для зависимых групп, табл. 21). Распределение по всем признакам приближено к нормальному виду ($p > 0,05$; табл. 1, прил. 1).

Сравнение экспериментальной группы до и после реализации программы
психологической профилактики

Переменные	Среднее – до воздействия	Среднее – после воздействия	t-знач.	p	N набл. до воздействия	N набл. после воздействия
Склонность к нарушению норм и правил	6,33	4,50	3,42	0,024	49	49
Склонность к аддиктивному поведению	10,00	7,19	2,80	0,041	49	49
Склонность к самоповреждающему поведению	14,37	13,89	2,11	0,062	49	49
Склонность к агрессии и насилию	10,05	8,03	4,23	0,016	49	49
Волевой контроль эмоциональных желаний	14,33	13,14	2,19	0,067	49	49
Склонность к делинквентному поведению	10,00	10,14	-1,80	0,093	49	49
Ориентация на личные интересы	9,10	9,69	-2,14	0,082	49	49
Ориентация на взаимодействие и сотрудничество	12,21	18,39	-5,86	0,000	49	49
Маргинальная ориентация	21,62	10,72	6,32	0,031	49	49
Адаптированность	64,74	70,19	-3,92	0,027	49	49
Принятие себя	18,62	30,00	-5,10	0,000	49	49
Принятие других	10,46	18,97	-3,81	0,023	49	49
Эмоциональный комфорт	11,92	11,14	-1,25	0,117	49	49
Ожидание внутреннего контроля	17,26	18,75	1,94	0,211	49	49

Результаты показали, что у подростков в экспериментальной группе снизилось большинство показателей склонности к девиантному поведению ($p < 0,05$; табл. 21). Подростки после участия в профилактической программе демонстрируют ориентацию на нормы и правила ($M = 4,5$ баллов), снижение тенденций агрессии и насилия ($M = 8,03$ баллов) и снижение склонности к аддиктивному поведению ($M = 7,19$ баллов, рис. 15).

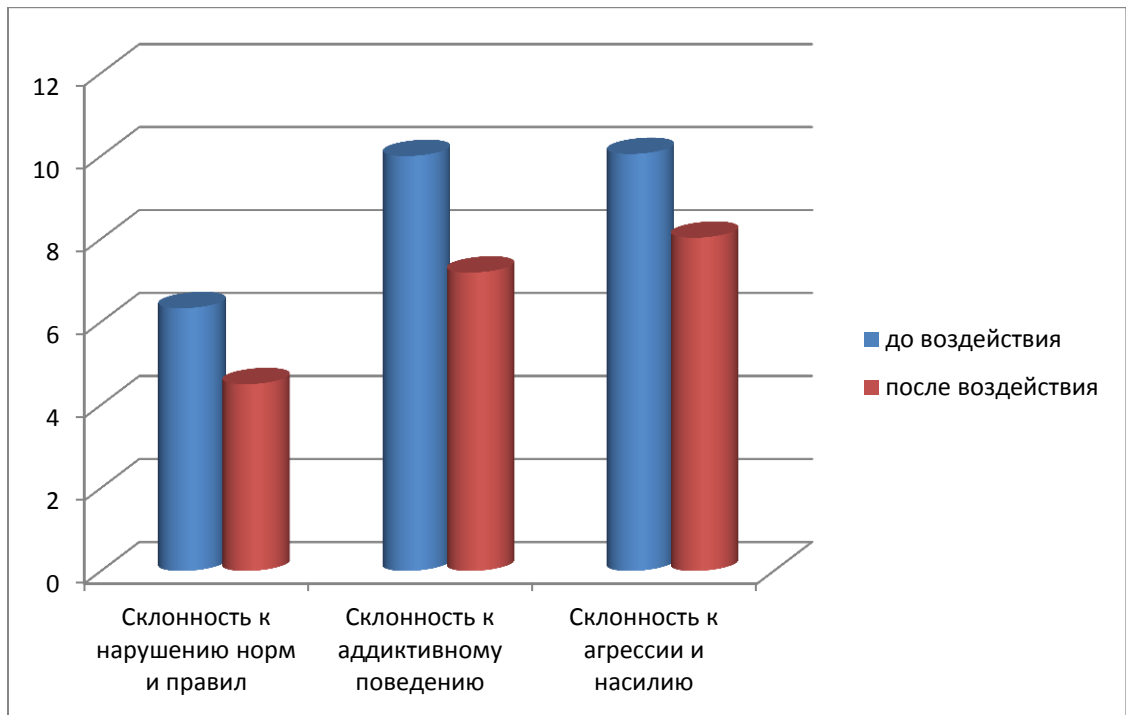

Рисунок 15. Различия в экспериментальной группе до и после программы психологической профилактики по признакам склонности к девиантному поведению

Значимые различия обнаружены в экспериментальной группе в первом и втором тестировании относительно направленности в межличностном взаимодействии, увеличились показатели «ориентации на сотрудничество» ($p < 0,05$) и снизились значения по признаку «маргинальная ориентация» ($p < 0,05$). Взаимодействие подростков с окружающими после участия в профилактической программе в большей степени определяется тенденцией к поддержке конструктивных отношений в группе ($M = 18,39$ баллов), эмпатией и интересом к совместной деятельности (рис. 16).

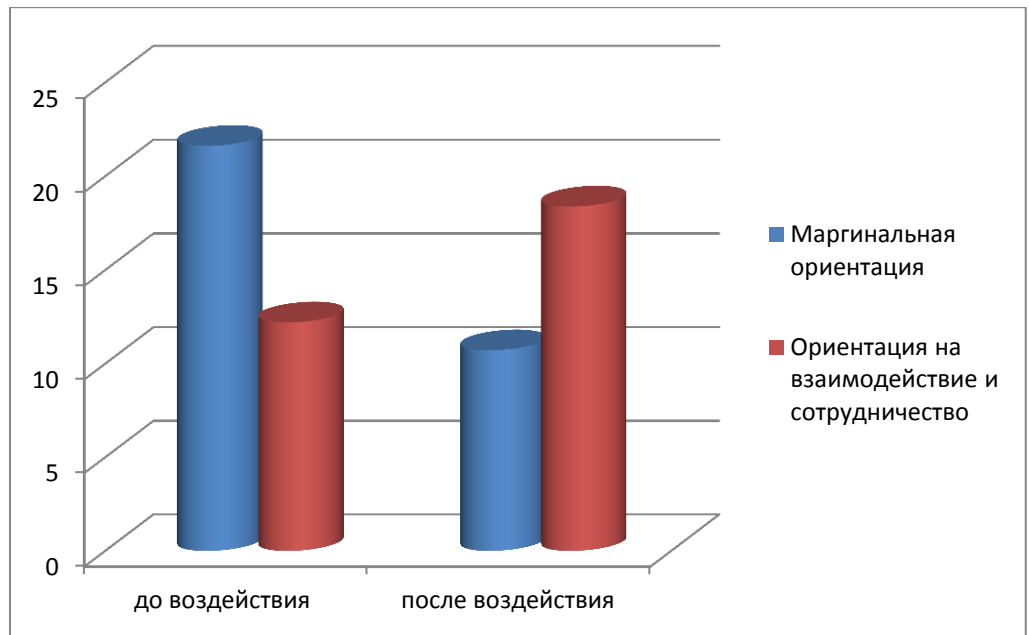

Рисунок 16. Различия в экспериментальной группе до и после программы психологической профилактики по признакам интерактивной направленности

Статистически значимо повысились адаптированность, принятие себя и принятие других ($p < 0,05$). Результаты подростков экспериментальной группы во втором тестировании свидетельствуют о большей способности адаптироваться ($M = 64,74$ балла до воздействия и $70,19$ баллов после воздействия). Учащиеся отличаются принятием себя и принятием других (рис. 17).

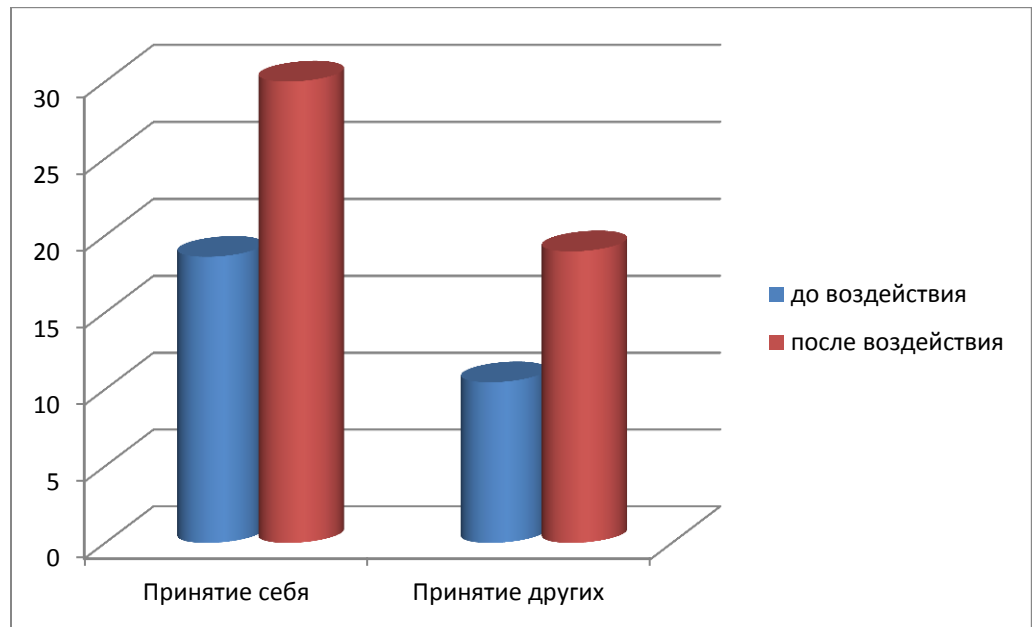

Рисунок 17. Различия в экспериментальной группе до и после программы психологической профилактики по признакам социально-психологической адаптации

В то же время, в контрольной группе статистически значимых изменений не было обнаружено ($p > 0,05$; табл. 11, прил. 1).

Обнаруженные изменения показателей склонности к девиантному поведению у учащихся свидетельствуют о результативности программы психологической профилактики, способствующей укреплению диспозиционных механизмов регуляции ролевого поведения подростков.

Далее с целью выявления динамики исследуемого феномена в плане его комплексной структурной обусловленности после реализации программы психологической профилактики в экспериментальной группе повторно был применен метод корреляционного анализа по критерию r -Спирмена (табл. 10, прил. 1); с последующим построением структурограммы значимо коррелирующих параметров и вычислением индексов структурной организации по методу А.В. Карпова, А.А. Карпова (см. § 2.3) [41, 43].

Так, по данным экспериментальной группы (с высокой склонностью к девиантному поведению) на основе матрицы интеркорреляций ролевых диспозиций (табл. 10, прил. 1) была построена следующая структурограмма (рис. 18).

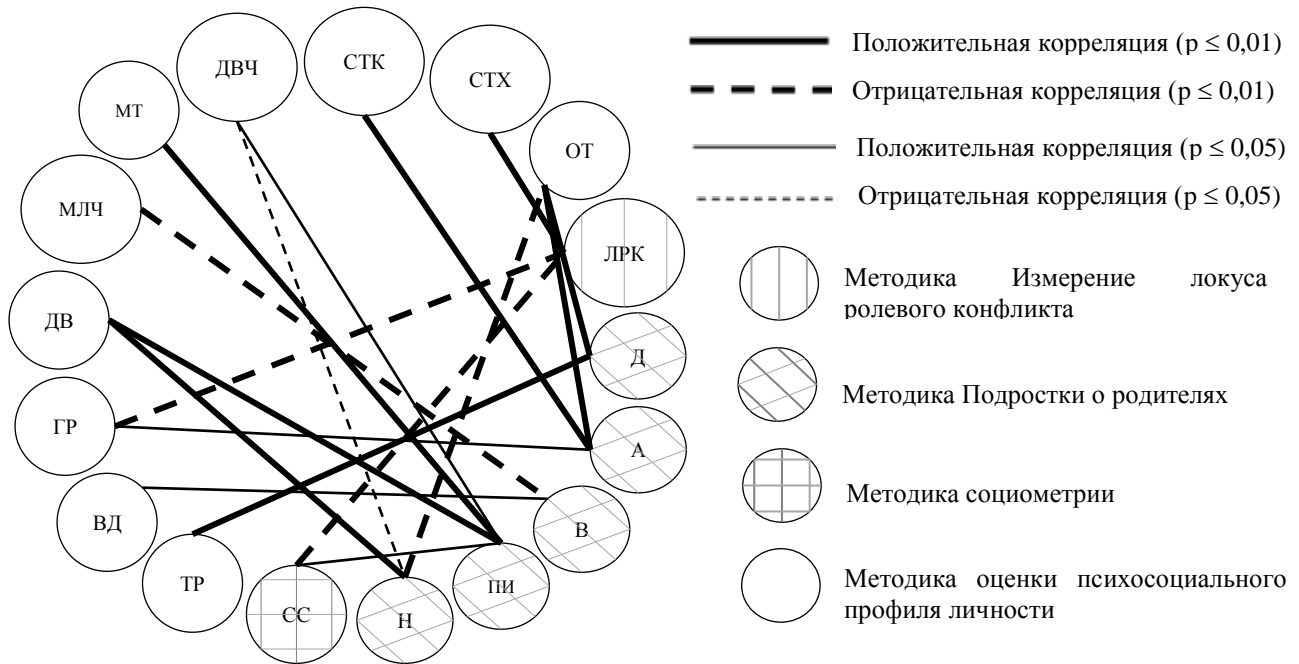

Рисунок 18. Структурограмма ролевых диспозиций после реализации программы психолого-педагогической профилактики девиантного поведения в экспериментальной группе²

Рассмотрим результаты исследования влияния интеграции ролевой диспозиционной структуры на показатели склонности к девиантному поведению. Показатели экспериментальной группы, полученные посредством анализа и подсчета данных, позволяют отметить следующие результаты.

1. Наблюдается значительный диапазон различий по показателям ИДС и ИКС до и после экспериментального воздействия. В частности, для ИДС, в соответствии с расчетами, он составляет величину $34 - 14 = 20$ баллов, то есть показатель дивергентности уменьшился более, чем в два раза с начальных значений в 34 балла

² Условные обозначения:

СТХ – старуха; СТК – старик; МТ – мать; ОТ – отец; ДВ – дева; ГР – герой; ВД – ведьма; ТР – трикстер;

ДВЧ – девочка; МЛЧ – мальчик; ЛРК – локус ролевого конфликта; СС – социометрический статус;

А – автономность; В – враждебность; Д – директивность; Н – непоследовательность; ПИ – позитивный интерес.

до 14 баллов. По показателям ИКС диапазон различий составляет величину $32 - 23 = 9$ баллов, показатель когерентности увеличился почти в полтора раза с начальных значений в 23 балла до 32 баллов. Для ИОС, согласно аналогичным расчетам, диапазон различий менее выражен, также стремится к увеличению и представляет величину $18 - 11 = 7$ баллов (табл. 22).

Таблица 22

Сравнение величин индексов структурной организации по методу А.В. Карпова в экспериментальной группе до и после воздействия

Индексы структуры	Показатели величин индексов структурной организации до воздействия	Показатели величин индексов структурной организации после воздействия
Индекс когерентности структуры	23	32
Индекс дивергентности структуры	34	14
Индекс организованности структуры	11	18

2. Указанные различия количественных значений структурных индексов свидетельствуют об увеличении в общей структурной организации ролевых диспозиций интегративных механизмов и соорганизованности, наряду со снижением дифференцирующих (дивергентных) тенденций.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что значимым условием просоциального поведения подростков, наряду с другими комплексными личностными образованиями, является степень интегрированности и соорганизованности ролевой диспозиционной структуры.

3.3. Интерпретация по эмпирическим основаниям структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению

В рамках теоретико-методологических оснований был проведен анализ совокупности выделенных в теории положений и утверждений относительно феномена девиантного поведения и его детерминирующих факторов в подростковом возрасте. Изучение и сопоставление научно-исследовательского опыта отечественных и зарубежных работ, описывающих достоверно полученные выводы, позволили нам представить эмпирическую аргументацию исследования в плане его критериального содержания. При этом критерий рассматривается как признак, на основании оценки которого устанавливается характер исследуемого феномена. В частности, реализация критериального подхода к исследованию ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, формировалась на теоретических положениях В.А. Ядова, А.Г. Асмолова, А.В. Карпова, Ю.А. Клейберга, Е.В. Змановской, Н.В. Разживиной. Критериальное содержание исследования ролевых диспозиций подростков определяется совокупностью параметров индивидуального социального опыта ролевого взаимодействия и конкретизируется в следующих трех аспектах.

1) *Включенность / изолированность* в системе межличностных отношений, представляющие результат взаимодействия субъекта с социальной средой, выраженный характером занимаемой роли в структуре эмоциональных межличностных отношений, его установки, эмоциональный комфорт, удовлетворенность собой и принятие других. Готовность субъекта к изменениям в соответствии с требованиями внешней социальной ситуации, способность к самоконтролю.

2) *Просоциальность / маргинальность* ориентации личности в выборе стратегий социального поведения, раскрывающие направленность субъекта в условиях межличностного взаимодействия, отражающую конструктивный характер

с ориентацией на сотрудничество и поддержку конструктивных отношений. Принятие субъектом значимых норм социальной среды.

3) *Когерентность / инкогерентность* возрастно- и полоролевых компонентов, характер структуры ролевых диспозиций, определяющие согласованность характера ролевого взаимодействия субъекта, в том числе в аспекте возрастно- и полоролевых отношений.

Содержание критериев специфицируется в зависимости от включения личности в различные сферы социального общения, которые отражают последовательное расширение границ активности субъекта [135, 47].

Понятие роли неотъемлемо предполагает функцию, нормативный образ поведения, ожидаемый социумом, вместе с тем характер ролевого развития определяется возрастным аспектом [49]. При этом, в отличие от детского возраста, которому в некоторой степени свойственно пассивное усвоение ролей, презентуемых значимыми взрослыми, особенностью подросткового возраста является неопределенность наряду со стремлением испытать разного рода социальные роли. Определенный характер ролевой диспозиционной структуры подростка может обуславливать предрасположенность к девиантному поведению, в то же время условия фрустрирующих ситуаций и стечение обстоятельств способствуют его проявлению.

В соответствии с положениями о диспозиционных механизмах регуляции социального поведения (У. Томас, Ф. Знанецкий, Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов, Ю.А. Клейберг), а также о специфике ролевого поведения личности в контексте индивидуального социального опыта взаимодействия (Дж. Мид, И. Гофман, Р. Линтон, Р.К. Мертон, М. Кун, Я.Л. Морено, И.С. Кон, Г.М. Андреева) было выдвинуто допущение о том, что структура ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, имеет специфический характер. Кроме того, наряду с многообразием диспозиционных образований, детерминирующих девиантное поведение, компоненты ролевого взаимодействия выступают значимыми

диспозициями склонности к девиантному поведению подростков. При этом, специфический характер структурной организации ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, может проявляться преобладанием рассогласованности и дифференцирующих механизмов. В этой связи, выявление структурной организации ролевых диспозиций, детерминирующей готовность к реализации социально-неодобряемых действий подростков в межличностном взаимодействии, позволит обеспечить условия для формирования просоциальной направленности в поведении подростков. Руководствуясь такими предположениями, была выстроена исследовательская логика с соответствующей последовательностью эмпирических этапов реализации: 1) изучение компонентов склонности к девиантному поведению подростков; 2) выявление ролевых диспозиций склонности к девиантному поведению в подростковом возрасте; 3) определение структуры ролевых диспозиций склонности к девиантному поведению в подростковом возрасте; 4) выявление влияния интеграции ролевой диспозиционной структуры на показатели склонности к девиантному поведению.

Представленные этапы исследования предмета позволяют раскрыть основания выявляемых закономерностей в плане его структурной организованности.

С учетом некоторой противоречивости, обусловленной многогранностью и неоднородностью феномена девиантности, изучение компонентов склонности к девиантному поведению подростков в рамках данного исследования позволило установить посредством применения факторного анализа, что компонентное содержание склонности к девиантному поведению подростков представляет совокупность трех интегральных факторов, отражающих параметры дезадаптивности, интерактивной приспособленности и интерактивной направленности подростков (рис. 5, см. § 2.3). При этом компоненты ролевого взаимодействия выступали диспозициями факторной структуры (рис. 6, см. § 2.3). Влияние компонентов ролевого взаимодействия подростков определяет достоверную вероятность изменчивости выделенных факторов в сторону

положительных или отрицательных значений. Что позволило установить совокупность ролевых диспозиций, отражающих направленность подростков в условиях межличностного взаимодействия. Выявленные диспозиции ролевого взаимодействия выступают предикторами как просоциального, так и девиантного поведения, согласно критериальному разделению *включенности / изолированности* в системе межличностных отношений; *просоциальности / маргинальности* ориентации в выборе стратегий социального поведения; *когерентности / инкогерентности* возрастно- и полоролевых компонентов.

По критериальным оценкам просоциальности ролевые диспозиции подростков конкретизируются доминированием позитивных установок в родительской модели поведения, наличием социометрического статуса в категории «предпочитаемые» и «популярные», преобладанием конструктивных ролей, когерентных полу и возрасту, что обеспечивает гибкость приспособления во взаимодействии, удовлетворенность собой, терпимость к окружающим, эмоциональный комфорт и самоконтроль.

По критериальным оценкам склонности к девиантному поведению ролевые диспозиции подростков представлены доминированием установок непоследовательности, директивности и враждебности в родительской модели поведения, социометрическим статусом в категории «непопулярные», интернальным типом локуса ролевого конфликта, преобладанием деструктивных ролей, инкогерентных полу и возрасту, характеризующих межличностное взаимодействие. Такие показатели в общем плане определяют негативную установку в отношении социальных требований, эмоциональную неуравновешенность, тревожность, неудовлетворенность собой и окружающим, низкий самоконтроль, ориентацию на эгоистические интересы и конфликтность во взаимодействии. Выявленные индикаторы раскрывают специфику компонентов ролевого взаимодействия подростков и объясняют индивидуальную меру их представленности в контексте последовательного расширения границ общения и включения в различные ситуации социального взаимодействия. При этом социальная среда выступает носителем

ролевых диспозиций и детерминирует индивидуальное образование и преобразование диспозиционной структуры, опосредованно через ролевую модель взаимодействия. Диспозиции закрепляются в стереотипной форме, что приводит к сужению диапазона ролевых интеракций, обеспечивая ригидность ролевой структуры и ограниченность регуляции социального поведения.

Обсуждаемый выше характер ролевых диспозиций подростков отражает наличие противоречий, свойственных данному возрастному периоду. При этом, рассогласованность компонентов ролевого взаимодействия может отражать типичную для подросткового возраста закономерность – более раннее половое созревание и относительно более позднее социальное созревание. Что обуславливает неудовлетворенность подростков пассивной ролью опекаемого, наряду с незрелостью для ответственных ролей взрослого, и провоцирует манифестации поведенческих девиаций, выступающих как специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации своего отношения к ним, с использованием инкогерентных ролевых способов самовыражения. В этой связи своеобразие ролевой диспозиционной структуры подростков может представлять уровень предрасположенности к девиантному поведению, при этом запускающим механизмом могут выступать различные факторы, в том числе условия фрустрирующих ситуаций и стечение обстоятельств.

Реализация предположений, согласно которым выраженность склонности подростков к девиантному поведению может сопровождаться структурными перестройками ролевых диспозиций подростков, при этом такие структурные перестройки могут носить закономерный характер, осуществлялась посредством метода структурно-психологического анализа (А.В. Карпов, А.А. Карпов).

Организованность структуры ролевых диспозиций девиантного поведения подростков определялась согласно критериям когерентности, дивергентности и общей организованности структуры. Полученные результаты являются достаточно показательными и закономерными в плане анализируемой проблемы. Так,

наибольшая структурированность и организованность ролевых диспозиций имеет место при низких значениях склонности к девиантному поведению подростков. Напротив, наибольшая степень дезорганизации структуры ролевых диспозиций обнаруживается при высоком уровне склонности к девиантному поведению.

Примечательным является, что дифференцирующими критериями в полярных группах с низко и высоко выраженной склонностью к девиантному поведению будут выступать все структурные индексы (ИКС, ИДС, ИОС). Для групп с низко и умеренно выраженной склонностью к девиантному поведению дифференцирующими являются ИКС и ИОС. Тогда как для групп с умеренно и высоко выраженной склонностью к девиантному поведению дифференциатором выступает ИДС. Суть таких значений объясняет, что доминирование дивергентных тенденций является ключевым вектором структурных перестроек компонентов ролевого взаимодействия (ролевых диспозиций). Это свидетельствует, что низко, умеренно и высоко склонные к девиантному поведению подростки различаются не только по степени организованности структур, но характеризуются разными ролевыми установками и паттернами, усвоенными в процессе индивидуального социального опыта.

Таким образом, при переходе от низких значений склонности к девиантному поведению к высоким в структуре ролевых диспозиций подростков начинают преобладать дифференцирующие (дивергентные) тенденции над интегрирующими (конвергентными). Доминирование тенденций дивергентности проявляется в резком увеличении отрицательных связей между компонентами ролевых диспозиций. Согласно А.В. Карпову [43], такие отрицательные отношения приводят к нарастанию дезорганизации структуры и негативно отражаются во внешних параметрах. В частности, увеличивает вероятность девиантной направленности поведения подростков. Основной вывод заключается в том, что различия в выраженности склонности к девиантному поведению подростков, имеют структурную обусловленность. В представленных различиях проявляются

структурные перестройки общей организации ролевой диспозиционной системы. Данное свидетельствует о том, что склонность к девиантному поведению подростков выходит за пределы простой совокупности ролевых диспозиций и является следствием и результатом структурных интегративных эффектов. При этом уровень интегрированности структуры ролевых диспозиций влияет на склонность к девиантному поведению, вместе с тем склонность к девиантному поведению является детерминантой структурной организованности ролевых диспозиций. Следовательно, дезинтегрированная, рассогласованная структура ролевых диспозиций подростков приводит к фрагментарной ролевой идентичности, которая характеризует неспособность усвоения социально значимых норм, что обуславливает девиантное поведение. В свою очередь неспособность следовать требованиям социальной среды препятствует усвоению социальной роли как лично значимой компоненты. В то же время, фрагментарная ролевая идентичность может обуславливать девиантное поведение и свидетельствовать о том, что социальная роль не стала для подростка лично значимой.

Основываясь на том положении, что в зависимости от структурной интеграции диспозиции видоизменяются, укрепляются, меняют интенсивность и направленность в процессе жизнедеятельности [46]. Изучение динамики исследуемого феномена в плане его комплексной структурной обусловленности после реализации программы психологической профилактики в экспериментальной группе осуществлялось с применением метода корреляционного анализа по критерию r -Спирмена, с последующим построением структурограммы значимо коррелирующих параметров и вычислением индексов структурной организации по методу А.В. Карпова, А.А. Карпова [41, 43]. Анализируя результаты исследования влияния интеграции ролевой диспозиционной структуры на показатели склонности к девиантному поведению, можно отметить следующее.

Имеется значительный диапазон различий по показателям индекса дивергентности и индекса когерентности структуры до и после экспериментального

воздействия. В частности, показатель дивергентности уменьшился более, чем в два раза, вместе с тем, показатель когерентности увеличился почти в полтора раза. Кроме того, индекс организованности структуры также стремится к увеличению, однако диапазон различий менее выражен. Указанные различия количественных значений структурных индексов свидетельствуют об увеличении в общей структурной организации ролевых диспозиций интегративных механизмов и соорганизованности, наряду со снижением дифференцирующих (дивергентных) тенденций. Общие тенденции таких изменений по критериальным оценкам проявляются включенностью в структуру эмоциональных межличностных отношений, просоциальной ориентацией в выборе стратегий социального поведения, преобладанием конструктивных ролей, когерентных полу и возрасту.

Проведенный анализ результатов исследования позволяет сделать заключение, согласно которому раскрывается возможность диспозиционного подхода в прогнозировании и профилактике девиантного поведения подростков путем перестройки дивергентных, дифференцирующих ролевых диспозиционных структур и обеспечения условий для формирования интегрирующих, конвергентных тенденций, определяющих согласованный и организующий характер ролевой диспозиционной системы подростков, склонных к девиантному поведению.

Выводы по третьей главе

На основании анализа результатов теоретического и эмпирического исследования, сформулированы следующие выводы:

1. В период подросткового возраста проявляются тенденции к определенной социальной роли, интегрирующей желание подражать, наряду с обостренным стремлением к независимости и потребностью в самоутверждении. Смена социальных условий при переходе школьников из среднего звена в старшее предполагает экспектации новой социальной роли, соответствующий уровень

автономности, самостоятельности и самоконтроля. Воздействие неблагоприятных факторов в критические периоды подросткового возраста обуславливает дезинтегрированность, рассогласованность и фрагментарный характер ролевой идентичности подростков. Что, в свою очередь, приводит к сужению диапазона ролевых интеракций, обеспечивая ригидность ролевой структуры и ограниченность регуляции социального поведения.

2. На основании полученных результатов эмпирического исследования можно сделать вывод, согласно которому одним из направлений психологической профилактики девиантного поведения и формирования просоциальной направленности подростков выступает оптимизация структурной организованности ролевой диспозиционной системы через обеспечение интегративных механизмов. Обеспечение такого эффекта осуществляется посредством разработанной программы психологической профилактики, основным содержанием которой выступают техники трансформационных ролевых игр. Программа опирается на подход, интегрирующий ключевые идеи адлерианской психологии и методы игровой терапии (А. Адлер, Т. Коттман, Y.-J. Shen, S. Akay, J.G. Rosselt и др.), а также теоретические положения об идентификации социальной роли (И. Гофман, Я.Л. Морено, Д. Киппер).

3. Разработанная программа психологической профилактики девиантного поведения ориентирована на особенности взаимоотношений в подростковом возрасте, позволяет развивать и практиковать навыки социально-ролевого взаимодействия, исследовать альтернативные ролевые модели поведения, раскрыть адекватное восприятие подростком себя и других, применить опыт ролевого взаимодействия в условиях группы. Кроме того, включение в группу способствует созданию и поддержке позитивного социального взаимодействия со сверстниками.

4. Анализ результатов исследования позволил сделать вывод, что преобладающим механизмом оптимизации структуры ролевых диспозиций является качественная трансформация ее параметров. При возрастании степени

когерентности и организованности структуры наблюдается увеличение в общей структурной организации ролевых диспозиций интегративных механизмов и соорганизованности, наряду со снижением дифференцирующих (дивергентных) тенденций. Общие тенденции таких изменений по критериальным оценкам проявляются *включенностью* в структуру эмоциональных межличностных отношений, *просоциальной ориентацией* в выборе стратегий социального поведения, преобладанием конструктивных, когерентных ролей. Это свидетельствует о том, что склонность подростков к девиантному поведению определяется не только доминированием тех или иных ролевых диспозиций, но также их уровнем структурной организованности, мерой интегрированности и согласованности компонентов ролевого взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достижения многочисленных исследований, представленных в научной литературе, свидетельствуют о сущности девиантного поведения как сложного, многоаспектного феномена. Исследования показывают, что кризис подросткового возраста может значительно обострить и спровоцировать манифестации девиантного поведения. В частности, развитие рефлексии и самосознания через расширение границ социального опыта взаимодействия, ощущение взрослости, разрушение старых интересов и формирование новой социальной роли с соответствующей мерой самостоятельности и самоконтроля. При этом желание подражать, наряду с обостренным стремлением к независимости и самоутверждению определяет инкогерентный и рассогласованный характер ролевого взаимодействия. Во многих исследованиях, посвященных изучению девиантного поведения подростков, рассматривается диспозиционный аспект как готовность, предрасположенность личности на основе социального опыта к оценке ситуации и способу поведения, детерминированная реализацией потребностей, интересов, ценностных ориентации и установок. В то же время работ, посвященных изучению структурной организованности ролевых диспозиций подростков и их влияния на склонность к девиантному поведению, крайне мало. В этой связи целью данного исследования являлось выявление специфики структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению. Реализация поставленной цели предполагала решение ряда последовательных задач. **Первая задача** предполагала осуществление критериального и феноменологического анализа склонности к девиантному поведению подростков. На основании теоретического анализа было сформулировано критериальное содержание исследования ролевых диспозиций подростков, которое конкретизируется в следующих трех аспектах: *включенность / изолированность* в системе межличностных отношений; *просоциальность / маргинальность* ориентации в выборе стратегий социального поведения; *когерентность /*

инкогерентность возрастно- и полоролевых компонентов, характер структуры ролевых диспозиций. При решении **второй задачи**, включающей изучение компонентов склонности к девиантному поведению подростков, было выделено три компонента: *дезадаптивность*, отражающий негативную установку в отношении социальных требований; *интерактивная приспособленность*, включающий эмоциональную неуравновешенность, тревожность, ригидность, неудовлетворенность собой и окружающими; *интерактивная направленность*, отражающий ориентацию на эгоистические интересы и конфликтность во взаимодействии. По трем интегральным факторам для каждого испытуемого вычислялись новые значения. При решении **третьей задачи**, заключающейся в определении ролевых диспозиций подростков как предикторов склонности к девиантному поведению, было установлено, что выявленные диспозиции ролевого взаимодействия выступают предикторами к реализации просоциального или, напротив, девиантного поведения. В частности, ролевыми диспозициями девиантного поведения подростков, наряду с другими известными детерминантами, выступают: доминирование установок «непоследовательность», «директивность» и «враждебность» в родительской модели поведения, низкий социометрический статус с преобладанием числа отвержений в группе сверстников, интернальный тип локуса ролевого конфликта с ориентацией на внутренние интересы и пренебрежение ожиданий окружающих, преобладание инкогерентных ролей. Что в общем плане характеризует негативную установку в отношении социальных требований, эмоциональную неуравновешенность, тревожность, неудовлетворенность собой и окружающим, низкий самоконтроль, ригидность и ориентацию на эгоистические интересы. **Четвертая и пятая** задачи включали эмпирический анализ взаимосвязей ролевых диспозиций подростков с различным уровнем склонности к девиантному поведению, а также анализ их структурной организованности. По результатам применения ряда исследовательских процедур с соответствующей последовательностью автором были сформулированы выводы, согласно которым в

основе количественных показателей уровня организованности компонентов ролевого взаимодействия при изменении выраженности склонности к девиантному поведению лежат качественные перестройки. При переходе от низких значений склонности к девиантному поведению к высоким в структуре ролевых диспозиций подростков начинают преобладать дифференцирующие тенденции над интегрирующими. Доминирование тенденций дивергентности проявляется в резком увеличении отрицательных связей между компонентами ролевого взаимодействия. Такие отрицательные отношения приводят к нарастанию дезорганизации структуры и негативно отражаются во внешних параметрах, в частности, увеличивают вероятность девиантной направленности поведения подростков. В представленных различиях проявляются структурные перестройки общей организации ролевой диспозиционной системы. Данное свидетельствует, что склонность к девиантному поведению подростков выходит за пределы простой совокупности ролевых диспозиций и является следствием и результатом структурных интегративных эффектов. При этом, уровень интегрированности структуры ролевых диспозиций влияет на склонность к девиантному поведению, вместе с тем склонность к девиантному поведению является детерминантой структурной организованности ролевых диспозиций. **Шестая и седьмая** задачи предполагали разработку и реализацию программы психологической профилактики девиантного поведения с учетом структурной организации ролевых диспозиций подростков, а также эмпирический анализ влияния интеграции ролевой диспозиционной структуры на показатели склонности к девиантному поведению. В результате было установлено, что у подростков в экспериментальной группе снизилось большинство показателей склонности к девиантному поведению. Более того, в структурной организации ролевых диспозиций увеличилась мера интегративных механизмов. Имеется значительный диапазон различий по показателям индекса дивергентности и индекса когерентности структуры до и после воздействия. Указанные различия количественных значений структурных индексов свидетельствуют об увеличении в

общей структурной организации ролевых диспозиций интегративных механизмов и соорганизованности, наряду со снижением дифференцирующих (дивергентных) тенденций.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие **выводы**:

1. Диспозиционный подход позволяет приблизиться к пониманию сущности взаимосвязи уровневых характеристик склонности к девиантному поведению с ролевыми диспозициями подростков.

2. Полученные результаты свидетельствуют, что ролевые диспозиции подростков, склонных к девиантному поведению, достоверно влияют на изменчивость трех интегральных факторов – дезадаптивность, интерактивная приспособленность и интерактивная направленность, параметры которых, в случае отрицательных и положительных значений, определяют негативную установку в отношении социальных требований, эмоциональную неуравновешенность, тревожность, неудовлетворенность собой и окружающим, низкий самоконтроль, ориентацию на эгоистические интересы и конфликтность во взаимодействии. По отношению к специфике изучаемых образований это объясняется своеобразием диспозиционной регуляции поведения подростков, которое представлено рядом предикторов и указывает на предрасположенность к нарушению социально принятых норм, детерминированную внутренне и внешне обусловленными факторами, образующими и преобразующими диспозиционную систему. В частности, свойственные подростковому возрасту стремления к независимости и самоутверждению, наряду с тенденциями испытать разного рода социальные роли обуславливают противоречия на межличностном уровне и могут выступать триггером для манифестации поведенческих девиаций.

3. Диспозициями девиантного поведения подростков, наряду с другими известными детерминантами, выступают: доминирование установок «непоследовательность», «директивность» и «враждебность» в родительской модели поведения, низкий социометрический статус с преобладанием числа отвержений в

группе сверстников, интернальный тип локуса ролевого конфликта с ориентацией на внутренние интересы и пренебрежение ожиданий окружающих, преобладание инкогерентных ролей. Выявленные индикаторы раскрывают специфику компонентов ролевого взаимодействия подростков и объясняют индивидуальную меру их представленности в контексте последовательного расширения границ общения и включения в различные ситуации социального взаимодействия. При этом, социальная среда выступает носителем ролевых диспозиций и детерминирует индивидуальное образование и преобразование диспозиционной структуры, опосредованно через ролевую модель взаимодействия. Диспозиции закрепляются в стереотипной форме, что приводит к сужению диапазона ролевых интеракций, обеспечивая ригидность ролевой структуры и ограниченность регуляции социального поведения.

4. Специфическими проявлениями критериев ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, *в плане взаимоотношений с социальной средой* являются доминирование деструктивных установок в родительской модели поведения, выражающих непоследовательность, директивность и враждебность, низкий социометрический статус в категории «непопулярные» с преобладанием числа отвержений.

5. Специфицирующими критериями ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, *в плане ориентации в выборе стратегий социального поведения* выступают интернальный тип локуса ролевого конфликта с ориентацией на внутренние интересы и пренебрежение ожиданий окружающих, наряду с преобладанием инкогерентных ролей, и направленностью на эгоистические интересы.

6. *В отношении характера структуры* ролевые диспозиции подростков, склонных к девиантному поведению, отличаются доминированием дифференцирующих (дивергентных) тенденций, дезинтегрированностью структурной организации, рассогласованностью, возрастно- и полоролевой

инкогерентностью. Для подростков с полоролевой инкогерентностью (рассогласованностью) характерны – эмоциональная неуравновешенность, неудовлетворенность собой и низкий самоконтроль по сравнению с испытуемыми с полоролевой когерентностью (согласованностью). Для подростков с возрастноролевой инкогерентностью наиболее характерны – импульсивность, негативная установка в отношении социальных требований и ориентация на эгоистические интересы. Обнаруженная закономерность о дезинтегрированности структуры ролевых диспозиций подростков при высокой склонности к девиантному поведению свидетельствует о неспособности следовать социально установленным нормам и принимать их как лично значимые. При этом рассогласованность компонентов ролевого взаимодействия может отражать типичную для подросткового возраста закономерность – более раннее половое созревание и относительная социальная незрелость. Что обуславливает неудовлетворенность подростков ролью опекаемого, наряду с незрелостью для ответственных ролей взрослого, и провоцирует манифестации поведенческих девиаций, выступающих как специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации своего отношения к ним с использованием инкогерентных ролевых способов самовыражения. Это определяет фрагментарный и поверхностный характер ролевой идентичности подростков.

7. В результате изучения специфики структуры ролевых диспозиций подростков установлено их различие при низко, умеренно и высоко выраженной склонности к девиантному поведению.

8. Дифференцирующими критериями в полярных группах с низко и высоко выраженной склонностью к девиантному поведению выступают все структурные индексы (ИКС, ИДС, ИОС). Для групп с низко и умеренно выраженной склонностью к девиантному поведению дифференцирующими являются ИКС и ИОС. Тогда как для групп с умеренно и высоко выраженной склонностью к девиантному поведению дифференциатором выступает ИДС. Суть таких значений объясняет, что

доминирование дивергентных тенденций является ключевым вектором структурных перестроек компонентов ролевого взаимодействия (ролевых диспозиций). Это свидетельствует, что низко, умеренно и высоко склонные к девиантному поведению подростки различаются не только по степени организованности структур, но характеризуются разными ролевыми установками и паттернами, усвоенными в процессе индивидуального социального опыта.

9. Уровень структурной организации ролевой диспозиционной системы подростков связан с уровнем склонности к девиантному поведению. Наибольшая структурированность и организованность ролевых диспозиций имеет место при низких значениях склонности к девиантному поведению. Наибольшая степень дезорганизации структуры ролевых диспозиций обнаруживается при высоком уровне склонности к девиантному поведению. При этом в основе количественных показателей (абсолютных значений структурных индексов) уровня организованности компонентов ролевого взаимодействия при изменении выраженности склонности к девиантному поведению лежат качественные перестройки (содержательная специфика структурной организации). Это свидетельствует, что в основе уровневых характеристик лежат детерминанты структурного плана, которые обуславливают специфику организованности и потенциал трансформации ролевой диспозиционной системы.

10. Индивидуальная мера выраженности склонности к девиантному поведению связана со степенью и характером структурной организации ролевых диспозиций (компонентов ролевого взаимодействия) подростков. Наряду с этим, существует как прямая, так и обратная зависимость организации ролевой диспозиционной системы от склонности к девиантному поведению, которые носят характер взаимодетерминации. При этом уровень интегрированности структуры ролевых диспозиций влияет на склонность к девиантному поведению, вместе с тем склонность к девиантному поведению является детерминантой структурной организованности ролевых диспозиций. Следовательно, дезинтегрированная,

рассогласованная структура ролевых диспозиций подростков приводит к фрагментарной ролевой идентичности, которая характеризует неспособность усвоения социально значимых норм, что обуславливает девиантное поведение. В свою очередь, неспособность следовать требованиям социальной среды препятствует усвоению социальной роли как лично значимой компоненты. В то же время, фрагментарная ролевая идентичность может обуславливать девиантное поведение и свидетельствовать о том, что социальная роль не стала для подростка лично значимой. На этом основании можно предположить, что одним из направлений профилактики девиантного поведения подростков и формирования просоциального поведения выступает оптимизация структурной организации ролевой диспозиционной системы.

11. Преобладающим механизмом оптимизации структуры ролевых диспозиций является качественная трансформация ее параметров. При возрастании степени когерентности и организованности структуры наблюдается увеличение в общей структурной организации ролевых диспозиций интегративных механизмов и соорганизованности, наряду со снижением дифференцирующих (дивергентных) тенденций. Общие тенденции таких изменений по критериальным оценкам проявляются включенностью в структуру эмоциональных межличностных отношений, просоциальной ориентацией в выборе стратегий социального поведения, преобладанием конструктивных ролей, когерентных полу и возрасту.

12. Согласно вышеизложенным положениям, можно сделать главный вывод о том, что склонность к девиантному поведению подростков определяется не только доминированием тех или иных ролевых диспозиций, но также их уровнем структурной организованности, мерой интегрированности и согласованности компонентов ролевого взаимодействия.

Таким образом, результаты исследования позволяют заключить, что цель работы достигнута, решены все исследовательские задачи, гипотеза нашла свое полное подтверждение. Предметом дальнейших исследований может стать изучение

структуры ролевых диспозиций на протяжении всего подросткового периода. Это позволит раскрыть динамику структурной организованности ролевых диспозиций на разных этапах онтогенетического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер, А. Наука жить / А. Адлер. — Киев: Port-Royal, 1997. — 288 с.
2. Андреева, Г.М. Современная социальная психология на Западе. Теоретические ориентации / Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская. — М.: ВЛАДОС, 1995. — 503 с.
3. Андронникова, О.О. Основные теоретические подходы к исследованию ролевой позиции жертвы / О.О. Андронникова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2012. — № 1. — С. 78-98.
4. Асмолов, А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа / А. Г. Асмолов. — М.: Смысл, 2001. — 416 с.
5. Баженов, В.Г. Психологические механизмы коррекции девиантного поведения школьников: учебное пособие для вузов / В.Г. Баженов. — Ростов н/Д.: Феникс, 2007. — 352 с.
6. Баразгова, Е.С. Американская социология: Традиции и современность: курс лекций / Е.С. Баразгова. — М.: Деловая книга [Екатер.], 1997. — 175 с.
7. Баранов, Е.Г. Влияние ролевых взаимоотношений между военнослужащими на конфликты в подразделении: автореф. дис... канд. психол. наук: 19.00.06 / Баранов Евгений Геннадьевич. — М., 1995. — 22 с.
8. Белов, В.Г. Многомерная оценка основных эндогенных саногенетических факторов у подростков с несоциализированным расстройством поведения в условиях однородного трудового коллектива / В.Г. Белов, Ю.А. Парфенов, Н.А. Гончарова, В.М. Кирьянов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2011. — № 7 (77). — С. 17-21.
9. Берулава, Г.А. Методологические основы практической психологии: учебное пособие / Г.А. Берулава. — М.: Воронеж, 2004. — 192 с.
10. Битянова, М.Р. Как измерить отношения в классе: социометрический метод в школьной практике / М.Р. Битянова. — М.: Чистые пруды, 2005. 32 с.

11. Большой психологический словарь; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — М.: Прайм-Еврознак, 2003. — 672 с.
12. Бочкарева, Г.Г. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей: сборник экспериментальных исследований Изучение мотивации поведения детей и подростков / Г.Г. Бочкарева; под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благонадежина. — Москва: Педагогика, 1972. — С. 259-350.
13. Бреслав, Г.М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: норма и отклонения / Г.М. Бреслав. — М.: Педагогика, 1990. — 144 с.
14. Булгаков, А.В. Социально-психологические аспекты преодоления отрицательных явлений в классных коллективах при стартовой системе обучения / А.В. Булгаков // Инновации в образовании. — 2001. — № 3. — С. 95-102.
15. Буравцова, Н.В. Роль жизненной среды в формировании личностного пространства подростков / Н.В. Буравцова // В мире научных открытий. — 2010. — № 4 (2). — С. 65-67.
16. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. — СПб.: Питер, 1999. — 528 с.
17. Вассерман, Л.И. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение / Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына. — СПб.: ФАРМиндекс, 2000. — 64 с.
18. Вачков, И.В. Основы технологии группового тренинга: учебное пособие / И.В. Вачков. — М.: Изд-во «Ось», 2009. — 176 с.
19. Визель, Т.Г. Агрессия и аутоагрессия: предпосылки, проявления, последствия: монография / Т.Г. Визель, Л.В. Сенкевич. — Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2005. — 430 с.
20. Выготский, Л.С. Развитие высших психических функций / Л.С. Выготский. — М.: АПН РСФСР, 1960. — 499 с.
21. Ганнушкин, П.Б. Избранные труды / П.Б. Ганнушкин; под ред. О.В. Кербилова. — Ростов н/Д.: Феникс, 1998. — 413 с.

22. Горностай, П.П. Измерение локуса ролевого конфликта / П.П. Горностай // Психологическая диагностика. — 2004. — № 3. — С. 88-95.
23. Дмитриев, М.Г. Клинико-психологическая систематика девиантного поведения молодежи / М.Г. Дмитриев, Ю.А. Парфенов // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. — 2008. — № 2 (10). — С. 31–36.
24. Дмитриева, Н.В. Психология аддиктивного поведения: монография / Н.В. Дмитриева, Д.В. Четвериков. — Новосибирск: НГПУ, 2002. — 278 с.
25. Дубинин, С.Н. Агрессия как стратегия адаптации девиантных подростков / С.Н. Дубинин // Среднее профессиональное образование. — 2009. — № 4. — С. 41-44.
26. Дубинин, С.Н. Возрастные характеристики несовершеннолетних, совершивших преступления / С.Н. Дубинин // Вестник Самарского государственного университета. — 2008. — № 5/2 (64). — С. 156-161.
27. Дьяченко, М. И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. — Минск: БГУ, 1976. — 175 с.
28. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с франц. / под ред. В.А. Базарова. — М.: Мысль, 1994. — 399 с.
29. Ефременко, Д.В. Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сборник статей / Д.В. Ефременко. — М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2010. — 322 с.
30. Зарецкий, Ю.В. Методика исследования субъектной позиции учащихся разных возрастов / Зарецкий Ю.В., Зарецкий В.К., Кулагина И.Ю. // Психологическая наука и образование. — 2014. — № 1. — С. 98-109.
31. Зеленский, В.В. Аналитическая психология. Словарь / В.В. Зеленский. — СПб.: БСК, 1994. — 324 с.

32. Зиннуров, Ф.К. Педагогическая профилактика и коррекция девиантного поведения подростков в условиях социокультурной среды: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05 / Зиннуров Фоат Канафиевич. — Казань, 2012. — 40 с.

33. Зиновьева, Л.В. Особенности ролевой направленности юношей в зависимости от вида образовательной организации / Л.В. Зиновьева, Ю.П. Гаджиева // Вестник педагогических инноваций. — 2018. — № 1 (49). — С. 69-76.

34. Змановская, Е.В. Девиантное поведение личности и группы / Е.В. Змановская, В.Ю. Рыбников. — СПб.: Питер, 2010. — 352 с.

35. Змановская, Е.В. Девиантология. Психология отклоняющегося поведения: учебное пособие для вузов / Е.В. Змановская. — М.: Академия, 2008. — 288 с.

36. Иванченко, В.Н. Установки личности и противоправное поведение [Электронный ресурс] / В.Н. Иванченко, А.Г. Асмолов, С.Н. Ениколопов // Вопросы психологии — 1992. — № 2. — Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1991/912/912097.htm> (дата обращения: 17.12.2017)

37. Исаев, Д.Н. Отклоняющееся полоролевое поведение у детей и подростков: В сборнике: Нарушения поведения у детей и подростков (особенности клиники, терапии, и социальной адаптации) / Д.Н. Исаев, В.Е. Каган. — М.: Московский научно-исследовательский институт психиатрии, Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, 1981. — С. 118-124.

38. Истратова, О.Н. Большая книга подросткового психолога / О.Н. Истратова, Т.В. Эксакусто. — Ростов н/Д.: Феникс, 2008. — 636 с.

39. Казин, Э.М. Особенности взаимосвязей между психолого-педагогическими и медикосоциальными характеристиками и формированием социального опыта старшеклассников интернатных учреждений / Э.М. Казин, Ю.А. Птахина, О.Г. Красношлыкова, И.А. Свиридова, Н.Н. Кошко, Т.И. Шерер //

Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 4. — С. 142-151.

40. Карвасарский, Б.Д. Неврозы. Руководство для врачей / Б.Д. Карвасарский. — М.: Медицина, 1990. — 576 с.

41. Карпов, А.А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности / А.А. Карпов. — Ярославль: ЯрГУ, 2016. — 208 с.

42. Карпов, А.В. Психология деятельности. В 5 т. Т. II: Структурная организация / А.В. Карпов. — М.: РАО, 2015. — 408 с.

43. Карпов, А.В. Психология сознания: метасистемный подход / А.В. Карпов. — Москва: РАО, 2011. — 1088 с.

44. Киселева, Т.Г. Индивидуальные особенности подростков, предрасположенных к интернет-зависимости / Т.Г. Киселева // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2017. — № 3 (23). — С. 46-50.

45. Киселева, Т.Г. Метакогнитивная активность молодежи как критерий дифференциации уровня сформированности социальной ответственности / Т.Г. Киселева // Ярославский педагогический вестник. — 2016. — № 1. — С. 33-38.

46. Клейберг, Ю.А. Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология / Ю.А. Клейберг // Общество и право. — 2015. — № 1 (51). — С. 262-269.

47. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов / Ю.А. Клейберг. — М.: Сфера; Юрайт, 2004. — 100 с.

48. Колбанов, В.В. Формирование здоровья детей в образовательных учреждениях / В.В. Колбанов // Валеология: Диагностика, средства и практика обеспечения здоровья. — 1996. — № 3. — С. 139-147.

49. Кон, И.С. Социологическая психология: избранные психологические труды / И.С. Кон. — М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999. — 560 с.

50. Кондратенко, В.Т. Девиантное поведение у подростков: Социально-психологические и психиатрические аспекты. — Минск: Беларусь, 1988. — 206 с.
51. Короленко, Ц.П. Особенности психодинамической психотерапии девиантной личности / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Л.В. Левина // Ученые записки Санкт–Петербургского государственного института психологии и социальной работы. — 2014. — № 1 (21). — С. 13-16.
52. Короленко, Ц.П. Семь путей к катастрофе. Деструктивное поведение в современном мире / Ц.П. Короленко, Т.А. Донских. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2000. — 224 с.
53. Кравченко, Е.И. Джордж Герберт Мид: философ, психолог, социолог: монография / Е.И. Кравченко. — М.: МГЛУ «Рема», 2006. — 315 с.
54. Краснова, М.А. Особенности психоневрологической и психосоматической характеристики подростков / М.А. Краснова // Дальневосточный медицинский журнал. — 2004. — № 1. — С. 111.
55. Крыжановский, Г.Н. Общая патофизиология нервной системы / Г.Н. Крыжановский. — М.: Медицина, 1997. — 350 с.
56. Кун, М. Эмпирические исследования установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартленд; пер. с англ.: в кн. Современная зарубежная социальная психология. — М.: Прогресс, 1984. — 354 с.
57. Курочкина, Т.Н. Социально–психологические особенности первичной профилактики наркомании подростков: автореф. дисс... канд. психол. наук: 19.00.05 / Курочкина Татьяна Николаевна. — М., 2006. — 24 с.
58. Лакосина, Н.Д. Медицинская психология / Н.Д. Лакосина, Г.К. Ушаков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Медицина, 1984. — 272 с.
59. Лейтц, Г. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Я.Л. Морено / Г. Лейтц. — М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. — 352 с.

60. Леонова, Л.Г. Вопросы профилактики аддиктивного поведения в подростковом возрасте / Л.Г. Леонова, Н.Л. Бочкарева: учебно-методическое пособие / под ред. Ц.П. Короленко. — Новосибирск: НМИ, 1998. — 48 с.

61. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие для вузов: доп. М-вом образования РФ / А.Н. Леонтьев. — М.: Академия, 2005. — 352 с.

62. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — 581 с.

63. Линг, С. По лезвию бритвы: социально-психологический анализ преднамеренного риска / С. Линг // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Сер. 11. Социология. — 1993. — № 2. — С. 97-102.

64. Литке, С.Г. Психологическое обеспечение профилактики отклоняющегося поведения детей и подростков в образовательном пространстве: дисс... канд. психол. наук: 19.00.05 / Литке Светлана Геннадьевна. — Ярославль, 2004. — 185 с.

65. Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. — Л.: Медицина, 1983. — 256 с.

66. Ломброзо, Ч. Преступление / Ч. Ломброзо. — М.: Спарк, 1994. — 187 с.

67. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц. — М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. — 272 с.

68. Лусканова, Н.Г. Диагностика школьной дезадаптации: научно-методическое пособие для учителей начальных классов и школьных психологов / Н.Г. Лусканова, И.А. Коробейников. — Москва: Социальное здоровье России, 1993. — 126 с.

69. Малкина-Пых, И.Г. Возрастные кризисы. Справочник практического психолога: основы психодиагностики, тренинги для детей и подростков, индивидуальная и групповая терапия / И.Г. Малкина-Пых. — М.: ЭКСМО, 2004. — 895 с.

70. Маслоу, А. Мотивация и личность: пер. с англ. / А. Маслоу. — 3-е издание. — СПб.: Питер, 2008. — 352 с.
71. Менделевич, В.Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов / В.Д. Менделевич. — СПб.: Речь, 2008. — 443 с.
72. Мертон, Р.К. Социальная теория и социальная структура / Р.К. Мертон // Социологические исследования. — 1992. — № 2. — С. 118-124.
73. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Дж. Г. Мид; сост. и переводчик В.Г. Николаев, отв. ред. Д.В. Ефременко. — М.: ИНИОН РАН, 2009. — 290 с.
74. Михайлова, В.П. Социально-психологические аспекты дезадаптации личности в современных условиях / В.П. Михайлова, Н.И. Корытченкова, О.В. Ковтун, Л.С. Хорошилова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2006. — № 4 (28). — С. 56-60.
75. Морозова, И.С. Психологические факторы и механизмы интенсификации познавательной деятельности личности: дисс. ...д-ра психол. наук: 19.00.01 / Морозова Ирина Станиславовна. — Новосибирск, 2006. — 430 с.
76. Мухина, В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) / В.С. Мухина. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Национальный книжный центр, 2014. — 1090 с.
77. Назарова, Н.Б. Формы проявления аддиктивного поведения подростков в контексте девиантности / Н.Б. Назарова // Вестник Мордовского университета. — 2009. — № 2. — С. 249-253.
78. Невский, И.А. Коррекция отклонений в развитии личности и поведении подростков «группы риска» / И.А. Невский // Журнал педагогических исследований. — 2017. — № 6 (2). С. 154-183.
79. Нелидов, А.Л. Нарушение развития личности как механизм возникновения девиантного поведения детей и подростков / А.Л. Нелидов // Нижегородское образование. — 2009. — № 1. — С. 75-82.

80. Обухова, Л.Ф. Возрастная психология: учебник для вузов / Л.Ф. Обухова. — М.: МГППУ, 2006. — 460 с.

81. Осипова, И.С. Педагогический мониторинг профилактики девиантного поведения старших подростков в профессиональном училище: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Осипова Ирина Сергеевна. — Екатеринбург, 2005. — 24 с.

82. Панышина, Л.В. Гендерный аспект архетипического восприятия современного педагога / Л.В. Панышина, И.А. Федосеева, О.О. Андронникова, Ю.М. Перевозкина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2017. — № 3. — С. 37-52.

83. Панышина, Л.В. Опыт использования ролевых импозитов в диагностике и консультировании девиантного поведения / Л.В. Панышина, Ю.М. Перевозкина, Н.В. Дмитриева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 4. — С. 181-189.

84. Панышина, Л.В. Признаки склонности к девиантному поведению подростков и ранняя профилактика в условиях образовательного пространства / Л.В. Панышина // Сибирский педагогический журнал. — 2016. — Т. 6. — С. 32-40.

85. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. — М.: Акад. проект, 2000. — 879 с.

86. Парфенов, Ю.А. Девиантное поведения как результат псевдопереживания подростками критических ситуаций / Ю.А. Парфенов // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. — 2009. — № 2. — С. 27-34.

87. Парфенов, Ю.А. Особенности аддиктивного поведения в условиях стрессового воздействия / Ю.А. Парфенов // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. — 2009. — № 1. — С. 45-49.

88. Пат. 2625284 Российская Федерация, МПК А 61 М 21/00. Способ оценки психосоциального профиля личности / Перевозкина Ю.М., Панышина Л.В.,

Андроникова О.О., Дмитриева Н.В.; заявитель и патентообладатель ФГБОУ ВПО Новосибирский государственный педагогический университет. — № 2016105668; заявл. 18.02.2016; опубл. 12.07.2017, Бюл. № 20. — 2 с.

89. Патаки, Ф. Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения / Ф. Патаки // Психологический журнал. — 1987. — № 4. — С. 92-102.

90. Пашкова, Е.Н. К вопросу определения основных детерминант преступлений, совершаемых на почве наркомании / Е.Н. Пашкова // Наркология. — 2007. — Т. 6. — № 2 (62). — С. 60-62.

91. Перевозкина, Ю.М. Архетипические основания сказочных персонажей / Ю.М. Перевозкина, С.Б. Перевозкин, Н.В. Дмитриева // Вестник педагогических инноваций. — 2013. — № 1 (31). — С. 35-46.

92. Перевозкина, Ю.М. Импазо-ролевая социализация личности / Ю.М. Перевозкина // Сибирский педагогический журнал. — 2015. — № 6. — С. 173-177.

93. Перевозкина, Ю.М. Импазо-ролевое прогнозирование особенностей социализации в коммуникативной сфере подростков / Ю.М. Перевозкина, С.Б. Перевозкин, Н.В. Дмитриева // СМАЛЬТА. — 2015. — № 4. — С. 39-46.

94. Перевозкина, Ю.М. Структура архетипической идентичности: от недифференцированного сознания к постинформационному пространству / Ю.М. Перевозкина, С.Б. Перевозкин, Н.В. Дмитриева // Сибирский педагогический журнал. — 2014. — № 3. — С. 157-162.

95. Петровский, А.В. О некоторых феноменах межличностных отношений в коллективе / А.В. Петровский // Вопросы психологии. — 1976. — № 3. — С. 16-25.

96. Печерский, А.В. Интерсубъектная модель психолого-педагогической профилактики наркомании в подростковой и юношеской среде: дис. ... канд. психол. наук: / 19.00.07 Печерский Алексей Владимирович. — Саратов, 2006. — 253 с.

97. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды: психология интеллекта: генезис числа у ребенка: логика и психология / Ж. Пиаже; пер. с фр.

А.М. Пятигорский и др., пер. с англ. Н.Г. Алексеев. — М.: Междунар. пед. академия, 1994. — 680 с.

98. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.01.2017)

99. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд: монография / М.С. Яницкий, А.В. Серый, М.С. Иванов, и др. — Кемерово: ГБУ ДПО «КРИРПО», 2017. — 202 с.

100. Практическая психодиагностика: методики и тесты: учебное пособие; ред.-сост. Д.Я. Райгородский. — Самара: Бахрах-М, 2011. — 672 с.

101. Приказ Минобразования РФ от 22.10.1999 № 636. Об утверждении положения о службе практической психологии в системе Министерства образования РФ // Вестник образования. — 1999. — №12. — С. 88-91.

102. Приходько, Н.И. Роль диагностики личностных свойств в прогнозировании социального поведения / Н.И. Приходько, В.П. Михайлова // Сибирский психологический журнал. — 2002. — № 16-17. — С. 18-22.

103. Психология подростка: полное руководство для психологов, педагогов и родителей; под ред. А.А. Реана. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. — 504 с.

104. Психотерапевтическая энциклопедия; под ред. Б.Д. Карвасарского. — СПб.: Питер, 1998. — 752 с.

105. Разживина, Н.В. Особенности личностных диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению, в условиях общеобразовательной школы / Н.В. Разживина // Северо-Кавказский психологический вестник. — 2013. — № 11(3). — С. 41-44.

106. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста: учебное пособие / Ф. Райс. — СПб.: Питер, 2002. — 656 с.

107. Райфшнайдер, Т.Ю. Психологическая поддержка подростков с девиантным поведением: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Райфшнайдер Татьяна Юрьевна. — М., 2008. — 151 с.
108. Ремшмидт, Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. — М.: Мир, 1994. — 320 с.
109. Рогов, Е.И. Настольная книга практического психолога в образовании: учебное пособие / Е.И. Рогов. — М.: ВЛАДОС, 1996. — 529 с.
110. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. — М.: Прогресс, 1994. — 478 с.
111. Российская Федерация. Об утверждении положения о службе практической психологии в системе: приказ Министерства Образования РФ от 22.10.1999 № 636 // Вестник образования. — 1999. — №12. — С. 88-91.
112. Российский статистический ежегодник. 2017 [Электронный ресурс]. — М.: Стат.сб. / Росстат, 2017. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 05.12.2017)
113. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн — СПб.: Питер, 2003. — 512 с.
114. Свааб, Д. Мы – это наш мозг: От матки до Альцгеймера; пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. — 544 с.
115. Семикин, В.В. Девиантное поведение детей и подростков в современных социокультурных условиях: учебное пособие / В.В. Семикин. — СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2013. — 183 с.
116. Сластенин, В.А. Основные тенденции развития современной образовательной политики в Российской Федерации / В.А. Сластенин // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2006. — № 2. — С. 7-19.

117. Собчик, С.Н. Метод диагностики межличностных отношений. Модифицированный тест интерперсональной диагностики Лири: методическое руководство / С.Н. Собчик. — М.: ВНИИИМТ, 1990. — 78 с.

118. Сыроквашина, К.В. Полорольные образы в структуре самосознания подростков с делинквентным поведением / К.В. Сыроквашина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2007. — № 36 (13). — С. 250-254.

119. Такмакова, М.В. Взаимосвязь девиантного поведения подростков и условий обучения в современной школе: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Такмакова Марина Валерьевна. — М., 2011. — 293 с.

120. Тарасова, С.Ю. Социально-психологические аспекты буллинга: взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности / С.Ю. Тарасова, А.К. Осницкий, С.Н. Ениколопов // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. — 2016. — № 4 (8). — С. 102-116.

121. Тарасьян, Н.А. Особенности духовности и самосознания современного российского юношества: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Тарасьян Наталья Александровна. — Ставрополь, 2012. — 40 с.

122. Узнадзе, Д.Н. Теория установки: избранные психологические труды / Д.Н. Узнадзе. — М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. — 448 с.

123. Уотсон, Д. Поведение как предмет психологии (бихевиоризм и необихевиоризм): хрестоматия по истории психологии / Д. Уотсон; под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 301 с.

124. Фахрутдинова, Л.Р. Пространственно-временные и энергетические основания взаимоотношений психических процессов, переживаний и психических состояний: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Фахрутдинова Лилия Раифовна. — Казань, 2001. — 26 с.

125. Фельдштейн, Д.И. Психология развивающейся личности: избранные психологические труды / Д.И. Фельдштейн. — Москва: Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. — 512 с.
126. Фрейд З. Я и Оно / З. Фрейд; пер. с нем. В.Ф. Полянского. — М.: МЕТТЭМ, 1990. — 56 с.
127. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер. с нем. Э. Телятникова. — М.: АСТ МОСКВА, 2009. — 635 с.
128. Холл, К. Теории личности / К. Холл; пер. с англ. И.Б. Гриншпун, Г. Линдсей. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 592 с.
129. Хорни, К. Наши внутренние конфликты: Конструктивная теория невроза / К. Хорни. — СПб.: Лань, 1997. — 240 с.
130. Цветкова, А.Л. Особенности поведения подростков, имеющих установки на конфликт: дисс... канд. психол. наук: 19.00.07 / Цветкова Анжела Леонидовна. — М., 2011. — 228 с.
131. Шереги, Ф.Э. Социология девиации: прикладные исследования / Ф.Э. Шереги. — М.: ЦСП, 2004. — 344 с.
132. Шнейдер, Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков / Л.Б. Шнейдер. — М.: Гаудеамус, 2007. — 336 с.
133. Штерн, Э. Психическая структура подростка / Э. Штерн // Педология юности: сборник статей. — М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1931. — № 1. — С. 85-92.
134. Юнг, К.Г. Структура психики и архетипы / К.Г. Юнг. — М.: Академический проект, 2007. — 303 с.
135. Ядов, В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / В.А. Ядов. — Л.: Наука Ленингр. отд., 1979. — 263 с.
136. Ядов, В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В.А. Ядов // Социол. журн. — 1994. — № 1. — С. 35-52.

137. Яницкий, М.С. Традиционная ролевая игра как средство этнической социализации / М.С. Яницкий, Г.М. Авилов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2008. — № 4. — С. 27-30.

138. Яницкий, М.С. Ценностная регуляция поведения личности и ее нарушение при различных формах социальных девиаций / М.С. Яницкий // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 119-131.

139. Akay, S. The effects of Adlerian play therapy on maladaptive perfectionism and anxiety in children: A single case design [Electronic resource] / S. Akay, S. Bratton // International Journal of Play Therapy. — 2017. — Vol. 26(2). — P. 96-110. Access available at <http://dx.doi.org/10.1037/pla0000043> (дата обращения: 11.01.2018)

140. Anderson, D. Gender Role Stereotyping of Parents in Children's Picture Books: The Invisible Father / D. Anderson, M. Hamilton // Sex Roles. — 2005. — Vol. 52 (3-4). — P. 145-151.

141. Blumer, H. Sociological Implications of the Thought of George Herbert Mead / H. Blumer // American Journal of Sociology. — 1966. — Vol. 71 (5). — P. 535-544.

142. Bricheno, P. Role model, hero or champion? Children's views concerning role models [Electronic resource] / P. Bricheno, M. Thornton // Educational Research. — 2007. — Vol. 49 (4). — P. 383-396. Access available at <https://doi.org/10.1080/00131880701717230> (дата обращения: 06.12.2017)

143. Brown, S. Understanding youth and crime: listening to youth? / S. Brown. — Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1998. — 144 p.

144. Ford, M.W. Profiling change: an empirical study of change process patterns / M.W. Ford, B.M. Greer // The journal of applied behavioral science. — 2006. — Vol. 42 (4). — P. 420-446.

145. Gillespie, A. G.H. Mead: Theorist of the social act / A. Gillespie // Journal for the Theory of Social Behaviour. — 2005. — Vol. 35. — P. 19-39.

146. Glueck, S. Unraveling Juvenile Delinquency / S. Glueck, E. Glueck. — New York: USA Commonwealth Fund, 1950. — P. 399.

147. Grusec, J.E. Social learning theory and developmental psychology: The legacies of Robert Sears and Albert Bandura / J.E. Grusec // *Developmental Psychology*. — 1992. — Vol. 28 (5), — P. 776-786.

148. Gullatz, S. Constructing the collective unconscious / S. Gullatz // *Journal of Analytical Psychology*. — 2010. — Vol. 55 (5). — P. 691-714.

149. Hardy, A. Fighting in adolescent females: gender role conflict or gender role transition?: Psychology Postgraduate Affairs Group Annual Conference / A. Hardy, D. Howitt. — Derby, 1998. — P. 152.

150. Hopper, E. Theoretical and conceptual notes concerning transference and counter-transference processes in groups and by groups, and the social unconscious: part III / E. Hopper // *Group analysis*. — 2007. — Vol. 40 (2). — P. 285-300.

151. Johnson, S.K. Adolescents' Character Role Models: Exploring Who Young People Look Up to as Examples of How to Be a Good Person [Electronic resource] / S.K. Johnson, M.H. Buckingham, S.L. Morris, S. Suzuki at all // *Research in Human Development*. — 2016. — Vol. 13 (2). — P. 126-141. Access available at <https://doi.org/10.1080/15427609.2016.1164552> (дата обращения: 17.12.2017)

152. Light, J.M. Antisocial Behavior Trajectories and Social Victimization Within and Between School Years in Early Adolescence / J.M. Light, J.C. Rusby, K.M. Nies, Tom A.B. Snijders // *Journal of Research on Adolescence*. — 2014. — № 24 (2). — P. 322-336.

153. Malin, H. Adolescent Purpose Development: Exploring Empathy, Discovering Roles, Shifting Priorities, and Creating Pathways / H. Malin, T.S. Reilly, B. Quinn, S. Moran // *Journal of Research on Adolescence*. — 2014. — Vol. 24 (1). — P. 186-199.

154. McClintock, C.G. Role of interdependence structure, individual value orientation, and another's strategy in social decision making: A transformational analysis [Electronic resource] / C.G. McClintock, W.B. Liebrand // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1988. — Vol. 55(3). — P. 396-409. Access available at <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.55.3.396> (дата обращения: 17.12.2017)

155. Mead, G.H. *Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist* / G.H. Mead. — Chicago: University of Chicago Press, 1934. — 178 p.

156. Monk, D. Three dimensions of the male gender role as correlates of alcohol and cannabis involvement in young Australian men / D. Monk, L.A. Ricciardelli // *Psychology of Men and Masculinity*. — 2003. — Vol. 4 (1). — P. 57-69.

157. Moxnes, P. Group therapy as self-management training: a personal experience / P. Moxnes // *Group Analysis*. — 2006. — Vol. 39. — P. 215-234.

158. Neville, B. The charm of Hermes: Hillman, Lyotard and the post-modern condition / B. Neville // *Journal of Analytical Psychology*. — 1999. — Vol. 37 (3), — P. 337-353.

159. Paone, T.R. A school-based group activity therapy intervention with at-risk high school students as it relates to their moral reasoning [Electronic resource] / T.R. Paone, J. Packman, C. Maddux, T. Rothman // *International Journal of Play Therapy*. — 2008. — Vol. 17(2). — P. 122-137. Access available at <http://dx.doi.org/10.1037/a0012582> (дата обращения: 15.07.2017)

160. Parrott, D.J. Effects of hypermasculinity on physical aggression against women / D.J. Parrott, A. Zeichner // *Psychology of Men and Masculinity*. — 2003. — Vol. 4 (1). — P. 70-78.

161. Perryman, K.L. Turning the focus to behavioral, emotional, and social well-being: The impact of child-centered play therapy / K.L. Perryman, L. Bowers // *International Journal of Play Therapy*. — 2018. — Vol. 27(4). — P. 227-241. Access available at <http://dx.doi.org/10.1037/pla0000078> (дата обращения: 15.07.2017)

162. Rosselet, J.G. Using group role-playing games with gifted children and adolescents: A psychosocial intervention model [Electronic resource] / J.G. Rosselet, S.D. Stauffer // *International Journal of Play Therapy*. — 2013. — Vol. 22(4). — P. 173-192. Access available at <http://dx.doi.org/10.1037/a0034557> (дата обращения: 15.07.2017)

163. Shen, Y.-J. Play therapy with adolescents in schools: Counselors' firsthand experiences [Electronic resource] / Y.-J. Shen // *International Journal of Play Therapy*. —

2017. — Vol. 26(2). — P. 84-95. Access available at <http://dx.doi.org/10.1037/pla0000037>

(дата обращения: 10.07.2017)

164. Shoemaker, D.J. Theories of Delinquency: An Examination of Explanations of Delinquent Behavior / D.J. Shoemaker: Oxford University Press, 2009. — 400 p.

165. Stutey, D.M. Reality play therapy: A case example [Electronic resource] / D.M. Stutey, R.E. Wubbolding // International Journal of Play Therapy. — 2018. — Vol.

27(1). — P. 1-13. Access available at <http://dx.doi.org/10.1037/pla0000061> (дата обращения: 10.07.2017)

166. Swank, J.M. The use of games: A therapeutic tool with children and families [Electronic resource] / J.M. Swank // International Journal of Play Therapy, 2008. — Vol.

17(2). — P. 154-167. Access available at <http://dx.doi.org/10.1037/1555-6824.17.2.154> (дата обращения: 15.07.2017)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Результаты исследования структуры ролевых диспозиций подростков, склонных к девиантному поведению

Таблица 1

Проверка на нормальность распределения (критерий d-Колмогорова-Смирнова)

Переменные	N	макс.D	К.-С. - p
Дезадаптивность	231	0,09	p < ,10
Интерактивная приспособленность	231	0,09	p < ,10
Интерактивная направленность	231	0,07	p < ,20

Таблица 2

Парные сравнения фактора дезадаптивность с различным уровнем склонности подростков к девиантному поведению (критерий Шеффе)

Группы	{1}	{2}	{3}	Средние значения
умеренная {1}				-0,22
низкая {2}	0,497			-0,02
высокая {3}	0,042	0,045		0,17

Таблица 3

Парные сравнения фактора интерактивная приспособленность с различным уровнем склонности подростков к девиантному поведению (критерий Шеффе)

Группы	{1}	{2}	{3}	Средние значения
умеренная {1}				0,05
низкая {2}	0,000			1,25
высокая {3}	0,000	0,000		-0,83

Парные сравнения фактора интерактивная направленность с различным уровнем склонности подростков к девиантному поведению (критерий Шеффе)

Группы	{1}	{2}	{3}	Средние значения
умеренная {1}				-0,24
низкая {2}	0,937			-0,17
высокая {3}	0,004	0,017		0,28

Ранговые корреляции г-Спирмена при высоко выраженной склонности к дивантному поведению

Переменные	Число - набл.	Спирмена - R	р-уров.
ведьма & локус ролевого конфликта	99	0,40	0,000
ведьма & враждебность	99	0,42	0,000
герой & автономность	99	-0,22	0,028
герой & директивность	99	-0,24	0,018
дева & враждебность	99	-0,28	0,006
девочка & локус ролевого конфликта	99	0,37	0,000
мальчик & локус ролевого конфликта	99	-0,34	0,001
девочка & автономность	99	-0,31	0,002
мальчик & враждебность	99	-0,24	0,019
мать & враждебность	99	-0,25	0,012
отец & непоследовательность	99	0,21	0,041
старик & позитивный интерес	99	-0,20	0,045
старуха & директивность	99	-0,41	0,000
старуха & враждебность	99	-0,30	0,002
трикстер & автономность	99	0,26	0,009
трикстер & директивность	99	0,27	0,006
трикстер & враждебность	99	0,28	0,005
локус ролевого конфликта & враждебность	99	0,26	0,012
локус ролевого конфликта & позитивный интерес	99	-0,39	0,000
социометрический статус & автономность	99	-0,24	0,016
социометрический статус & враждебность	99	-0,35	0,000

Ранговые корреляции r-Спирмена при умеренно выраженной склонности к дивантному поведению

Переменные	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
герой & директивность	69	0,39	0,001
герой & враждебность	69	0,26	0,021
дева & враждебность	69	-0,27	0,019
дева & директивность	69	0,28	0,020
девочка & автономность	69	0,36	0,002
мальчик & локус ролевого конфликта	69	-0,27	0,022
мать & локус ролевого конфликта	69	-0,33	0,005
мать & позитивный интерес	69	0,26	0,030
старик & непоследовательность	69	0,31	0,010
старуха & позитивный интерес	69	-0,25	0,042
трикстер & враждебность	69	0,37	0,002
трикстер & непоследовательность	69	0,61	0,000
социометрический статус & автономность	69	-0,43	0,001

Таблица 7

Ранговые корреляции r-Спирмена при низко выраженной склонности к дивантному поведению

Переменные	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
ведьма & враждебность	63	0,28	0,024
ведьма & директивность	63	0,34	0,007
ведьма & автономность	63	0,27	0,034
ведьма & непоследовательность	63	0,44	0,000
герой & позитивный интерес	63	0,28	0,026
дева & локус ролевого конфликта	63	-0,54	0,000
девочка & позитивный интерес	63	0,45	0,000
мальчик & директивность	63	0,26	0,044
мать & автономность	63	0,53	0,000
отец & непоследовательность	63	-0,38	0,002
старик & локус ролевого конфликта	63	0,35	0,006
старик & автономность	63	0,34	0,006
старуха & позитивный интерес	63	-0,32	0,011
трикстер & враждебность	63	0,40	0,001
трикстер & непоследовательность	63	0,41	0,001
социометрический статус & позитивный интерес	63	0,39	0,002

Результаты расчета величин индексов структурной организации
по методу А.В. Карпова, А.А. Карпова

Индексы структуры	Выраженность склонности к девиантному поведению		
	низкая	умеренная	высокая
Индекс когерентности структуры	35	21	23
Индекс дивергентности структуры	9	12	34
Индекс организованности структуры	26	9	11

Таблица 9

Ранги ролевой структуры подростков при высоко-, умеренно- и низко выраженной
склонности к девиантному поведению

Переменные	Уровень выраженности склонности к девиантному поведению		
	высокий	умеренный	низкий
ведьма & локус ролевого конфликта	3	16	21
ведьма & враждебность	1	14	13
герой & автономность	19	15	31
герой & директивность	17	3	32
дева & враждебность	11	9	33
девочка & локус ролевого конфликта	5	17	17
мальчик & локус ролевого конфликта	7	10	34
девочка & автономность	8	5	35
мальчик & враждебность	18	18	18
мать & враждебность	15	19	19
отец & непоследовательность	20	20	8
старик & позитивный интерес	21	21	40
старуха & директивность	2	39	39
старуха & враждебность	9	38	38
трикстер & автономность	13	36	36
трикстер & директивность	12	37	37
трикстер & враждебность	10	4	6
локус ролевого конфликта & враждебность	14	22	22
локус ролевого конфликта & позитивный интерес	4	35	23
социометрический статус & автономность	16	2	25
социометрический статус & враждебность	6	34	24
герой & враждебность	22	11	30
дева & директивность	33	8	29
мать & локус ролевого конфликта	34	6	28
мать & позитивный интерес	24	12	27
старик & непоследовательность	35	7	26

старуха & позитивный интерес	23	13	12
трикстер & непоследовательность	36	1	5
ведьма & директивность	37	23	11
ведьма & автономность	25	26	15
ведьма & непоследовательность	38	33	4
герой & позитивный интерес	26	28	14
дева & локус ролевого конфликта	39	32	1
девочка & позитивный интерес	32	31	3
мальчик & директивность	27	27	16
мать & автономность	31	30	2
старик & локус ролевого конфликта	30	29	9
старик & автономность	28	25	10
социометрический статус & позитивный интерес	29	24	7

Таблица 10

Ранговые корреляции г-Спирмена в экспериментальной группе после реализации программы психолого-педагогической профилактики девиантного поведения

Переменные	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
ведьма & враждебность	49	0,219	0,041
трикстер & директивность	49	0,354	0,008
дева & непоследовательность	49	0,552	0,000
дева & позитивный интерес	49	0,301	0,012
герой & автономность	49	0,281	0,026
герой & локус ролевого конфликта	49	-0,531	0,000
старуха & локус ролевого конфликта	49	0,383	0,002
старик & автономность	49	0,348	0,004
социометрический статус & локус ролевого конфликта	49	-0,386	0,000
социометрический статус & позитивный интерес	49	0,294	0,037
девочка & позитивный интерес	49	0,202	0,026
девочка & непоследовательность	49	-0,311	0,024
мальчик & враждебность	49	-0,654	0,000
мать & позитивный интерес	49	0,403	0,001
отец & автономность	49	0,420	0,001
отец & непоследовательность	49	-0,380	0,002
отец & директивность	49	0,401	0,001

Сравнение контрольной группы в первом и втором тестировании

Переменные	Среднее – 1-е тестирование	Среднее – 2-е тестирование	t- знач.	p- уров.	N набл. 1-е тестиров ание	N набл. 2-е тестиров ание
Склонность к нарушению норм и правил	6,11	6,29	-0,81	0,420	50	50
Склонность к аддиктивному поведению	10,02	10,86	-0,36	0,722	50	50
Склонность к самоповреждающему поведению	14,64	13,78	1,81	0,072	50	50
Склонность к агрессии и насилию	10,95	10,43	0,43	0,667	50	50
Волевой контроль эмоциональных желаний	14,91	14,58	0,67	0,506	50	50
Склонность к делинквентному поведению	10,42	10,94	-0,81	0,420	50	50
Ориентация на личные интересы	9,79	10,48	-0,42	0,675	50	50
Ориентация на взаимодействие и сотрудничество	11,11	11,08	0,67	0,506	50	50
Маргинальная ориентация	22,95	23,82	-0,39	0,695	50	50
Адаптированность	65,95	64,57	1,34	0,182	50	50
Принятие себя	17,05	15,43	1,25	0,211	50	50
Принятие других	10,68	9,26	1,74	0,084	50	50
Эмоциональный комфорт	13,08	12,86	1,06	0,122	50	50
Ожидание внутреннего контроля	17,97	19,89	-1,34	0,182	50	50

Форма для наблюдения и фиксации показателей

Социальные навыки	Признаки	Примечание
Участие	Вербальная активность, инициативность.	
Ориентация в задачах	Напоминает другим о задачах. Заботится об эффективности выполнения. Вмешивается в действия других участников, чтобы помочь им.	
Ориентация в отношениях	Выступает посредником в конфликтных ситуациях между другими участниками. Объясняет другим участникам правила, элементы персонажей и т.д. Проявляет социальный интерес, направленность на сплочение.	
Осознанность и чувствительность к другим	Наблюдателен. Действует в контексте социальных интересов, в соответствии с действиями и ситуациями других участников.	
Инструментальная согласованность	Осознание сильных и слабых сторон используемых ролей. Действует в соответствии с характером роли.	
Коммуникативные навыки	Признаки	Примечание
Общие	Дополняет речь жестикующей. Говорит громко (достаточно). Подбирает подходящие предложения.	
Сотрудничество	Объясняет собственное мнение или ситуацию. Слушает мнения других участников. Договаривается при наличии противоположных мнений. Выражает позитивные чувства по отношению к другим, проявляет социальный интерес к другим. Отвечает «Да» на просьбы других участников. Задает вопросы, обращается с просьбой к участникам, и получает значимость в группе.	
Ассертивность	Отвечает «Нет» на просьбы других участников. Выражает негативные чувства по отношению к другим, слабо выражен социальный интерес. Просит о помощи.	
Управление ролями	Признаки	Примечание
Ролевая идентификация	Использует местоимение «Я», говоря о роли. Переживает эмоции и использует экспрессии, соответствующие роли (или в соответствии с тем, что происходит с ролью). Понимает и использует установки согласно роли.	
Ролевая дистанция	Способен рассматривать роль как нечто отдельное от самого себя. Может дистанцироваться от установок и характеристик присущих роли, не принимая их как лично значимые.	

Патент на изобретение способа оценки психосоциального профиля личности

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ПАТЕНТ

НА ИЗОБРЕТЕНИЕ

№ 2625284

СПОСОБ ОЦЕНКИ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ ЛИЧНОСТИ

Патентообладатель: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Новосибирский государственный педагогический университет" (RU)*

Авторы: *Перевозкина Юлия Михайловна (RU), Паньшина Людмила Васильевна (RU), Андроникова Ольга Олеговна (RU), Дмитриева Наталья Витальевна (RU)*

Заявка № 2016105668

Приоритет изобретения 18 февраля 2016 г.

Дата государственной регистрации в

Государственном реестре изобретений

Российской Федерации 12 июля 2017 г.

Срок действия исключительного права

на изобретение истекает 18 февраля 2036 г.

Руководитель Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

Г.П. Ислюев Г.П. Ислюев